

ФИЛОЛОГИЯ

М. Г. Абдурахмонов

БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ НОРМ УЗБЕКСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Исследуется безэквивалентная лексика как один из факторов изменения норм узбекского литературного языка. Приводится общая характеристика языковой ситуации в современном Узбекистане на фоне информатизации общества и процесса интеграции языков и культур. На основе анализа случаев употребления безэквивалентной лексики в устной и письменной речи автор констатирует ее существенное влияние на процесс демократизации литературной нормы

Ключевые слова: *узбекский язык, безэквивалентная лексика, слова-реалии, лакуна, термин, междометие, звукоподражание, экзотизм, аббревиатура, языковая норма, демократизация нормы.*

В современной лингвистической парадигме весьма заметное место занимают такие направления, как лингвокультурология и лингвострановедение. Обилие исследований, так или иначе затрагивающих проблему «язык и культура», свидетельствует об актуальности изучения явлений языка в их соотносительности с его кумулятивной и когнитивной функциями. С учетом процессов информатизации современного общества и неуклонного усиления процесса взаимной интеграции языков и культур предполагается выявление национально-культурной специфики языковых единиц и прежде всего слова как важнейшей значимой единицы языка и культуры. Среди культурно маркированных пластов лексики особое место занимает безэквивалентная лексика.

На протяжении ряда десятилетий к безэквивалентной лексике как феномену языка и речи было обращено исследовательское внимание представителей различных теоретических и прикладных областей языкознания. В их ряду находятся теория и практика перевода, лингвострановедение, лексикография, семиология, методика преподавания иностранных языков и др. В случае с русским языком уместно упомянуть имена Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова, Л. С. Бархударова, А. Д. Швейцера, Г. Д. Томашина, С. Влахова, С. Флорина, В. С. Виноградова, А. О. Иванова, И. А. Стернина и многих других).

Сам термин «безэквивалентная лексика» обоснованно возводится к работам Г. В. Шаткова, анализировавшего способы перевода безэквивалентных лексических единиц в русской публицистике советского периода

на норвежский язык и относившего к безэквивалентной лексике имена собственные, национальные реалии, слова с национально-экспрессивной окраской, лексику с суффиксами субъективной оценки. Под безэквивалентной лексикой Г. В. Шатков понимал слова или отдельные значения полисемантов (прямые или переносные), не имеющие в данный исторический период «готового» точного соответствия в лексике другого языка [3. С. 11].

За более чем 60-летнюю историю активного употребления термин «безэквивалентная лексика» подвергся существенному уточнению. Так, современные исследователи феномена лексической безэквивалентности достаточно строго подходят к его дефиниции, полагая, что издавна бытующее в языкознании «определение безэквивалентной лексики как *слов, отсутствующих в иной культуре и ином языке*, неудачно, потому что это можно сказать практически о любом слове исходного языка» [2. С. 80]. В связи с этим одни исследователи отождествляют ее со словами-реалиями, другие понимают ее как слова, отсутствующие в иной культуре и в ином языке, третьи – как слова, неперебиваемые на другой язык. Наиболее близкой нам является точка зрения С. Влахова и С. Флорина, которые помимо слов-реалий (географических, этнографических, общественно-политических) включают в состав безэквивалентной лексики термины, междометия, звукоподражания, экзотизмы, аббревиатуры, обращения и отступления от языковой нормы [1. С. 43]. Кроме того, слова с национально-экспрессивной окраской и субъективно-оценочные производные, причислявшиеся к без-

эквивалентной лексике еще Г. В. Шатковым, также, на наш взгляд, находятся в этом ряду. Несмотря на столь расширительное понимание парадигмы рассматриваемого явления, мы далеки от того, чтобы смешивать безэквивалентное и просто непереводаемое, ибо последнее может включать в себя не только собственно лексику данного языка, но и иноязычные вкрапления, окказионализмы и другие неузальные явления.

При обращении непосредственно к предмету настоящей статьи – безэквивалентной лексике в современном узбекском языке, рассматриваемой как один из факторов изменения его норм, – необходимо кратко охарактеризовать языковую ситуацию в современном Узбекистане.

Став суверенным государством, Узбекистан встал на путь проведения поэтапных реформ во всех сферах жизни государства и общества. За последние двадцать лет в стране произошли кардинальные позитивные перемены, ориентированные на формирование гражданского общества и рыночной системы экономики. Все это не могло не отразиться и на существующей языковой ситуации в Узбекистане и в целом на узбекской языковой картине мира. В частности, процесс интеграции Узбекистана в мировое сообщество влечет за собой не только расширение его экономических связей, но и усиление межкультурных и межъязыковых контактов. Одним из следствий этого является то, что в современной узбекской устной и письменной речи наблюдается большое количество в различной степени ассимилированных в узбекском языке заимствований из иных языков. Видное место среди них занимают фонетические кальки слов английского, русского и некоторых других языков, которые и обнаруживают себя как безэквивалентная лексика в современной узбекской речи.

Наиболее широко безэквивалентная лексика представлена в живой разговорной речи городских жителей, прежде всего молодежи. Здесь, по нашим наблюдениям, неадаптированные англицизмы и русизмы обладают чрезвычайно высокой частотностью и совершенно отчетливо объединяются в конкретные лексико-тематические группы, а именно: «компьютер и информационные технологии», «наименования средств мобильной сотовой связи», «терминология компьютерных игр», «марки и детали автомобиля» и некоторые другие. Приведем в качестве примера техницизмы, составляющие,

по нашим наблюдениям, основную массу слов первой из указанных групп: *байт, винчестер, дисковод, дисплей, монитор, картридж, курсор, принтер, процессор, сканер* и др. Слова этой группы, по сути дела, входят и в литературную речь на правах интернациональных терминов, подвергшихся детерминологизации в большинстве языков, контактирующих с узбекским языком. Несколько иная картина наблюдается с тем, что называется «язык геймеров». В речи посетителей компьютерных игровых клубов отмечаются не нуждающиеся в переводе с точки зрения данного микросоциума практически все термины английского (реже – русского) интерфейса популярных компьютерных игр (слова типа *upgrade* (улучшать свойства персонажа), *unite* (персонаж), *device* (устройство для игры), *save* (точка сохранения игры), *config* (индивидуальные настройки), *lag* (время передачи сигнала от сервера к клиенту и обратно), *cheat* (нечестный прием в игре). Разумеется, все приводимые примеры носят характер жаргонизмов и имеют мало общего с литературным языком, однако их широкое и достаточно устойчивое употребление является весьма симптоматичным, ибо является свидетельством процесса демократизации литературной нормы, чего еще до недавнего времени не наблюдалось.

Примеры расшатывания литературных норм с привлечением безэквивалентной лексики можно встретить и в письменной речи, а именно в рекламных текстах, размещаемых как на уличных баннерах, так и на страницах периодической печати. Названия различных фирм, наименования коммерческих акций и проектов, наименования экзотических блюд, а также относящиеся к различным лексико-тематическим группам иноязычные аббревиатуры – вот далеко не полный перечень явлений, могущих вызвать обоснованное негодование пуристов. Причины широкого распространения безэквивалентных лексем этого типа кроются, на наш взгляд, не столько в их лакунарности, сколько в коммерчески оправданной броскости, заведомо рассчитанной на известную непонятность и заинтересованность.

Наконец, в качестве одного из активных процессов собственно в литературном языке можно обозначить процесс заимствования из английского и русского языков социально-политической, экономической и научно-технической терминологии. Чаще всего это так называемая интернациональная лексика, восходящая

к латинским основам. Ср.: «Истиклолга эришгандан сўнг Ўзбекистон томонидан *ратификация* қилинган дастлабки халқаро ҳужжатлардан бири Инсон ҳуқуқлари умумжаҳон *декларацияси* эди» (Газета “Ўзбекистон овози”, 2013, № 93, С. 3). Столь же часты в газетной речи транслитерируемые, но непереводаемые английские аббревиатуры, ср.: «Гадбир Ўзбекистон Соғлиқни сақлаш вазирлиги ва ЮНИСЕФнинг малактимиздаги ваколатхонаи ҳамкорлигида ташкил этилди» (Газета “Ўзбекистон овози”, 2013, № 92, С. 1). Ясно, что процесс ассимиляции иноязычной лексики лишь дополняет собой чрезвычайно активные в современном узбекском газетном дискурсе процессы морфологической и синтаксической деривации. Однако сама необходимость столь частого появления новых языковых сущностей не может не сказаться на состоянии норм языка в целом, равно как и на отношении к ним со стороны носителей языка. Так, на сегодняшний день можно с уверенностью говорить о том, что язык узбекской журналистики постоянно движется в сторону демократизации литературной нормы. Это явление обусловлено постоянной потребностью адекватно отражать средствами речи все новые и новые реалии, порождаемые и приносимые прогрессом.

То же самое можно сказать и о современном узбекском литературном языке в целом, поскольку процесс демократизации языковых норм из живой разговорной речи и газетного

дискурса закономерно экстраполируется на все иные разновидности литературного языка, что предполагается самой природой языковой нормативности: «Нормативность проявляется в языке в двояком плане: нормативность как совокупность реально использующихся в языке лексем, словоформ, языковых конструкций и нормативность как совокупность тенденций отбора и правил использования языковых средств» [4. С. 337]. Второе диктует норму известную динамичность и податливость по отношению ко внешним факторам. На данном этапе, как уже отмечалось, возникло множество культурно-исторических предпосылок для изменения норм узбекского литературного языка. К числу же собственно лингвистических факторов, определяющих ход этого процесса, мы относим тенденцию к систематическому использованию безэквивалентной лексики.

Список литературы

1. Влахов, С. Непереводаемое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. М., 1986. 416 с.
2. Иванов, А. О. Безэквивалентная лексика. СПб., 2006. 192 с.
3. Шатков, Г. В. Перевод русской безэквивалентной лексики на норвежский язык : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1952. 20 с.
4. Языкознание : большой энциклопедический словарь / гл. ред. Н. В. Ярцева. 2-е изд. М., 1998. 685 с.

Л. И. Антропова

ВАРИАТИВНОСТЬ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ

Рассматривается проблема вариативности языковой нормы через призму концепции социокультурно-коммуникативной дифференциации языка, базирующейся на признании форм существования языка как относительно автономных языков общения со специфическими элементами, нормами, носителями и их коммуникативной компетенцией.

Ключевые слова: *языковая вариативность, форма существования языка, языковая норма, коммуникативная компетентность.*

Проблема исследования языковой вариативности тесно связана с проблемой дифференциации языка, которая решается учеными-языковедами с различных точек зрения. Функциональную дифференциацию языка исследуют по коммуникативным средствам (Г. П. Нещименко, Э. Г. Туманян В. Я. Порхошовский), по территориально-ареальному признаку (М. М. Гухман, А. И. Домашнев, В. М. Жирмунский, Н. Н. Семенюк), по социолингвистическим характеристикам носителей языка – пол, возраст, образование, интересы, профессиональная деятельность (Ю. Д. Дешериев, У. Лабов, Л. Н. Никольский, А. Д. Швейцер). Поскольку языковая вариативность обуславливается социальной характеристикой общества и его культурой, влиянием социальных и культурных изменений на развитие и функционирование языка [1. С. 34–45], то необходимо многофакторное изучение социолингвистических подсистем национального языка как социокультурных языков общения. Предложенная нами социокультурно-коммуникативная концепция дифференциации языка базируется на признании форм существования языка как относительно автономных языков общения со специфическими элементами, нормами, носителями и их коммуникативной компетенцией.

Сущность многофакторного социокультурно-коммуникативного подхода к коммуникативной компетенции объясняет выбор носителем кодифицированного литературного языка той или иной формы существования языка и соответствующий этому переход с одной формы на другую в условиях изменения ситуации общения. При таком понимании коммуникативная компетенция включает и языковую компетенцию, и пользование формой существования языка как социокультурным языком, который в процессе взаимодействия индивидуального и социального опыта говорящего становится

автономным и социально разделяемым средством общения для собеседников, поскольку характеризуется выработкой своих собственных узусных правил и динамикой [2].

Под динамической коммуникативной компетенцией понимается ментальная коммуникативная пресуппозиция, предполагающая наличие в сознании носителя кодифицированного литературного языка матрицы общения (в терминологии Дж. Гамперца) [4], которая формируется определенными формами существования языка с набором языковых средств, а также языковых и узусных норм их употребления, что и обеспечивает возможность перехода с одной формы существования языка на другую и установления их корреляции. Теоретическое обобщение закономерностей развития форм существования языка (или социолингвистических подсистем языка) позволит охарактеризовать особенности внутрикультурной и межкультурной коммуникации, разработать парадигматическое представление унилингвальной языковой ситуации и выявить новые тенденции в вариативности форм существования языка на современном этапе.

Доказано, что при анализе функционирования и структурирования унилингвальной языковой ситуации оправдало себя применение принципа языкового расстояния (термин У. Вайнрайха). Иными словами, когда устанавливается степень удаленности каждой формы существования языка от ядра языковой ситуации (под которым понимается кодифицированный литературный язык), во внимание принимается степень удаленности некодифицированных форм существования языка друг от друга. Поэтому важным является определение коммуникативного пространства, создаваемого в социуме формами существования языка и суммой способов социокоммуникативного поведения носителей кодифицированного лите-

ратурного языка в разных ситуациях общения как пространства, которое способствует точно-му определению места формы существования языка в структуре языковой ситуации. Языковая ситуация определяется нами как языковое целое, как динамическая, социокультурно и коммуникативно обусловленная парадигма, состоящая из совокупности функционально дифференцированных форм существования языка: кодифицированного литературного языка, литературно-разговорного языка, общерегионального обиходно-разговорного языка, городского обиходно-разговорного языка, территориальных диалектов, профессиональных и молодежного жаргонов.

«Ядром» парадигмы унилингвальной языковой ситуации выступает кодифицированный литературный язык, а «периферию» образуют обиходно-разговорные языки, территориальные диалекты, профессиональные и молодежный жаргоны.

Вариативность языка обуславливают также активные инновационные процессы, происходящие на всех уровнях языковой системы, которые понимаются как процессы пополнения языка новыми элементами, не ставшими еще нормой, но ставшими уже узואльно употребительными [3].

В рамках социокультурно-коммуникативной концепции унилингвальной языковой ситуации эти инновационные процессы получают адекватное объяснение: фактором, определяющим появление инновации, выступает узус, связанный с естественным развитием не кодифицированных форм существования языка. Выявленные в работе языковые инновации представлены на фонетическом, морфологическом, синтаксическом и словообразовательном уровнях.

Как показал анализ проведенного исследования немецкой разговорной речи, активные инновационные языковые процессы отражены:

а) в фонетике отмечена сильная и регулярная ассимиляция консонантных звуков не только в пределах морфем и слов, но и на их стыке. Такое явление вызывает позиционную зависимость звуков, вследствие чего они упрощаются, что, в свою очередь, ведет к уменьшению консонантной наполняемости звуковой цепи и к звуковой экономии (*werden* [vɛ^ɪd.ŋ] «стать, становиться»). В вокализме отмечается количественная и качественная редукция гласных в безударных слогах, вплоть до их полной нулизации. Высокая вариантность произноше-

ния гласных приводит к появлению нескольких употребительных вариантов, нехарактерных для литературной нормы (*immer* [ʔImz] «всегда»), что свидетельствует о социальной и культурно-языковой дифференциации;

б) в морфологии наблюдается частотное употребление имени существительного в именительном падеже вместо родительного; замена имени существительного указательными местоимениями, выполняющими роль конкретного эллипсиса при отсутствии имени существительного, когда называемый им предмет присутствует в конситуации; особенности склонения имен существительных; экспликация именительного падежа в репликах диалога; ослабление морфологических связей между членами синтаксических конструкций; иной, чем в кодифицированном языке, грамматический род имен существительных, обозначающих профессии; энклитическая позиция личных местоимений; использование семантических групп «нулевых» глаголов, что ведет к упрощению высказывания (например: *So 'ne Kleinigkeit «Такая мелочь»; Is Ihre Frau im Hause? – Nee, die is grade weg. «Ваша жена дома? – Нет, она как раз ушла»*) [5];

в) в синтаксисе – функционирование именительного падежа существительного и наличие незамещенной синтаксической позиции; синкретизм нулевых глаголов-предикатов, их полифункциональность; употребление прошедшего совершенного в значении настоящего времени; нарушение глагольной рамки предложения и нефиксированный порядок слов. В целом, синтаксические дифференциации обусловлены исключительно спонтанным действием коммуникантов, которые своими высказываниями стараются подчеркнуть самое важное (например, *im grunde genommen / ist das ja auch schon strafe für manche // (töchter)* «в общем / это тоже уже наказание для некоторых // (дочерей)» [6];

г) в словообразовании – развиваются продуктивные словообразовательные модели (аффиксальное словообразование, стяжение лексем («прилагательное + существительное» с семантической конденсацией последнего); специфические номинации для обозначения лиц мужского и женского пола и обозначения лиц по профессии с более широким набором производных; образование имен существительных с широкой семантикой производящей и производной основ; частотное использование специфических экспрессивных разговор-

ных суффиксов; развитие синонимии словообразовательных аффиксов для создания экспрессивной вариантности средств выражения (например: *das Mondblumenkarrussell* «лунная установка в парке»).

Таким образом, можно предположить, что эстралингвистические явления определяют закономерности общего направления развития национального языка.

Список литературы

1. Алпатов, В. М. Национальные традиции в вычленении и обозначении обработанных литературных идиомов (система терминов) // *Формы дифференциации языка в зеркале национальных терминологических традиций : материалы кругл. стола*. М., 2002. С. 34–45.

2. Языковая норма. Типология нормализационных процессов / отв. ред. В. Я. Порхомовский, Н. Н. Семенюк. М., 1996. 383 с.

3. Гак, В. Г. Языковая ситуация во франкоязычных странах // *Язык – Культура – Этнос* / под ред. Г. П. Нецименко. М., 1994.

4. Гамперц, Дж. Типы языковых обществ // *Новое в лингвистике. Социоллингвистика*. Вып. 7. М., 1975. С. 182–198.

5. Müller, K. Rahmenanalyse des Dialogs // *Aspekte des Sprachverstehens in Alltagssituationen*. (=Tüb. Beiträge zur Linguistik 232). Tübingen, 1984. 222 s.

6. Fritz, G. Kommunikation und Grammatik: Texte – Aufgaben – Analysen / G. Fritz, M. Muckenhaupt. *Beiträge zur Linguistik, Bd. 163*. Tübingen, 1981. 216 s.

СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СЕТЕВОГО НОВОСТНОГО ТЕКСТА

Осуществляется обзор существующих подходов к структурированию текста и рассмотрению содержательной структуры сетевого новостного текста. Ее специфика заключается в синтезе характеристик традиционного новостного сообщения и текста, реализующегося в сети Интернет.

Ключевые слова: *дискурс СМИ, сетевой новостной текст, содержательная структура текста.*

Проблема определения структуры текста, то есть системы взаимосвязанных разнорядковых текстовых элементов, не раз становилась предметом изучения в лингвистике [1; 5; 7]. Вместе с тем ее разработка в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы представляется по-прежнему актуальной, поскольку позволяет делать комплексные выводы о неязыковых (коммуникативных, ситуационных, когнитивных) ориентирах, которыми пользуется автор в процессе построения текста. Анализ текстовой структуры с новых позиций дает возможность на основе изучения базовых текстов определенного вида дискурса, то есть текстов, являющихся его основой в функциональном и количественном отношении, делать выводы относительно типичных для этого дискурса стратегий речепорождения.

Новостной текст реализуется в пространстве дискурса СМИ, выполняя роль коммуникативного посредника между автором-журналистом и массовым читателем. Основной функцией новостного сообщения, публикуемого в качественной газете, является объективное представление информации, что в значительной степени обуславливает способы представления и организации передаваемого посредством текста содержания. При этом выражение смысловых и структурных связей в новостном тексте имеет ряд особенностей, связанных с условиями его реализации в конкретном виде средств массовой коммуникации: телевидении, прессе, сети Интернет.

Цель данной статьи – раскрыть специфику содержательной структуры новостного текста Интернет-газет. Для этого рассмотрим сложившиеся подходы к описанию текстовой структуры и остановимся подробнее на результатах когнитивно-дискурсивных исследований структуры новостного текста.

1. Подходы к описанию структуры текста

Проблема формализации текстового содержания неоднократно освещалась в работах отечественных и зарубежных лингвистов, работающих в русле коммуникативного и функционального подходов к исследованию текста.

С позиций функционального подхода, при котором форма языкового воплощения ставится в зависимость от функции высказывания, структурирование единиц содержания текста осуществляется на основе распределения тематических и рематических компонентов входящих в текст предложений. Намерения говорящего и коммуникативный контекст, включающий общий для адресанта и адресата фон знаний, определяют принципы распределения тем и рем в тексте – от известного к новому. Переход от одного тематического блока к другому (движение тематической информации) формирует текстовую структуру, элементы которой соединяются по определенному принципу.

Согласно коммуникативному подходу, анализ текстового содержания затрагивает плоскость дискурса, а текст рассматривается в качестве продукта речевой деятельности, служащего средством сообщения сведений, то есть «изменения информационного статуса адресата» [2. С. 312–313].

С этих позиций текст складывается из совокупности последовательно вербализованных смысловых элементов, представляющих собой ментальные формы хранения и структурирования знаний о мире. Они могут получать разную терминологическую формулировку: предикат, выражающий предметно-смысловую связь между объектами [4 ; 5]; денотат, то есть образ некоторого фрагмента действительности, входящий в организованную систему знаний человека и обеспечивающий его коммуникативно-познавательную деятельность [7]; пропозиция как особая форма репрезентации знаний, в которой установлено соотношение данных

и новых информационных элементов [6]. По-разному определяя единицы текстовой структуры, исследователи придерживаются общего мнения о том, что в ней отражаются знания, намерения и оценки автора.

Общим положением представленных подходов является обусловленность семантической организации текста логикой внеязыковых предметных отношений: порядок распределения содержательных элементов в тексте является следствием процесса отражения предметов и ситуаций реальной действительности, коммуникативная значимость которых оценивается автором высказывания. При этом решение о том, какая информация о событии наиболее значима, принимается автором с учетом ценностей, сложившихся идеологических ориентиров и других норм коммуникативной деятельности в рамках определенной сферы общения [2. С. 249].

2. Структура новостного текста в когнитивно-дискурсивном освещении

Сходным образом строится анализ содержательной структуры текста в когнитивно-дискурсивных исследованиях: представление информации видится когнитивным процессом, подразумевающим репрезентацию событий действительности с разной степенью детализации и его последующую объективацию средствами языка в соответствии с дискурсивными условиями порождения текста. Механизмы языка, используемые для воплощения некоторого содержания в заданных композиционных формах, формируют стратегический компонент структуры сетевого новостного текста.

Характер структурирования текста при таком подходе объясняется тремя факторами: универсальностью процесса обработки информации любого рода в любых коммуникативных обстоятельствах, опорой на сложившуюся модель текста определенного вида, а также влиянием экстралингвистического контекста на способы распределения и представления информации.

В концепции Т. А. ван Дейка, объединяющей коммуникативный (по сути, дискурсивный) и когнитивный подходы, текст является продуктом отражения ситуации, а его смысловые части отражают ее элементы. «Когнитивным коррелятом», то есть лингвистической моделью ситуации, является пропозиция. Постигание некоторого события действительности начинается с активизации модели подобной ситуации, хранящейся в памяти репортера

и задающей правила редукции информации и ее организации в тексте. Ментальная процедура определения иерархии пропозиций, составляющих ситуацию, приводит к формированию содержательной структуры, в которой детали события градуируются по степени значимости для автора и складываются в текстовую макроструктуру [2. С. 69].

Таким образом отобранные и структурированные эпизоды представляемой ситуации в процессе построения новостного текста встраиваются в его формальную схему, именуемую Т. А. ван Дейком «суперструктурой». По мысли исследователя, суперструктура состоит из блоков («категорий»), каждый из которых особым образом наполняется содержанием. К обязательным блокам новостного текста относятся «Краткое Содержание», представленное заголовком и подзаголовком; «Главное Событие», описываемое во вводном предложении; «Фон», формирующий контекст, в котором развивается представляемое событие [2. С. 253–258].

Конвенциональная форма новостного текста задает начало стратегии текстопорождения, главным принципом которой является представление наиболее важных компонентов содержательной структуры в блоках «Краткое Содержание» и «Главное Событие» и расположение менее важных элементов содержания в блоке «Фон».

Иными словами, структурирование новостного текста на формально-содержательном уровне подчиняется принципу релевантности, или «перевернутой пирамиды» [3. С. 76], в соответствии с которым наиболее важная информация сообщается в начале текста, а менее важная – в конце.

3. Особенности содержательной структуры сетевого новостного текста

Сетевой новостной текст, то есть новостной текст, создаваемый для интернет-газеты, обладает специфической структурой, обусловленной в первую очередь многоуровневостью организации информации в условиях он-лайн СМИ.

В содержательную структуру сетевого новостного текста включаются следующие пропозитивные элементы:

1) топик – результат максимального сжатия содержания текста, отражающий его главный предмет и представляющий один из устойчивых тематических компонентов массовой информации, таких как политика, экономика, образование и так далее [3. С. 58]. Топик экс-

плицируется в названии рубрики, к которой отнесен текст в интернет-газете;

2) тема – смысловое ядро текста, конденсированное и обобщенное содержание текста; субъективно выделенная когнитивная единица, макропропозиция, отражающая значимую с позиции продуцента информацию, выраженную в «ядерной» пропозиции. Тема эксплицируется автором в заголовочном комплексе сетевого новостного текста и первом предложении статьи;

3) подтемы – компоненты содержания текста, направленные на детализацию описываемой в тексте ситуации, то есть непосредственно или опосредованно раскрывающие аспекты основной темы текста. Коммуникативные цели автора задают параметры отбора элементов представляемой ситуации для их реализации в основной и периферийной части содержательной структуры.

Совокупность темы и подтем формирует содержательную структуру сетевого новостного текста, которая может быть представлена в виде иерархии, верхний уровень которой занимает топик, ниже расположена «ядерная» пропозиция основной темы текста, далее рассредоточены подтемы. Таким образом, складывается организованная структура, в которой единицы содержания имеют разный информационный статус.

Характеристики новостного текста особым образом преломляются, дополняются в связи с его существованием в условиях Интернет-коммуникации.

Многоуровневая система организации информации, передаваемой текстом в сети Интернет, приводит к распределению основного содержания сетевого новостного текста по нескольким веб-страницам. В результате блок «Краткое Содержание», представленный заголовочным комплексом, располагается на двух уровнях сайта и может получать разное языковое оформление пропозиционального содержания. Это связано с различием выполняемых ими функций.

Первый заголовочный комплекс, образуемый заголовком и подзаголовком статьи, входит в перечень опубликованных новостных сообщений в определенной рубрике и представляет собой анонс текстового содержания. Его цель – кратко представить информацию, передаваемую текстом, и привлечь внимание читателя, побудить его перейти на следующий уровень сайта, где расположен текст сообще-

ния. В связи с этим первый заголовок сетевого новостного текста – краткий, он представляет собой простое предложение, пропозицию, отражающую основную тему статьи или одну из тем, входящих в блок «Фон». Выбор содержания, передаваемого на данном этапе, делается в пользу потенциально интересного, даже скандального.

Первый заголовок содержит ключевые для поиска слова, отсюда большая частотность употребления имен политиков, названий стран, которые актуальны в информационном пространстве на данный момент времени – таким образом редакция эксплуатирует так называемые «buzz topics», то есть «горячие темы» [3. С. 189], для привлечения внимания к определенному материалу.

Второй заголовок, расположенный на следующем уровне сайта вместе с текстом статьи, может совпадать или отличаться от первого заголовка. Его особенность в качественных Интернет-газетах заключается в точной передаче текстового содержания, поскольку он в первую очередь направлен на выполнение информирующей функции и, как правило, лишен экспрессивной окраски.

Блок «Главное Событие» располагается в виде одного или двух предложений в начале сетевого новостного текста (вводное предложение, «the lead»). Его назначение – передать основное содержание с минимальным количеством деталей для того, чтобы кратко и емко представить событие, ставшее новостным поводом. Детализация представляемого события осуществляется посредством добавления новых данных к одному или нескольким компонентам ядерной пропозиции, вынесенной в заголовочный комплекс.

Блок «Фоновое Содержание», самый крупный по объему, складывается из подтем, дополняющих основную тему новой информацией.

«Тело» текста разделено на смысловые блоки – абзацы, являющиеся языковым выражением макроситуаций. Относительная автономность содержания каждого абзаца, частое отсутствие типичных средств когезии между ними являются отличительными особенностями содержательной структуры сетевого новостного текста и представляют собой эффективный способ детализации описываемого события.

Фрагментарность представления данных – важный аспект Интернет-коммуникации в целом, поскольку передача информации в се-

тевом пространстве должна отвечать потребностям большого количества адресатов, одни из которых хотят получить общие сведения о событии (*что?, где?, когда?, с кем?*), а другие стремятся выяснить детали произошедшего, его причины и следствия, отношение к нему экспертов.

Монтажность как принцип организации семантической структуры сетевого новостного текста проявляется также в системе гиперссылок, которые, во-первых, акцентируют внимание читателя на отдельных компонентах содержания, во-вторых, служат началом навигационного пути к другим текстам, дополняющим картину представляемой ситуации, а в-третьих, являются средством воздействия на читателя. Принцип фрагментарности позволяет авторам вводить в структуру текста содержание, опосредованно связанное с его темой и представляющее имплицитную оценку описываемой ситуации.

Таким образом, складывающийся в современных англоязычных качественных интернет-газетах сетевой новостной текст синтезирует разные подходы к представлению информации: лаконичность и развернутость, констатацию факта и комментарий. В совокупности со спецификой реализации текста в Интернет-пространстве это определяет содержательную структуру сетевого новостного текста. Она характеризуется тем, что:

1) элементы содержательной структуры (топик, тема, подтемы) формируются автором в процессе ментальной обработки новостного события: категоризации ситуации, ее дискретизации, выявления основной и дополнительной информации для формирования иерархии темы и подтем;

2) реализация элементов содержательной структуры осуществляется в блоках устойчивой формальной структуры, которая, с точки

зрения журналиста, представляет собой матрицу, наполняемую некоторым содержанием;

3) тема текста, представляющая его основное содержание, вербализуется поэтапно с разной степенью детализации в первом, втором заголовочных комплексах и в вводном предложении, обеспечивая читателя достаточным объемом информации для формирования предварительной картины события;

4) подтемы, детализирующие эту картину дополнительными данными, занимают оставшийся объем текста и вводят как факты, так и оценки, комментарии.

Такое структурирование текстового содержания отвечает потребностям современного читателя качественных Интернет-газет, которому важна свобода в отборе нужной информации и возможность формирования собственного отношения к ней.

Список литературы

1. Гальперин, И. Р. Сменность контекстно-вариативных форм членения текста // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. М., 1982. С. 18–28.
2. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. 312 с.
3. Добросклонская, Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). М., 2005. 288 с.
4. Дридзе, Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семисоциопсихологии. М., 1984. 232 с.
5. Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации. М., 1982. 157 с.
6. Лузина, Л. Г. Распределение информации в тексте (когнитивный и прагматистический аспекты). М., 1996. 139 с.
7. Новиков, А. И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983. 215 с.

Н. Ш. Белоусова

ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ВЫРАЖЕНИЕ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ ЖУРНАЛИСТОМ

Раскрывается мысль о том, что сегодня авторская позиция журналистов в чистом виде практически не встречается. Это связано с множеством факторов, которые оказывают влияние на авторов. В работе мы исследуем четыре внешних фактора – их можно назвать главными причинами, искажающими авторскую позицию в современных российских СМИ.

Ключевые слова: авторская позиция, внешние факторы, гражданская позиция, исторические предпосылки, политические факторы, информационная политика издания, экономические факторы.

СМИ как «четвертая власть»¹ влияют на общественные и политические процессы, однако имеет место и обратное влияние. Определенные общественно-политические факторы могут препятствовать свободному проявлению мнений представителей прессы, что не позволяет исследователям быть объективными в определении характеристик авторской позиции журналистов. Можно сказать, что журналистика как социальный институт в современной России практически не является самостоятельной, она подвержена различным формам зависимости. Таким образом, понятие авторской позиции требует переосмысления с точки зрения определения условий для свободного проявления журналистского мнения.

Остановимся на основных научных представлениях об авторской позиции. В рамках нашей темы интересно мнение Е. П. Прохорова о том, что выражение истинной позиции журналиста, когда она не совпадает с позицией власти, становится похоже на гражданский поступок². Он считает, что авторская позиция должна быть гуманистической с оттенком таких качеств, как справедливость, демократия, свобода, достоинство. Схожее с ним мнение выражает Г. В. Лазутина, говоря, что «морально устойчивая деятельность образует основу для профессиональной журналистской позиции, включающей долг, профессиональную совесть, профессиональное достоинство, ответственность и честь»³.

Мы присоединяемся к таким трактовкам, считая гражданскую позицию журналиста неотъемлемой частью его профессионализма и частью авторской позиции. Если быть точнее, речь идет о соответствии авторской позиции журналиста его ценностным ориентациям, об осознании автором того, что его реакции на

события адекватны личному ощущению внутреннего долга, основанного на ценностных ориентациях.

Теперь рассмотрим факторы, влияющие на выражение авторской позиции. Под таковыми мы будем понимать «причину, движущую силу какого-либо процесса, явления»⁴. По происхождению факторы могут быть внутренними и внешними, здесь мы рассмотрим только внешние факторы. Они включают в себя:

1) исторические предпосылки развития российской журналистики;

2) политические факторы (факторы власти, ограничение свободы слова властными структурами любого уровня);

3) информационную политику издания (позицию редакции, традиции и правила поведения журналистов в редакции, список разрешенных и запретных тем);

4) экономические факторы.

Остановимся на каждом из них подробно.

Первым внешним фактором являются исторические предпосылки развития российской журналистики. В этом плане на поведение представителей российских СМИ влияют некоторые исторически сложившиеся особенности русского менталитета, среди которых Д. В. Ольшанский особенно выделяет синдром выученной беспомощности, возникший в результате ряда событий, таких как крепостное право, татаро-монгольское иго, фактор вынужденного почитания «хозяев» и вынужденной необходимости борьбы⁵. Синдром выученной беспомощности – это «особенность поведения, приобретаемая при систематическом негативном воздействии, избежать которого нельзя»⁶. Он характеризуется отказом от попыток преодолеть трудности, потерей мотивации, дефицитом внутренних ресурсов.

В современных условиях ограничений прессы каждый журналист может либо поддаться унынию и пассивности, замалчивать свою позицию, либо работать с риском для жизни, высказываясь открыто. После обысков и допросов в июне 2012 г. К. Собчак сказала: «Главное, что происходит с людьми, когда начинается такой беспредел, когда их унижают, когда у них отбирают последнее, – они ослабевают, они начинают быть еще злее, быть экстремальнее, либо ломаются. Вот самое сложное – сохранить свою искреннюю позицию, чтобы она у тебя не менялась независимо от того, что происходит с тобой»⁷.

Еще одна историческая предпосылка состоит в том, что феноменом российской журналистики являются крайности в отношениях с властью: подчинение или отрицание. Это вызвано, по мнению Г. С. Криницкой, «традиционно сакральным характером власти в России, сформировавшимся здесь еще в православно-ведический период развития славяно-русской культуры и окончательно оформившимся с принятием Русью христианства»⁸. Так, во все временные промежутки правления власть приближала к себе СМИ для трансляции своего влияния. Такая особенность государственного устройства помешала русскому обществу достичь достаточного уровня в развитии самоорганизации, что отразилось и на деятельности журналистов.

Так, исторические факторы оказали влияние на возможность открытого выражения журналистами своей позиции.

Второй группой внешних факторов, которые мы рассмотрим, являются *политические факторы*, или факторы власти.

Говоря про ангажированность, мы имеем в виду материальные соблазны, инстинкт самосохранения и многое другое, перед чем сложно устоять представителям журналистской профессии. «Даже у самых лучших, не потерявших достоинство, все равно есть запретные имена и темы, – говорит президент Фонда защиты гласности А. К. Симонов. – Дети – молодые журналисты, пришедшие на первую производственную практику, – быстро познают местные табу»⁹.

Масштабы действий по устрашению популярных журналистов, желающих высказывать радикальные мнения, стали более заметны в период перехода президентского поста от Д. А. Медведева к В. В. Путину. Кроме того, рубрика «Хроники беззакония» в журнале

«Журналист» описывает многочисленные случаи гибели российских корреспондентов, нападений на редакции, незаконного задержания милицией, угроз в адрес представителей СМИ. Поверхностность и спокойный тон газетных публикаций может являться лишь следствием инстинкта самосохранения журналистов. Соответственно, читатель может быть дезориентирован в отношении истинной позиции, которую каждый профессиональный журналист способен проявить в условиях свободы.

Таким образом, к политическим факторам, ограничивающим свободу журналистов, относятся все формы давления на личность, исходящие со стороны властных структур любого уровня, в том числе подверженных коррупции и криминализации.

Третья группа внешних факторов включает в себя *информационную политику издания*, традиции и правила редакции, позицию руководства по поводу того, как должен вести себя журналист, работающий в данном СМИ, каких тем ему можно касаться, а каких – нет.

По мнению М. Н. Кима и других теоретиков журналистики, в группе сотрудников существует идентификационное ядро, которое «является носителем коллективного сознания в редакции, оказывает социально-психологическое воздействие на других членов коллектива и ориентирует основные направления деятельности»¹⁰. Эти направления и можно определить как информационную политику издания. Е. П. Прохоров расшифровывает ее следующим образом: «Это идейно-творческая концепция ведущихся проблемно-тематических линий, характер разработки которых определяется социальной позицией данного СМИ»¹¹.

Можно вспомнить информационную политику федеральных телеканалов, по отношению к которой появилась метафора «молчание телеэкранов»¹². Когда журналисты доносили с телеэкрана ложные данные после декабрьских митингов по итогам выборов 2011 г., появилось обращение к коллегам политического обозревателя «Коммерсант FM» С. Кучера, где он называет такую позицию непрофессиональной¹³.

На сегодня, с сожалением отмечает Я. Н. Засурский, «журналист должен балансировать между бизнесом, государством и частным интересом»¹⁴, так как государство, частные корпорации и граждане являются тремя партнерами в средствах массовой информации. В этой связи такой фактор, как правила редакции, часто бывает следствием другого,

экономического фактора, влияющего на авторскую позицию.

Четвертый внешний фактор, *экономический*, проявляется в том, что в условиях финансового выживания сотрудники редакций зачастую закрывают глаза на отсутствие объективности в своих материалах в пользу лиц, спонсирующих жизнь издания и обеспечивающих рабочие места журналистам. Закон о свободе слова послужил лишь смене ограничительных факторов для журналистики: «Выяснилось, что политическая свобода печати еще не означает возможность всегда свободно выражать свои мысли и идеи, – пишет Я. Н. Засурский. – Все более отчетливо выявляется экономическая сторона свободы печати. Для того чтобы газеты, журналы, радио и телевидение свободно функционировали, они должны опираться на здоровый экономический фундамент. В экономической же сфере выявились немалые трудности для развития свободы печати»¹⁵.

Четыре перечисленных выше фактора, таким образом, можно считать основными внешними причинами, ограничивающими свободу мнений.

Итогом данной публикации, с одной стороны, является убежденность в том, что исследования авторской позиции в журналистских текстах не всегда могут претендовать на правильность выводов, так как на позицию автора влияет множество факторов. Поэтому читатель видит только то, что журналист показал исходя из силы давления вышеперечисленных факторов и способности противостоять этому давлению. Другими словами, то, что мы называем авторской позицией, является почти всегда интеграцией позиции редактора издания, политики влиятельных структур и действия подсознательных мотивов самого автора.

Однако, с другой стороны, представители журналистского сообщества имеют возможность выбирать как уровень риска, так и место работы в плане соответствия взглядов руководства своим собственным взглядам. Работая в острополитической оппозиционной прессе, местном издании нейтрального характера или «желтой прессе», журналист негласно выражает степень своей готовности к откровенному проявлению авторской позиции по поводу тех событий и явлений, о которых он пишет. В этом плане он как будто свободен в своем выборе, однако этот выбор определяется уже внутренними факторами. Их мы исследуем в другой статье.

Главный вывод состоит в следующем: исходя из природы внешних факторов, влияющих на авторскую позицию, исследователям можно рассчитывать на истинность выраженного журналистом мнения только при условии полной свободы прессы. В ином случае представляется оптимальным использовать методологический инструментарий для исследования наиболее глубоких мотивов и ценностей автора. Преследуя эту цель, мы разработали свой подход к контент-анализу по выявлению ценностно-смысловых доминант журналистских текстов¹⁶. Он позволит, как нам представляется, приблизиться к настоящей позиции автора, даже если она скрыта.

Примечания

¹ См.: Прохоров, Е. П. Введение в теорию журналистики : учеб. пособие. 5-е изд., испр. и доп. М., 2003. С. 186.

² См.: Там же. С. 334.

³ Лазутина, Г. В. Основы творческой деятельности журналиста : учебник. М., 2010. С. 201.

⁴ Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 2-е изд. М., 1982. С. 1391.

⁵ См.: Ольшанский, Д. В. Психология масс. СПб., 2001. С. 125.

⁶ Выученная беспомощность [Электронный ресурс] // Психологический словарь / отв. ред. В. К. Мульдаров. URL: <http://psi.webzone.ru/st/330500.htm>

⁷ Срок/ The Term. Эпизод 418. Собчак обыскали [Электронный ресурс]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=yF8bgbp-pk9I>.

⁸ Криницкая, Г. С. Проблема взаимосвязи профессиональных ценностей журналистики и смены исторических парадигм // Журналистика в поисках моделей развития. Вып. II / ред. Н. В. Жиликова, П. П. Каминский. Томск, 2010. С. 136.

⁹ Симонов, А. К. Свобода СМИ – условия и гарантия открытости общества. Публичная лекция в Екатеринбурге 24.10.2003 // Социальная ответственность журналиста : опыт современного прочтения проблемы: в 2 ч. Ч. 1. Межпрофессиональная экспертиза концепта и текста / под ред. Ю. В. Казакова. М., 2003. С. 25.

¹⁰ Там же. С. 23.

¹¹ Прохоров, Е. П. Введение в теорию журналистики : учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М., 2000. С. 228.

¹² См.: Молчание телеягнят [Электронный ресурс]. URL: <http://www.media-office.ru/?go=33>

73698&pass=e53a2b78bce5b1b8c42435c58ddb95df.

¹³ См.: Кучер, С. Можете выбросить все «Тэфи», которые вы получили за «лучшие информационные программы» [Электронный ресурс] // Коммерсантъ FM. 07.12.2011. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1832621>.

¹⁴ Засурский, Я. Н. СМИ и становление в России гражданского общества // Искушение свобо-

дой. Российская журналистика: 1990–2007. М., 2007. С. 144.

¹⁵ Засурский, Я. Н. Десять лет свободы печати в России // Искушение свободой. Российская журналистика: 1990–2007. М., 2007. С. 222.

¹⁶ Нами была разработана и апробирована собственная методика для выявления ценностно-смысловых доминант. См. публикации на эту тему.

Р. М. Бикмухаметова

КОНЦЕПТЫ «ЖИЗНЬ» И «СМЕРТЬ» В РУССКОМ И БАШКИРСКОМ ЯЗЫКАХ (на материале паремиологических и фразеологических единиц)

На материале паремиологических и фразеологических единиц раскрываются особенности концептов «жизнь» и «смерть» в русском и башкирском языках. На основе анализа данных единиц выявляется отношение к жизни и смерти, закрепленное в сознании русского и башкирского народов

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая картина мира, концепт, паремии и фразеологизмы, семантические группы.

Еще античные философы пытались понять, насколько реально и действительно бытие по отношению к небытию. Первую концепцию бытия и небытия сформулировали древнегреческие философы. Концепция небытия рассматривалась как противопоставление бытию, которая являлась отсутствием, отрицанием бытия. Категория небытия, как недоступная для мысли идея, тождественная категории «ничто», впервые появилась в учении Парменида об истинном пути мышления. Небытие противопоставляется бытию вообще, в то время как ничто – многообразие различных нечто. У Гераклита едины жизнь и смерть, день и ночь, добро и зло. Противоположности пребывают в вечной борьбе, так что «раздор есть отец всего, царь всего» [1. С. 37]. Платон создал учение о человеке, состоящем из двух частей, – бессмертной души и смертного тела. Смерть, согласно этому учению, есть процесс отделения души от тела, ее освобождение из «темницы», где она пребывает в земной жизни. Тело, по мнению Платона, в результате смерти превращается в прах и тлен [1. С. 207].

В христианстве смерть рассматривается как недоступное разуму таинство, как нечто бессмысленное, противоречащее духовной сущности человека. Поэтому главным мотивом является вера в спасение и преодоление смерти.

В философии эпохи Возрождения бытие рассматривается как реальность, противоречащая человеку, как сущее, осваиваемое человеком в его деятельности.

Философы XX в. рассматривают жизнь как бытие к смерти. Они считают, что проблема смерти становится для людей актуальной в критических ситуациях, в момент между жизнью и смертью.

Таким образом, тема жизни и смерти остается актуальной во все времена.

Представления людей о жизни и смерти отражается не только в философии, культуре, литературе, но и в языке народа.

В настоящее время актуальными в отечественном языкознании являются проблемы взаимоотношения языка и культуры, что позволяет говорить о формировании новой парадигмы в лингвистике – лингвокультурологии. Становление лингвокультурологии происходит благодаря опыту исследователей В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни, Ш. Балли, Э. Сепира, Б. Д. Уорфа и др.

В центре лингвокультурологических исследований находится человек, который рассматривается как носитель языка и культуры, а также его фоновые знания, поведенческие нормы, делающие его представителем данной культуры.

Язык есть важнейший способ формирования и существования знаний человека о мире. Отражая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в слове результаты познания. Совокупность этих знаний, запечатленных в языковой форме, называется «языковая картина мира» [7. С. 64]. Человек способен понимать мир и самого себя благодаря языку, в котором закрепляется общественно-исторический опыт – как общечеловеческий, так и национальный. Последний и определяет специфические особенности языка. В силу специфики языка в сознании его носителей возникает определенная языковая картина мира. Согласно гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа, «каждый народ видит мир сквозь призму родного языка, отражая действительность в языковой картине мира» [5. С. 142].

С понятием языковой картины мира связано понятие ментальности. Единицей ментальности является лингвокультурологический концепт. Впервые понятие концептосферы русского языка ввел Д. С. Лихачев, который толкует «концепт или общее понятие как мыслительное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [6. С. 4]. Также изучением концептосферы русского языка занимались такие ученые, как Ю. С. Степанов, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, В. А. Маслова и др.

В последние годы в лингвистике наблюдается возросший интерес к когнитивным исследованиям, одной из целей которых является реконструкция языковой картины мира и выявление в ней национально-специфического. Особая роль отводится при этом паремиологии и фразеологии.

Фразеологизмы и паремии как образные единицы языка воспроизводят культурную традицию ее носителей, а также воздействуют на формирование картины мира. Внутренняя форма фразеологических единиц и паремий содержит элементы национально культурного плана, так как в основе возникновения этих элементов языка лежит образное представление о действительности, которое отображает обиходно-эмпирический, исторический и духовный опыт языкового коллектива, связанный с культурными традициями [10. С. 249].

Анализ фразеологических и паремиологических единиц русского и башкирского языков представляет особый интерес в силу того, что он позволяет выявить своеобразие национальной картины мира русского и башкирского народов.

Целью данной работы является изучение русских и башкирских паремиологических и фразеологических единиц, представляющих концепты «жизнь» и «смерть».

Дадим лексикографическое толкование лексем «жизнь» и «смерть», чтобы затем проследить их концептуализацию в составе паремиологических и фразеологических единиц.

Жизнь – «состояние особи, существование отдельной личности» [2. С. 541]; «1. Совокупность явлений, происходящих в организмах, особая форма существования материи, возникшая на определенной ступени ее развития; 2. Физиологическое существование человека, животного» [9. С. 158]; «1. Существование вообще, бытие в движении и развитии; 2. Состояние организма в стадии роста, раз-

вития и разрушения» [11. С. 233]; «1. Особая форма существования материи, возникшая на определенной ступени ее развития, главным признаком которой и отличием от неживых объектов является обмен веществ; 2. Состояние организма в стадии роста, развития и разрушения; 3. Время от рождения до смерти человека или животного; 4. Развитие чего-либо» [4. С. 462].

Смерть – «конец земной жизни, кончина, разлучение души с телом, умирание, состояние отжившего» [2. С. 233]; «прекращение жизни» [9. С. 599]; «прекращение жизни, гибель и распад организма» [11. С. 851]; «1. Прекращение жизни, гибель и распад организма; 2. *Перен.* Полное прекращение какой-либо деятельности; конец» [4. С. 637].

На основании анализа лексикографических источников нами были выделены несколько семантических групп паремий и фразеологизмов, представляющих концепты «жизнь» и «смерть» в русском и башкирском языках.

Концепт «жизнь» в паремиях русского языка представлен следующими семантическими группами: 1) «смысл бытия человека»: *жить да быть – ума копить; жизнь дана на добрые дела; живи для людей, проживут и люди для тебя; жизнь измеряется не годами, а трудами; кто правдой живет, тот верно живет*; 2) «хорошая жизнь»: *радостная жизнь веселит сердце; жизнь бьет ключом; жизнь идет, как по маслу*; 3) «плохая, бедная жизнь»: *отвяжись плохая жизнь, привяжись хорошая; живет Ермошка: есть собака да кошка; жил бы хорошенко, да денег маленько; к худой жизни не привыкнешь*; 4) «жизнь, как процесс, который не повторяется и быстро проходит»: *жизнь стрелой мчится безвозвратно; живут один раз: не потом, а сейчас; не пожить тех дней, что прошли; жизнь бежит, а годы скачут; года, как вода, пройдут – не увидишь; жизнь не камень: на одном месте не лежит, а вперед бежит*.

Концепт «жизнь» во фразеологии русского языка представлен следующими семантическими группами: 1) «родиться»: *появляться на свет; произвести на свет*; 2) «долгая жизнь»: *дни долгие; на склоне жизни; на склоне дней; с вершины прожитых лет*; 3) «жить»: *пребывать на белом свете; смотреть на белый свет; век вековать*; 4) «скудная жизнь»: *маячить жизнь; беспросветная жизнь*; 5) «оживить, возродить кого-либо»: *возвращать к жизни; вернуть к жизни; вдохнуть душу; вызвать к жизни*; 6) «образ жизни»: *сидячая жизнь; светская жизнь*.

Концепт «смерть» в поговорках русского языка представлен следующими семантическими группами: 1) «некая высшая, самостоятельно действующая сила»: *придет пора – турнет курносая со двора; смерть не все возьмет, только свое возьмет; смерть в гости не зови – сама придет; смерть не выбирает: и старых и молодых забирает*; 2) «явление неизбежное»: *от смерти и под камнем не укроешься; два раза молоду не быть, а смерти не отбыть; от смерти не отмолишься, не открестишься; семи смертям не бывать, а одной не миновать*; 3) «пребывание в плохом, нездоровом состоянии»: *жив да покойника не стоить; в нем смерть уже гнездо свила; на волосок от смерти*; 4) «внезапная смерть»: *собрался жить, взял да и помер; живешь, живешь и вдруг умрешь; ныне на ногах, а завтра в могиле; сегодня венчался, а завтра скончался; ныне полковник, завтра покойник*; 5) «умереть»: *ушел в Ершову слободу; отправиться в Елисейские поля*; 6) «покой»: *отдохнешь, когда издохнешь; помрешь, так отдохнешь*; 7) «перед смертью все равны»: *и пономарь и владыка в земле равны; смерть всех сравнивает; смерть голову откусит – всех поравняет; царь и народ – все в землю пойдет; на всех одна смерть*; 8) «гроб, могила»: *дома нет, а домовице (гроб) будет; всякому мертвецу земля – гроб; бойся, не бойся, а гроб тещи; живой без сапог обойдется, а мертвый без гроба не обойдется*.

Концепт «смерть» во фразеологии русского языка представлен следующими семантическими группами: 1) «прекращение жизни человека»: *почить вечным сном; испустить дух; закрыть глаза; испускать последний вздох; окончить дни свои; ложиться в гроб*; 2) «жертвовать своей жизнью во имя чего-либо»: *класть голову; лечь костями; лить кровь*; 3) «пребывать в плохом, нездоровом состоянии»: *смотреть в могилу; ни жив ни мертв; на смертном одре; не жилец на белом свете; при последнем издыхании; еле-еле душа в теле; еле дышать*; 4) «лишать себя жизни»: *покончить с собой; совать голову в петлю*; 5) «риск, опасность»: *играть жизнью и смертью*; 6) «внезапная смерть»: *дух вон*; 7) «уничтожить кого-либо или что-либо»: *стереть с лица земли; вбивать осиновый кол в могилу*; 8) «доводить до смерти»: *вгонять в гроб*; 9) «отправляться в другой мир»: *отправляться к праотцам; отойти в вечность; отойти от мира сего; отойти в горнюю обитель; уйти в лучший мир*.

Анализ паремиологических и фразеологических единиц, характеризующих концепты

«жизнь» и «смерть», показал, что в русском языковом сознании существует представление о жизни, смерти и жизни после смерти. Именно этим объясняется страх перед смертью и ожидание ее как переход души человека в вечный покой, сон, лучшую жизнь. Жизнь человеку дается всего один раз, и она быстро проходит, поэтому важно найти смысл своего существования на земле. Смерть неизбежна, predetermined судьбой, но время и обстоятельство своей смерти человек не знает. Несмотря на это, человек должен был еще при жизни готовить себе гроб. Во время кончины, момента «расставания души с телом», приходит за душой какое-то мифическое лицо – смерть, Бог, курносая.

Концепт «жизнь» в поговорках башкирского языка представлен следующими семантическими группами: 1) «здоровье человека»: *сәләмәт тәндә, сәләмәт аҡыл* (букв. «в здоровом теле – здоровый дух»); *табалығың – байлығың* (букв. «твое здоровье – твоё богатство»); 2) «безвозвратная жизнь»: *үткәнде кайтарып булмай* (букв. «прошлого не воротить»); *үткән кире җайтмай* (букв. «что прошло, то уже не вернется»); *үткән ғүмер – аҡқан һыу* (букв. «прожитое, что промытое, – не воротить»); *йәшлек ике килмәй* (букв. «молодость не приходит дважды»); 3) «быстрая жизнь»: *кеше ғүмере – бер тоташ* (букв. «от жизни до смерти – один шаг»); *йыл обон, ғүмер тысқа* (букв. «год долгий, жизнь короткая»); 4) «трудная жизнь»: *ғүмер итеү – сират күпере итеү* (букв. «жизнь прожить – не поле перейти»); *донъя бер алдын, бер артын күрһәтер* (букв. «век протянется – всего достанется»); 5) «предопределение, судьба»: *ябмыштың убмышы юк* (букв. «от судьбы не уйдешь»); *күрәһен күрмәй, гүрәгә кереп булмай* (букв. «пока не увидишь того, что суждено увидеть, не умрешь»).

Концепт «жизнь» во фразеологии башкирского языка представлен следующими семантическими группами: 1) «родиться»: *донъяға килеү* (букв. «прийти в мир»); 2) «жить»: *ғүмер итеү* (букв. «жить»); 3) «спасти, возродить кого-либо»: *йәнәнә инеү* (букв. «душа входит»); *йән бөркөү* (букв. «душа брызгает»); 4) «бесцельная жизнь»: *ғүмер үткәреү* (букв. «проводить жизнь»); *ғүмер үззырып, сабата туззырып (йөрөү)* (букв. «жизнь проживать, лапти протирать»).

Концепт «смерть» в поговорках башкирского языка представлен следующими семантическими группами: 1) «смерть лучше плохой жизни»: *мәсхәрәнән үлем яҡшы* (букв. «лучше

смерть, чем бесчестье»); *хур булып йәшәүҙән намыслы үлем артык* (букв. «лучше смерть славная, чем жизнь позорная»); *туркак булып йәшәүҙән үлем якшы* (букв. «лучше умереть, чем жить трусом»); 2) «явление неизбежное»: *үлемдән қасып қотолоу юк* (букв. «от смерти не убежишь»); *үлмәктән қалмақ юк* (букв. «смерть не оставит»); *әжәлгә дарыу юк* (букв. «от смерти нет лекарства»); 3) «перед смертью все равны»: *үлем «бай», «ярлы» тип тормай* (смерть не разбирает богатого и бедного»); *үлем қартын, йәшен Тарап тормай* (букв. «смерть не разбирает молодых и старых»); *үлем қаршыһында барыбыз ба бер тигеб* (букв. «перед смертью все равны»); 4) «каждому своя смерть»: *йәшәүенә қарап үлеме* (букв. «как человек живет, так и умирает»); *эткә эт үлеме* (букв. «собаке собачья смерть»).

Концепт «смерть» во фразеологии башкирского языка представлен следующими семантическими группами: 1) «умереть»: *яқты донъянан китеү* (букв. «уйти из светлого мира»); *ғүмер һүнәү* (букв. «жизнь погасла»); *донъяны қалдырыу* (букв. «оставить мир»); *аяқты һубыу* (букв. «протянуть ноги»); *йән сығыу* (букв. «душа вышла»); *мәңгелеккә китеү* (букв. «уйти в вечность»); 2) «умирать во имя чего-либо»: *ғүмербе биреү* (букв. «отдавать жизнь»); *баш һалыу* (букв. «класть голову»); 3) «состояние, близкое к смерти»: *үлем түшәгендә ятыу* (букв. «лежать на смертном одре»); *бер аяғы ербә, икенсеһе гүрзә* (букв. «одна нога на земле, другая в могиле»); *сықмаған йәне генә қалған* (букв. «осталась одна душа»); *йәне сығырға тора* (букв. «почти душа выходит»); 4) «болезненное состояние человека»: *йән кибәү* (букв. «душа высохла»); *аяқтан йығылыу* (букв. «упасть с ног»); 5) «могила»: *гүрзә кергәнсе* (букв. «до входа в могилу»); *кәбергә инеү* (букв. «войти в могилу»); *кәбергә тығыу* (букв. «засунуть в могилу»).

Смерть в башкирской фразеологии и паремииологии воспринимается так же, как и в русской, то есть вера в переход души человека после смерти в иной мир. Многие религиоведы объясняют это тем, что христианство и ислам сформировались на несколько столетий позже иудаизма и последний оказал на них значительное влияние. Земная жизнь – подготовка к загробной жизни. Все, что происходит после смерти человека, тесно связано с его деятельностью. То, как умрет человек, зависит от образа жизни, которого он придерживался.

Анализ показал, что паремии и фразеологизмы со значением «смерть» преобладают и в русском, и в башкирском языках, причем в обоих языках смерть ассоциируется с представлениями о расставании души с телом после смерти человека, с отправлением души человека в мир иной. Следует отметить, что в башкирских паремиях и фразеологизмах со значением «смерть» ни разу не употреблено слово «гроб», что объясняется традициями захоронения у мусульманских народов – хоронили не в гробу, а в саване [14. С. 223].

Семантическую основу паремий и фразеологизмов со значением «жизнь» в обоих языках чаще всего формирует слово «душа». Единство души и тела, в представлении народов, олицетворяет жизнь и здоровье человека.

Список литературы

1. Асмус, В. Ф. Античная философия. М., 1998. 400 с.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1955.
3. Даль, В. И. Пословицы русского народа : в 3 т. М., 1996.
4. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.
5. Кузнецов, А. М. Национально-культурное своеобразие слова // Язык и культура : сб. науч.-аналит. обзоров. М., 1987. С. 141–163.
6. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка // Изв. АН СССР. Серия лит-ры и яз. 1993. Т. 52, № 1. С. 3–9.
7. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие. М., 2001. 208 с.
8. Надршина, Ф. А. Русско-башкирский словарь пословиц-эквивалентов. Уфа, 2008. 196 с.
9. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 19-е изд., испр. М., 1987. 750 с.
10. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. 288 с.
11. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2007. 1054 с.
12. Ураксин, З. Г. Фразеология башкирского языка. М., 1975. 192 с.
13. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М., 1986. 546 с.
14. Хайруллина, Р. Х. Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию : монография. 2-е изд. Уфа, 2008. 300 с.

КОГИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ БИБЛЕЙСКИХ ПРИТЧ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Проводится когитологический анализ библейских притч в русле морфотемного анализа, основной целью которого является выявление внутренней структуры текста и способов смыслопорождения.

Ключевые слова: *интегративные процессы; язык и сознание; речь и мышление; соотношение мыслительного и языкового материала.*

Несмотря на особое внимание лингвистов к внутритекстовым связям, ряд вопросов так и остается пока не решенным. Анализируя текст, мы видим, что его отдельные части, стоящие на значительном расстоянии друг от друга, оказываются в той или иной степени связанными, причем средства связи не всегда совпадают с традиционными. Но даже тогда, когда для связи отдельных отрезков высказывания используются уже известные средства, они приобретают некоторые особенности, порожденные масштабностью объекта [2]. «В динамике текста, – пишет Л. Н. Мурзин, – можно выделить по крайней мере два уровня – глубинный (семантический) и поверхностный (лексико-грамматический). На поверхностном уровне эта дискретность как бы размыва, текст становится перманентным, что способствует его целостному восприятию. Но не нужно думать, что на глубинном уровне мы имеем нерасчлененную структуру. В глубине текста обязательно присутствует и некоторая расчлененность, но иного рода. Мы членим объект, который является предметом нашего описания, выделяем те или иные его признаки и так далее. Поэтому глубинный уровень текста (семантика) также структурен, также состоит из некоторой цепочки компонентов как результата расчленения единого глобального объекта описания». Остается невыясненным, из чего конкретно состоит глубинный уровень и какими средствами связи – традиционными или нет – осуществляется связь глубинных дискретных единиц [4. С. 172].

Исследование текста в русле когитологического анализа имеет основной целью выявление его внутренней структуры и способов смыслопорождения. Проблема построения универсальной текстовой модели занимались многие отечественные и зарубежные лингвисты. И. Р. Гальперин в работе «Текст как объект

лингвистического исследования» дает подробное описание частей текста и способов связи между ними, однако вопрос о смыслопорождении в данной работе так и остался незатронутым [2]. Т. А. ван Дейк и В. Кинч в работах, посвященных этой проблеме, уделяли большее внимание психологии восприятия текста, нежели самому тексту, несмотря на подробный анализ механизмов восприятия, в лингвистическом плане они ограничились лишь основными пропозициональными обозначениями, ср.: «Нечто подобное можно сказать и о принятой здесь системе обозначений, в частности об использовании здесь пропозициональных представлений. Нет никакой необходимости делать ее сложнее, чем нужно» [3].

Основной сложностью в решении данной проблемы является интегративные процессы языка и сознания, речи и мышления [5]. Соотношение языкового и мыслительного материала является основным камнем преткновения в данной ситуации. «Нет языка вне мысли, как и не существует внеязыковой и внеречевой мысли» [5].

Ключ к решению данной проблемы можно найти в применении основных принципов морфотемного анализа в исследовании текста, что сможет решить ряд вопросов стоящих перед лингвистикой в наше время, а именно выявить универсальную структуру(ы) текста и определить закономерности, связанные с его смыслопорождением и интерпретацией.

Объективная действительность может быть классифицирована с помощью шести логико-мыслительных признаков, их аналогами в языке являются логико-семантические категории: субстантности, реляциональности, квалитативности, темпоральности, локальности, квантитативности, которые вступая в определенные отношения между собой формируют концептуальную парадигму [6 ; 7]. Связь нескольких

простых парадигм, в свою очередь, образует более сложную концептуальную синтагму, связующим элементом которой является логический предикат.

При чтении текст воспринимается линейно: от слов к словосочетаниям, от словосочетания к предложению и так далее. «... Мы идем от понимания слов к пониманию составных частей предложения и сложных предложений, затем – к последовательностям предложений и самым высшим структурам текста» [3]. На данном этапе читатель способен выявить только контактные связи между словами, на основе которых можно проникнуть только в буквальный смысл текста. Морфотемный анализ на базе логико-семантических категорий позволяет установить дистантные связи между языковыми единицами, не связанными непосредственно, что, в свою очередь, позволяет реципиенту проникнуть в глубинные смыслы текста и в подтекст. Логико-семантические признаки позволяют слову налаживать не только контактные линейные связи, но и дистантные, вертикальные связи между собой, формируя тем самым концептуальные блоки. Простые концептуальные синтагмы по средствам общего логико-семантического признака могут объединяться в блоки, в которых доминирующий признак отодвигает на второй план все другие признаки, присутствующее в тексте, под воздействием данного признака языковые единицы теряют свою семантическую независимость и начинают выполнять сопутствующую, уточняющую функцию. Под этим влиянием языковая единица может частично потерять свое значение или приобрести новое. Однако языковая единица с доминирующим признаком также находится под влиянием связанных с ней контактно или дистантно других языковых единиц, с другими логико-семантическими признаками, которые в свою очередь также дополняют или изменяют ее значение.

Для примера проведем сопоставительный анализ трех притч «О злых виноградарях» из Евангелия от Матфея, от Луки и от Марка в русле морфотемного анализа, используя теорию о концептуальных парадигмах [1 ; 6]. Во всех трех притчах обсуждаются одни и те же вещи: грешники и праведники, добро и зло, верность Богу и отказ следовать заповедям его.

Следует отметить, что, создавая текст, автор идет путем репрезентации от мыслеформы к тексту, закладывая определенную коммуникему как вариант модифицированной прагме-

мы. Данные притчи основаны на религиозно-христианской прагмеме добра, любви, милосердия и богобоязненности, однако несмотря на определенное различие в языковых средствах, используемых в текстах, прагмемные и коммуникемные установки одинаковы во всех трех притчах.

В притче «О злых виноградарях» в Евангелии от Матфея (рис. 1) обильно представлены три логосемы, а именно субстанциальность, локальность и квалитативность. Однако в данном случае эти признаки, хотя и превалирующие, не являются доминирующими, они не подавляют остальные логосемы, присутствующие в тексте, а вступают с ними в отношения, формируя простые концептуальные синтагмы типа квалитативность – субстанциальность, субстанциальность – локальность и так далее.

Сплошными линиями в тексте представлены контактные связи между языковыми единицами, которые читатель может сразу установить при чтении текста, а пунктирными линиями – дистантные связи, установить которые возможно лишь при повторном прочтении текста.

Суб. 1, Суб. 2, Суб. 5, Суб. 8 – это доминирующие логико-семантические признаки, составляющие ядро, вокруг которых формируются все остальные признаки, дополняя и уточняя их. Каждая новая языковая единица, обладающая своим собственным логико-семантическим признаком, дополняет значение ядерных элементов.

К примеру, отношения Суб. 1 – Суб. 2, Суб. 1 – Суб. 3, Суб. 1 – Суб. 4 (хозяин дома – слуги) сообщают читателю о том, что у хозяина дома имеются слуги, которым он дал им поручение. Сплошные линии между ними указывают на контактную связь этих элементов в тексте. Отношения Суб. 10 – Суб. 8, Суб. 4 – Суб. 8, Суб. 3 – Суб. 8 (слуги и виноградник) показывают читателю, что слуги были посланы в виноградник. Отношения Суб. 8 – Лок. 2, Суб. 8 – Лок. 3, Суб. 8 – Лок. 4 (виноградник, башня, ограда, точило) указывают на существование в винограднике башни, ограды и точила. Отношения Суб. 5 – Суб. 7 (сын, смерть) сообщают читателю о смерти сына хозяина. Между всеми этими элементами существуют контактные связи, которые формируют буквальный смысл текста и сообщают читателю основное содержание текста.

Отношения Суб. 6 – Суб. 8 (наследство – виноградник) помечены пунктирной стрелкой, так как контактная связь в тексте между ними

отсутствует. Это дистантное отношение делает возможным существование отношений Суб. 5 – Лок. 2, Суб. 5 – Лок. 3, Суб. 5 – Лок. 4, Суб. 5 – Суб. 2 (сын, башня, ограда, точило, плоды), которые также являются дистантными и свидетельствуют, что все это будет принадлежать сыну хозяина дома.

Таким образом, дистантные связи между языковыми единицами позволяют нам собрать больше дополнительной информации для ее лучшего понимания, однако не дают ключа к

ее пониманию, скрытого в христианской прамеме. Следует помнить, что притчи писались не ради описания какого-то события, само описываемое событие в них выступает символом, образом скрытой в ней идеи. На основе логико-семантических признаков у читателя складывается отношение к поставленной в тексте проблеме, а автор выражает свою точку зрения по данному вопросу. На основе логико-семантических блоков становится возможным проникновение в подтекст, в религиозную прагматику,

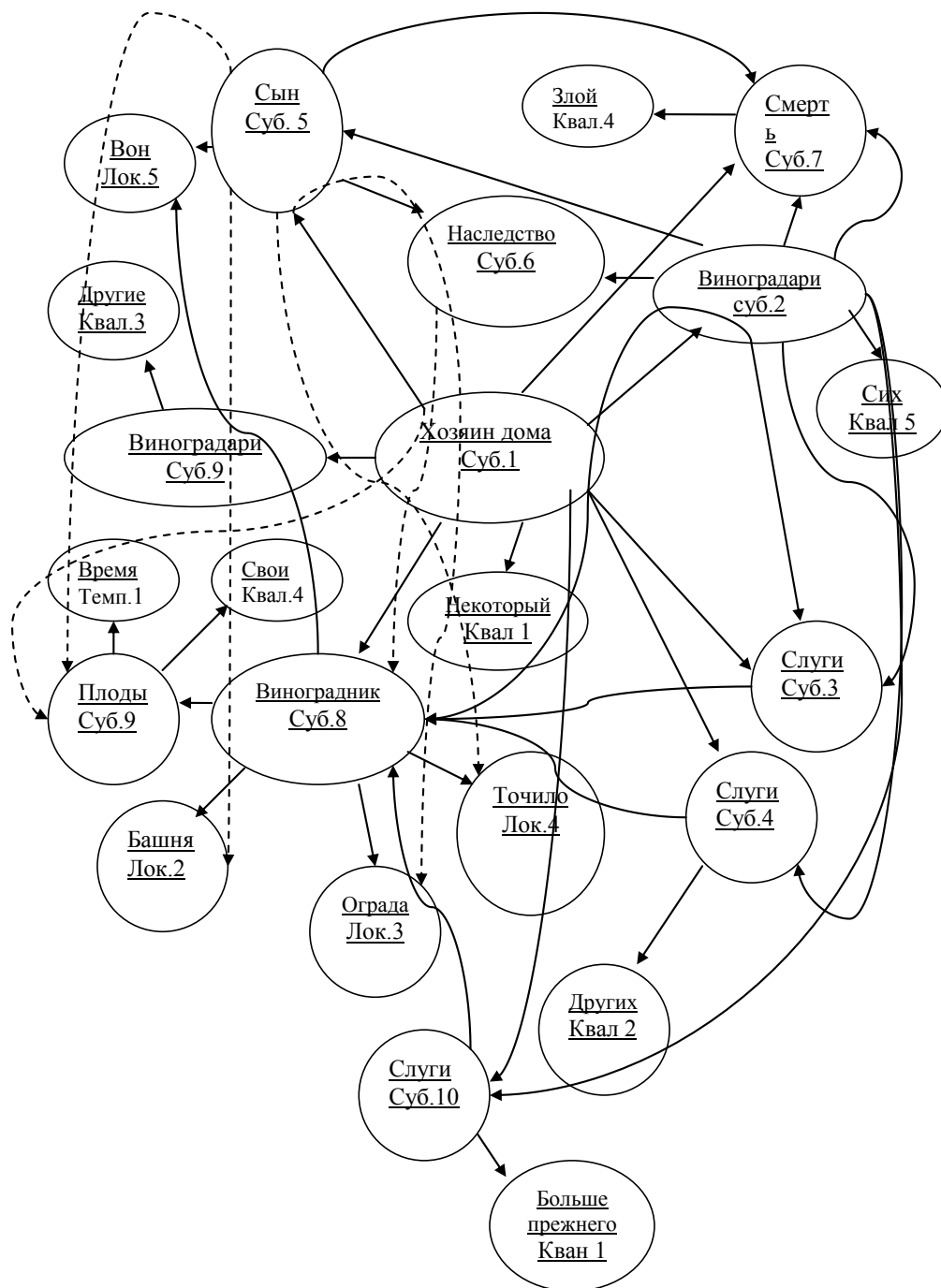

Рис. 1. Притча «О злых виноградарях» в Евангелии от Матфея

которая модифицируется авторским видением. На базе заложенной в тексте прагмемы формируется набор коммуникативных смыслов, которыми он может обладать. Она также служит и ключом, которым читатель может разгадать скрытые смыслы и отойти от буквального понимания текста.

Для того чтобы понять истинный смысл этой притчи, необходимо знать, что под хозяином дома понимается Бог, под сыном – Иисус Христос, виноградари – вожди Израиля, сам виноградник – это народ Израиля, ограда виноградника – Закон Божий, данный через Моисея; точило, куда стекал сок винограда, – жертвы; башня – храм иерусалимский, слуги хозяина – святые пророки, плоды – спасение мира от греха. Стоявшие во главе еврейского народа первосвященники, книжники и начальники получили власть для того, чтобы приготовить народ к принятию Спасителя, а они употребили эту власть только для своей выгоды. Бог посылал к ним пророков, но они гнали и убивали их. Так они оказались пророкоубийцами, а потом и убийцами апостолов. Спасителя же своего они отвергли и, выведя из своего города и не пустив к народу еврейскому, распяли. И

потому отнято было от них Царство Божие и отдано народу иному, Церкви Христовой, составившейся из язычников.

Таким образом, знание прагмемной составляющей и выявление дистантных и контактных связей в тексте дает возможность читателю проникнуть в контекст сообщения и правильно понять заложенную идею и верно истолковать смысл прочитанного.

Так, повторно анализируя дистантные связи Суб. 5 – Лок. 2, Суб. 5 – Лок. 3, Суб. 5 – Лок. 4, Суб. 5 – Суб. 2, (сын, башня, ограда, точило, плоды) мы придем уже к другим выводам, а именно, что Иисус Христос (сын) даровал спасение миру (плоды), новую церковь (башня), новый Закон Божий (Новый Завет), новую жертву (хлеб и вино). Вожди народа Израиля не выполнили обещание Богу, за что сильно поплатились, ибо отнято у них было Царство Господне.

Притча «О злых виноградарях» в Евангелии от Луки (рис. 2) носит ярко выраженный субстанциальный характер, остальные логосемы, такие как локальность, квалитативность и квантитативность, представлены не столь обильно, как в Евангелии от Матфея. В данной

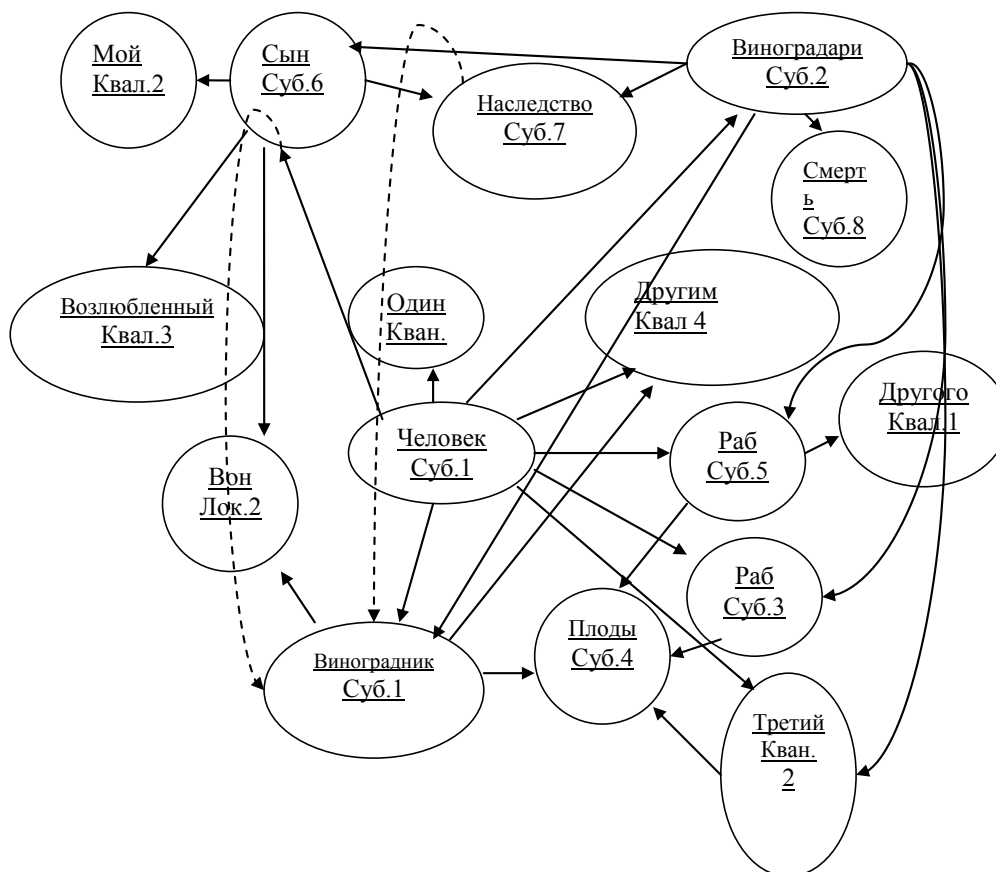

Рис. 2. Притча «О злых виноградарях» в Евангелии от Луки

притче эти признаки также являются превалирующими, но не доминирующими и не подавляют остальные логосемы, присутствующие в тексте, а вступают с ними в отношения, формируя простые концептуальные синтагмы типа «квалитативность – субстанциальность», «субстанциальность – локальность» и так далее.

Сплошными линиями в тексте также представлены контактные связи между языковыми единицами, которые читатель может сразу установить при чтении текста, а пунктирными линиями – дистантные связи, установить которые возможно лишь при повторном прочтении текста. Несмотря на различия в выборе языковых единиц и превалирующих логосемах, прагмемная и коммуникемная функции в притчах совпадают и даже являются тождественными. Читая эту притчу, читатель придет к тем же выводам, что и в предыдущей – от Матфея. При сопоставительном анализе данных притч становится ясным, что коммуникативные интенции авторов произведений совпадают. На базе различных логико-семантических признаков, например, субстанциальности, локальности, квалитативности, по-разному доминирующих в притчах, реципиент приходит к одним и тем же выводам. Это позволяет сделать вывод о том, что прагмема является определяющим признаком при формировании смысла текста. Именно она закладывает основную идею и является ключом к пониманию текста читателем. Так же можно прийти к выводу о слабой зависимости прагмемы от языковых составляю-

щих, однако полностью этот факт мы отрицать не можем.

Таким образом, использование морфотемного анализа в исследовании текста позволяет разложить его на основные составляющие – концептуальные синтагмы и парадигмы, выявить связи между ними, формирующиеся на базе доминирующего логико-семантического признака, и проникнуть в контекст.

Список литературы

1. Библия / Российское библейское общество. М., 2005.
2. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. 4-е изд., стереотип. М., 2006.
3. Дейк, Т. А. ван. Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М., 1988.
4. Мурзин, Л. Н. Текст и его восприятие / Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн. Свердловск, 1991.
5. Фефилов, А. И. Когнитологические аспекты анализа языка в философии и лингвистике : учеб. пособие. Ульяновск, 2006.
6. Фефилов, А. И. Конфронтативная морфотемика русского и немецкого языков (когнитологическое исследование) : монография. Ульяновск, 2009.
7. Фефилов, А. И. Морфотемный анализ единиц языка и речи. Ульяновск, 1997.

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ХАРАКТЕРА ЧЕЛОВЕКА ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Выявляется национальная специфика фрагмента фразеологической картины мира «характер человека» в английской лингвокультуре посредством установления структурно-семантических отношений, связывающих фразеологические единицы соответствующего фразеосемантического поля.

Ключевые слова: лингвокультура, фразеологическая картина мира, фразеосемантическое поле.

Актуальность темы настоящего исследования определяется обострением интереса к феномену культуры и проблемам языковой личности, недостаточной изученностью проблем национально-культурного своеобразия и антропоцентрированности фразеологических единиц.

Цель – выявить лингвокультурную специфику концепта «характер человека» во фразеологической картине мира английского языка.

Предметом исследования выступают фразеологические единицы как средство репрезентации фрагмента фразеологической картины мира «характер человека» в английском языке.

Для целей исследования путем сплошной выборки из одноязычных и двуязычных фразеологических словарей английского языка было отобрано и проанализировано 645 фразеологических единиц (ФЕ) английского языка, репрезентирующих характер человека, объединенных интегральной фразеосемемой «характер человека», из них 30 % с переменной зависимостью компонентов. Большинство ФЕ многозначные по модели цепочечной полисемии, и менее 20 ФЕ всего выявленного объема представляют собой случаи радиальной полисемии. Часть выборки охватывает поведенческие реакции человека, так как, по мнению психологов, характер проявляется в поведении.

Согласно мнению И. А. Волошкиной, характерологическим фразеоединицам, «кроме выражаемых ими интегральных, дифференциальных, имплицитных и эксплицитных сем, свойственны прототипные, доминантно-образные, акциональные, константные и гендерные семы»¹.

Прототипные семы ассоциативно соотносят зафиксированное языковым знаком актуальное значение ФЕ с существующим в экстралингвистической действительности прототипом. На-

пример, во фразеологическом обороте *soft as butter* «мягкотелый, слабохарактерный» прототипная сема «мягкий» передается фразеолоксемой *butter* и совпадает с эксплицитной семой «мягкий», которая содержится в компоненте *soft*. Данные семы, объединяясь и создавая единый образ, формируют дифференциальную сему ФЕ «бесхарактерный».

Доминантно-образные семы обнаруживаются в результате идентификации определенного ономаσιологического признака компонента фразеоединицы, выступающего в качестве доминирующего признака прообраза². Они выявляются в зависимости от того, какое понятие выражается фразеологической единицей с помощью конкретного слова. Например, посредством лексемы *head* «голова» объективируются различные понятия: «прозорливость, предусмотрительность» в устойчивом сочетании *a long head*, «хладнокровие, рассудительность» в адъективной ФЕ *a cool head*, «сообразительность» в глагольной ФЕ *to have a good head on one's shoulders* «иметь свою голову на плечах, быть смышленным, сообразительным», «самообладание» в ФЕ *to keep one's head* «не терять головы, сохранять самообладание».

В семантической структуре фразеологизмов выделяются гендерные семы, которые выражают категориальное значение мужского или женского рода, например, *be pinned to one's mother's / wife's apron (strings)* «быть под каблучком (у жены), держаться за юбку», *old bat* «старая карга, брюзга, зануда» (о пожилой женщине), *weak sister* «женоподобный мужчина», *common scold* «сварливая жена».

Акциональные семы содержательно соотносятся с динамическими процессами, которые присутствуют в структуре значения глагольных ФЕ, указывающих на проявление характерологической черты, например, во ФЕ,

репрезентирующих раздражительность «выйти из себя, вспылить», акциональная сема присутствует в структуре глагола *get*: *get rattled*, *get blood / dander up*, *get hetup about smth.*, *get hot under the collar*, *get one's shirt out*.

Константные семы свойственны фразеологизмам, объективирующим постоянство качеств характера, например, субстантивным фразеоединицам – *close liver* «скупец», адъективным фразеоборотам – *tricky as a monkey* «хитрый, зловерный», *cold as ice / marble / steel / stone* «холодный, бесчувственный, бессердечный, черствый», глагольным фразеовыражениям – *look at the bright / sunny side of things* «смотреть на вещи оптимистически».

Компонентный анализ фразеологических единиц поля способствовал структурированию поля. Определение интегральных сем привело к выделению групповых элементов поля: субполей, микрополей, фразеосемантических групп (ФСГ), подгрупп и рядов. Дифференциальные семы явились определяющими для разграничения зон поля. Выявленные константные семы в составе семантики фразеоединиц позволили выстроить их в ядерной и околоядерной зоне, акциональные семы явились доминирующими для размещения фразеологических оборотов в центральной и периферийной зоне. Прототипные и доминантно-образные семы необходимы для выявления первичного десигната ситуации экстралингвистической действительности.

Руководствуясь тем, что фразеологическая картина мира – один из универсальных способов систематизации фразеологизмов, мы в качестве экстралингвистических оснований для систематизации ФЕ во фразеосемантическое поле использовали популярную в психологии классификацию черт человеческого характера, в которой черты характера изучаются с точки зрения психических процессов (эмоциональные, волевые, моральные и интеллектуальные) и в плане направленности личности (отношение к окружающему миру, людям, деятельности)³. Данная классификация способствовала выявлению дифференциальных фразеосемем и структурированию поля. Материал выборки показал необходимость выделения еще одной группы черт характера, как то «отношение к собственности» (табл. 1).

Таким образом, в составе ФСП «Характер человека» были выделены 2 субполя: «Характер как психический феномен» и «Направленность характера». Субполе «Характер как психический феномен» включает 4 микрополя

«Эмоциональные черты характера», «Волевые черты характера», «Интеллектуальные черты характера» и «Моральные черты характера». Субполе «Направленность характера» структурируется в микрополя «Отношение к людям», «Отношение к окружающему миру», «Отношение к деятельности», «Отношение к собственности». Микрополя включают себя фразеосемантические группы, подгруппы и ряды.

Таблица 1

Структура ФСП «Человеческий характер»

Субполе	Микрополе	Кол-во ФЕ	Удельный вес, в %
		381	58,98
Субполе 1 «Характер как психический феномен»	Моральные черты характера	161	9,13
	Волевые черты характера	107	19,81
	Эмоциональные черты характера	59	8,36
	Интеллектуальные черты характера	54	24,92
Субполе 2 «Направленность характера»		230	35,60
	Отношение к людям	63	9,75
	Отношение к окружающему миру	80	12,38
	Отношение к деятельности	48	7,43
	Отношение к собственности	18	2,79
Другое		35	5,42
Итого		646	100,00

Ядра микрополей образуются архисемичными ФЕ с интегральным константным семантическим признаком, свойственным каждому из них. Интегральные семы являются смысловым лейтмотивом и обладают высокой степенью семантической абстракции. Интегральные семы суб- и микрополей предстают как гиперсемы относительно интегральных сем фразеосемантических групп, подгрупп и рядов.

В ядре и центре поля – однозначные ФЕ, обозначающие одну черту характера. Периферийная зона состоит из ближней и дальней периферии. Ближнюю периферию составляют стилистически сниженные ФЕ, многозначные фразеологизмы и фразеоединицы, фразеосемемы которых выражают одновременно несколько характерологических черт и, соответственно, обладают рядом дополнительных дифференциальных признаков. Меньшей по объему

является дальняя периферия, она сформирована паремиологическими выражениями.

Субполе «Характер как психический феномен» включает четыре микрополя: «Моральные черты характера» с архисемой *ethical (moral)* в ядерной зоне (161 ФЕ), «Волевые черты характера» (128 ФЕ), которое содержит интегральный семантический признак *will* в ядре, «Эмоциональные черты характера» с интегральной семой *emotion* (59 ФЕ) и «Интеллектуальные черты характера» с компонентом *mind* в дефиниции (54 ФЕ).

Особенность микрополя «Моральные качества человека» заключается в дифференцированности его ядра, поскольку оно объединяет фразеологические единицы, находящиеся между собой в привативной связи. Его ядерными интегральными семами являются *ethical (moral) / unethical (nonmoral, unmoral, immoral)*, присутствующими во ФЕ *moral fibre, the ace of aces, good / nice as pie, have one's wings sprouting from one's shoulders VS a bad character / egg / hat / lot, dirty dog, bad to the bone*.

Антонимичная дифференцированность свойственна практически всем ФСГ, составляющим данное микрополе. ФСГ «благородство» противопоставляется ФСГ «подлость»: *a big heart, a high mind, good as gold, good sport (sort, egg, onion) VS a bad actor, paint smb black, yellow dog, false heart, yellow streak*. ФСГ «доброта, сердечность, приветливость» вступает в отношения бинарной оппозиции с ФСГ «жестокость, безжалостность, черствость, равнодушие»: *a kind (honest, simple) soul, kind (soft, warm) heart, big heart VS hard (stony) heart, cold as charity, cool as cucumber, hard as a flint (a stone, iron), eat one's young, to have a thick skin*. ФСГ «искренность, откровенность» категориально соотносена с ФСГ «лицемерность, лживость, неискренность»: *not to mince matters (one's words), single heart (mind), have too much tongue, open as the day, make a clean breast of smth. VS an iron hand in the velvet glove, as if butter wouldn't melt in one's mouth, Jekyll and Hyde, sail under false colours, a wolf in sheep's clothing, all sugar and honey, a honey tongue, a heart of gall, many kiss the child for the nurse's sake, cupboard love, play fast and loose, run with the hare and hunt with the hounds, artful as a cartload of monkeys, old fox, sly fox, a tame spaniel, an oily tongue, a silver tongue, tricky as a monkey, a led captain, eat somebody's toads (toad eater), lick somebody's boots, all sugar and honey, a tame cat / spaniel*. ФСГ «честность» маркирована по-

ложительно относительно своего отрицательного противочлена ФСГ «хитрость, лживость»: *play a straight bat, straight as a die, as honest a man as ever broke bread (lived by bread, trod on earth), shoe leather, as honest as the skin between his brows), Daniel come to judgement, clean hands, straight goods, straight dealing, empty the bag, fair and square VS pull the wool over eyes, lie in one's teeth, do the dirty on somebody, lie like a gas-meter*.

В данном поле наблюдается асимметрия принципа бинарной оппозиции и сразу две ФСГ «наглость, бесстыдство» и «высокомерие, зазнайство» парадигматически соотносены с ФСГ «стыдливость, скромность»: *cool beggar (card, customer, fish, hand), dead to shame, a smart Alec, bold as brass, blush like a black / blue dog, dead to shame, shame isn't smoke that makes one cry when gets in the eye, mount (be on, ride, get on) the high horse, proud (vain) as a peacock, proud as Lucifer, high (proud) stomach, a stiff neck, strut like a turkey-cock, cock one's nose, be high and mighty, get the high-hat, big head VS blush to the roots of one's hair, he wouldn't hurt a fly, keep a low profile, quiet as a lamb*.

В дальней периферии микрополя «Моральные черты характера» обнаруживаем ФЕ фразеосемантической подгруппы с общим значением «верность своим убеждениям, слову»: *one's word is as good as one's bond, stick to one's guns, suit the action to the word, be as good as one's word, keep one's word, go back on one's word*.

В микрополе «Волевые черты характера» получили языковую репрезентацию такие черты характера, как сдержанность, самообладание, целеустремленность, терпение, мужество, трусость, самостоятельность, несамостоятельность, решительность, сильный характер, нерешительность, слабый характер.

Достаточно многочисленную фразеосемантическую группу составляют ФЕ со значением «сдержанность, самообладание» (16 ФЕ): *a cool heart / head, mental ballast, in one's sober senses, sober as a judge, clear (hard) grit, hard as nails, level head, possess one's soul, keep one's balance, (not to) bat an eyelid*.

Примерами ФЕ фразеосемантической подгруппы «мужество» могут служить: *die game, grasp the nettle, a heart of oak, high/red blood, put on a bold front, stout heart, bold (brave) as a lion, make the best of a bad bargain (business, it), bold as brass*.

Особенность фразеосемантической группы «трусость» микрополя «Волевые качества» со-

стоит в том, что в его ближнюю периферию помещаются фразеологические единицы, принадлежащие к сниженному стилю: *white liver, yellow dog, a yellow streak, a yellow bell, get (have) cold feet, fly (mount, show) the white feather*, а в дальней периферии находятся нейтральные общелитературные фразеологические единицы: *timid as a hare, faint heart, to have cold feet*.

Среди фразеологизмов фразеосемантической группы с общим значением «самостоятельность» можно выделить: *go it alone, hoe one's (own) row, stand on one's own bottom, be fond of one's own way, go on one's own hooks, fly / leave the nest, stand on one's own bottom*.

Решительность, сильный характер получают положительную оценку в рамках фразеологической картины мира английского языка: *firm / steady / solid as a rock, a hard nut to crack, a tough nut*, а нерешительность порицается: *soft as butter, neither fish / flesh nor fowl / good red herring, a poor stick*. Интересно, что крайние проявления волевой составляющей – упрямство и покорность – оцениваются в равной степени негативно, так как нарушают представления о норме поведения: *a stiff neck, obstinate / stubborn as a mule, dig in one's heels, batter one's head against a brick / stone wall VS run with the hare and hunt with the hounds, swallow one's pride, turn the other cheek*.

Микрополе «Эмоциональные черты характера» относительно невелико, всего 59 ФЕ. Основные ФСГ: «жизнерадостность», «энергичность» и «вспыльчивость». ФСГ «жизнерадостность» в основном представлена следующими синонимичными ФЕ: *merry as a cricket (grig / a marriage bell / maids), playful as a kitten, cheerful (gay) as a lark, free and easy, light heart, free liver, see through rose-coloured glasses, gay bird, barrel of fun / laughs, a bright spark, jolly as a sandboy*. В отношениях контраста с ФСГ «жизнерадостность» стоит ФСГ «уныние, занудство»: *down in the dumps, see through blue glasses, turn on the waterworks, a wet blanket, dull as ditchwater, a dull beggar / fish*. В ФСГ «энергичность» было выделено 7 ФЕ: *draw the bow up the ear, move heaven and earth, full of beans, rough and ready, do smth with all guns blazing*. ФСГ «вспыльчивость» также коррелирует с эмоциональной составляющей: *hairy about (at, in) the heel (the fetlocks), short temper, rough and tough, common scold, wild and woolly, a hot head, easy on the trigger, quick on the trigger, have (or be on) a short fuse*.

Критерием отбора фразеологических единиц в микрополе «Интеллектуальные черты

характера» послужило наличие в их составе или в их словарных дефинициях лексем, характеризующих проявление умственной деятельности (восприятия, памяти и так далее), то есть таких лексем, как *clever, stupid, crazy, intelligent, knowledgeable* и т. п. Несколько ФЕ имеет обобщенное значение «умственные способности», например, *turn of mind* – «склад ума», *gray (grey) matter* – «серое вещество, мозговые извилины, мозги», *have a tile loose (missing), have (got) water on the brain*. К фразеосемантической подгруппе ФЕ с положительной оценочной коннотацией и значением «ум, мудрость» относятся: *have more brains in one's little finger than one has in his whole body, a clever dog, a clever head, sharp as a tack, as smart as paint / steel trap*. Наиболее многочисленны фразеологизмы фразеосемантической группы с общим значением «глупость»: *not to have (got) a brain in one's head, cousin Betty, long hair and short wit, soft in the head, as dumb as a rock, as thick as two short planks, not to know enough to come in out of the rain*. Структурная вариативность отмечается в следующем ряду: *be one sandwich short of a picnic / one cell short of a battery / one slice short of a loaf / several bricks short of a load daft as a brush*. Периферию данного микрополя составляют ФЕ, которые номинируют такие черты характера как «(не)способность к приобретению знаний» – *a walking dictionary / encyclop(a)edia, swallow the dictionary, have a head like a sieve*.

Интегральной фразеосемемой для единиц субполя «Направленность характера» является *character in relation to smb. / smth.*, эта сема присутствует во всех четырех микрополях данного субполя – «Отношение к людям» (63 ФЕ), «Отношение к окружающему миру» (80 ФЕ), «Отношение к деятельности» (48 ФЕ), «Отношение к собственности» (18 ФЕ).

В микрополе «Отношение к людям» статистически значимой оказалась ФСГ «анормальность», что подтверждает факт аксиологической асимметрии в пользу отрицательного направления шкалы, склонности человеческого сознания более подробно фиксировать отклонения от нормы. В выборке выявлено 37 ФЕ данной ФСГ, это самая большая ФСГ в поле, типичные примеры: *queer as a clockwork orange / coot / a nine bob note / a three dollar bill, a queer bird / card / cove / duck, off one's chump / crust / dot / head / nut / onion / rocker / rocket / trolley / off the rails*.

В микрополе «Отношение к людям» выделяются парадигматически связанные ФСГ «красноречие, болтливость, хвастовство» – «молчаливость», «общительность» – «замкнутость», «вежливость» – «невежливость». Приведем примеры каждой ФСГ:

1) «болтливость, хвастовство» – «молчаливость»: *hot-air artist (merchant), big mouth, to have a loose (long) tongue, evil tongue, sharp tongue, be one's own trumpeter, bla-bla in the air, big talking, great boast and small roast, have a ready tongue, shoot off one's face, talk nineteen to the dozen, talk the hind leg off a donkey VS quiet / silent / still as a mouse, quiet as a lamb, keep the lid on smth, hold one's tongue / peace, keep a low profile, keep breath to cool porridge, keep tongue between teeth, keep a quiet / still tongue in head, keep the lid on smth;*

2) «общительность» – «замкнутость»: *social butterfly, shut oneself up in one's shell, a good mixer, a people person, the life and soul of the party VS keep oneself to oneself, a bad mixer, lone wolf, a play one's cards close to one's chest;*

3) «вежливость, внимательность к людям» – «невежливость, грубость»: *manners maketh the man, take liberties with, keep on the rails, go easy on smth, keep one's nose out of smth, prim and proper, punctuality is the politeness of kings, stiff / straight as a poker / a pikestaff / a ramrod, walk on eggshells VS born in a barn, grave as an owl, hairy about the heel (the fetlocks), rough and ready, rough and tumble, a surly beggar / dog, a tough cookie, a wild and woolly.*

В структуре микрополя «Отношение к окружающему миру» выделяются отдельные, системно не организованные ФЕ со значением беспринципности, например, *stop at nothing*, эгоизма – *your own comfort comes first and let others get lost!*, злоязычия – *bad (biting, bitter, dangerous, venomous, wicked, shrewd) tongue*, легкомысленности – *light as a butterfly, light o'love, light weight* и другие.

Микрополе «Отношение к деятельности» отражает стремление человека быть активным или бездеятельным. В ядре микрополя «Отношение деятельности» сосредоточены фразеологические единицы самой большой по количественному составу ФСГ «отношение к труду» (27 ФЕ) с интегральными семантическими признаками «трудолюбивый» / «ленивый» и ФЕ, принадлежащие ФСГ «ответственность» / «безответственность».

К фразеосемантической подгруппе со значением «трудолюбие» относятся ФЕ всех

структурных типов, и со структурой словосочетания, и со структурой предложения (половицы): *a willing horse, work one's head off, put some ginger into smth, busy as a bee (beehive), work double tides, labour and patience defeat all resistance, little strokes fell great oaks, perseverance wins, steady does it, work one's fingers to the bone, a wilful man must have his way, constant dropping wears away a stone, diligence is the mother of success (good luck), drop by drop the sea is drained, elbow grease gives the best polish, everything comes to him who waits, feather by feather a goose is plucked, with time and patience the leaf of the mulberry becomes satin.* Фразеосемантическая подгруппа «лень, безделье» получает языковую репрезентацию следующими ФЕ: *a lazy beggar / bones / dog, eat the bread idleness, a man of nothing to do, sit like a bump on a log, bad halfpenny, swing the lead, twiddle one's thumbs.*

Менее многочисленна ФСГ «ответственность» (8 ФЕ) / «безответственность» (5 ФЕ), что позволяет нам отнести ее к центру поля: *ace in the hole, tough as nails VS pass the buck, play fast (at fast) and loose (with), a bad actor, a fair-weather friend.*

Ядерную зону микрополя «Отношение к собственности» заполняют фразеологические обороты с интегральными семантиками «быть щедрым» / «быть жадным», в центре поля встречаются ФЕ с фразеосемой «воровство». Щедрый человек описывается всего двумя фразеологическими оборотами: *spend money like water* и *an open hand*, в то время как антонимическая ФСГ со значением «скупость, жадность» больше количественно и разнопланова в структурном отношении: *greedy as a wolf, cheap skate, have an itching palm, nickel nurger, flay (skin) a flint, close as wax, penny-wise and pound-foolish.* Склонность к воровству как черта человеческого характера зафиксирована во ФЕ *have sticky fingers, to have light fingers, have / put / dip one's hand in the till.*

Периферия ФСП «Характер человека» делится на ближнюю и дальнюю. Анализ фактического материала показывает, что ближняя периферийная зона имеет свою специфику. В ближней периферии располагаются многочисленные фразеологизмы, репрезентирующие одновременно разные качества характера, действия, состояния, например, *to lay (it) on with a trowel* «1) грубо лстыть 2) преувеличивать, утрировать, хватить через край», *present / show a bold front / put a bold front on* «1) проявлять мужество, мужественно переносить (что-л.), не

падать духом ... 2) держаться нагло, вызывающе», *single heart (mind)* «1) прямодушие, честность, простодушие, 2) целеустремлённость», а *stiff neck* «1) упрямый человек 2) а) высокомерный, заносчивый, надменный человек б) самодовольный, самоуверенный человек».

В ближней периферии также размещаются фразеобороты с указанием на их принадлежность к стилистически сниженной речи с активными доминантно-образными и прототипными семами, например, *do the dirty on somebody* «разг. лгать, предавать», *get a raw deal* «разг. поступать нечестно, несправедливо обойтись», *go ballistic* «разг. прийти в ярость», *sell smb. a pup* «разг. обвести вокруг пальца», *slow in the uptake* «разг. соображать медленно», *tight as Kelsey's nuts* «амер. вульг. У него снега зимой не выпросишь», *go ape crazy* «сл. вести себя неразумно, испытывать энтузиазм».

Дальнюю периферию поля образуют паремии смешанного дидактического характера, реализующие совместно совет, наказ или оценку, например, *Repentance is good but innocence is better*, *Curiosity killed the cat*, *Jack of all trades and master of none*, *Keep one's hands off somebody*. *Use your brains! Adversity is a good discipline / a great schoolmaster*. *Cold hands, warm heart*. В ходе исследования обнаружено, что объем дальней периферии в разных субполях неодинаков, наибольшее количество паремий образуют микрополя «Моральные качества характера» и «Отношение к деятельности», меньшей по объему является периферийная зона микрополя «Отношения с людьми».

Типичной особенностью периферийной зоны ФСП «Характер человека» является подвижность ее границ, что указывает на связь поля с другими полями фразеологического пласта, в первую очередь с ФСП «Поведение человека», а также на пересечение отдельных

участков внутри поля. Это объясняется тем, что проявление отдельных черт характера сходны между собой и могут актуализироваться одной и той же фразеологической единицей.

Национальная специфика ФСП «Характер человека» обнаруживается в большом удельном весе поля (21 % от общего количества фразеологического фонда английского языка). Это подтверждает, что фразеологическая картина мира антропоцентрична, в степени номинативной дифференциации обозначаемой смысловой области выделено 645 ФЕ, принадлежащих ФСП «Характер человека», из них 30 % с переменной зависимостью компонентов, в структурной организации поля (многоуровневое полицентричное объединение двух субполей «Характер как психический феномен» и «Направленность характера»), в степени наполненности отдельных подгрупп (высокой семантической плотностью отличаются ФСП «анормальность», «вспыльчивость», «решительность, сильный характер», «ум, мудрость», «глупость», «неискренность, лицемерность, лживость», «хитрость, лживость», «гордость, высокомерие, зазнайство», «трудолюбие», то есть в экстралингвистической реальности данные аспекты человеческого характера являются в высокой степени значимыми для английской лингвокультуры.

Примечания

¹ Волошкина, И. А. Фразеосемантическое поле «характер человека»: на материале французского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2009. С. 10.

² Там же. С. 11.

³ Щербатых, Ю. В. Общая психология. Завтра экзамен. СПб., 2008. 272 с.

Д. М. Гайнуллина

СМЕХ КАК ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ, СОЦИАЛЬНАЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Рассматриваются основные определения такого явления, как смех, описанные различными областями науки. Представлена краткая характеристика смеховой культуры. На базе полученных результатов раскрываются возможные пути дальнейшего ее исследования в лингвистике и применение знаний на практике.

Ключевые слова: произвольный смех, непроизвольный смех, социальные функции смеха, теория несовместимости, теория превосходства, теория облегчения, улыбка.

Целью статьи является определение смехового концепта как такового через призму различных научных дисциплин, выявление основных функций данного феномена.

Если задаться вопросом, что подразумевается под таким всем хорошо известным явлением как «смех», ответы могут быть самые разнообразные. Простой социологический опрос показывает, что самый частый ответ на вопрос: «Что такое смех?» – «радость, хорошее настроение», то есть попытка подобрать синонимы, а фактически объяснить результат через причины, вызывающие его.

Для исследователя трудность также представляет тот факт, что данное явление можно считать многомерным и, как следствие, рассматривать с различных точек зрения, начиная с физиологического описания и заканчивая глубинными философско-религиозными рассуждениями о причине зарождения и существования смеховой культуры в жизни человека.

Ученый Питер Деркс описывает смех как «мгновенный, автоматически возникающий тип поведения» («a really quick, automatic type of behavior»). «На самом деле то, насколько быстро наш мозг выявит несоответствие, которое лежит в основе любой шутки или смешной ситуации, и определит, будем ли мы смеяться вообще», – утверждает он [10].

Исследованиями о том, какое психологическое влияние оказывает смех, и какой отдел мозга им управляет, занимается наука **гелотология**.

Известно, что определенные отделы мозга являются ответственными за различные функции организма. Например, эмоциональные реакции являются производными деятельности лобной доли. Однако же исследователи выяснили, что смех связан с несколькими отделами мозга (рис. 1).

Если рассматривать активность мозга в этом процессе, то окажется, что ключевую роль здесь играет **лимбическая система**, которая находится выше ствола мозга, но ниже коры. В частности, здесь задействованы такие ее части, как *миндалевидное тело*, *гиппокамп*, *таламус* (ответственный за проявление дружбы, любви, привязанности и настроения). *Гипоталамус*, особенно его центральная часть, является самым важным отделом при образовании громкого, неконтролируемого хохота.

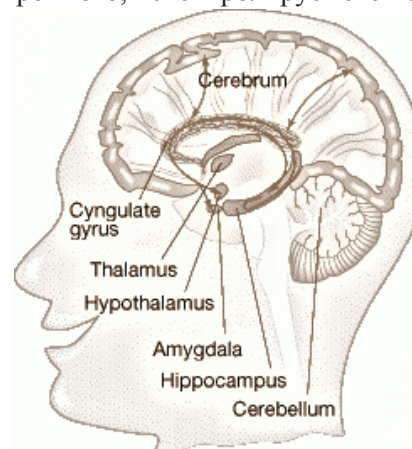

Рис. 1. Структура лимбической системы, контролирующей основные виды поведения человека, также ответственна за возникновение смеха (рисунок заимствован из статьи «How laughter works?» М. Brain)

Также исследования показывают, что различные виды смеха (*непроизвольный* и *произвольный*) контролируются отличными друг от друга системами.

Здесь особенно важна работа Барбары Вильд и ее коллег [12]. Обобщив все имеющиеся, в том числе и собственные данные, они заключили, что смех контролируется двумя частично независимыми системами. Первая, запускающая *непроизвольный смех*, включает только подкор-

ковые (филогенетически древние) образования – миндалевидное тело, таламус, гипоталамус, субталамус, – а также дорсальную часть ствола. Вторая, позволяющая нам произвольно имитировать смех – это путь, идущий от премоторной области лобной коры через моторную кору и пирамидный тракт к вентральной части ствола. Работа обеих систем координируется особым центром в верхне-дорсальной части варолиева моста. Что же касается восприятия юмора, то, по данным авторов, при этом активируются лобные и височные доли, особенно левые. Каким образом этот процесс связан со смехом – абсолютно неясно [6].

Как утверждает Александр Козинцев, в этом вопросе нам важен вывод Барбары Вильд и ее соавторов о том, что непроизвольный смех полностью контролируется подкоркой и более глубокими структурами мозга. Роль же коры, в частности, лобной, как они полагают, состоит в торможении такого смеха (недавно получены прямые подтверждения этого, см.: Wild et al., 2006). Следовательно, возникает он в результате растормаживания глубоких и древних отделов мозга. Вильд приводит мысль Гауэрса, высказанную еще в XIX в. по отношению к непроизвольному смеху: *волевое усилие нужно не затем, чтобы вызвать смех, а затем, чтобы подавить его* [13].

Современные исследователи выделяют *три основные теории причины возникновения смеха* в повседневной жизни людей (табл.).

Теории причин возникновения смеховой реакции

Виды теорий:	Основная идея
Теория несовместимости	Юмор возникает, когда логика и значимые связи заменяются необычными, несочетаемыми.
Теория превосходства	Мы чувствуем некое превосходство по отношению к определенному субъекту, объекту или действию, ставим себя выше и поэтому смеемся над ними.
Теория облегчения	Субъект находится в сильном напряжении, и, на определенном этапе, ситуация получает благополучный исход, что приводит к чувству облегчения и смеху.

– Теория несовместимости

Исследователь Томас Витч говорит, что «... шутка становится смешной, если мы пред-

полагаем один конец, а получаем другой. Ожидание принимает форму логической мысли вкуче с эмоциональным настроением, на которые влияют наш прошлый опыт и мыслительные процессы. Когда шутка принимает необычный оборот, наши мысли и эмоции как бы резко «переключаются». Теперь нами обуревают новые эмоции и новая мысль. Другими словами, в этот момент мы испытываем два вида противоположных эмоций и мыслей. И именно эта несовместимость и кажется нам смешной» [10].

– **Теория превосходства** начинает действовать, когда мы смеемся над чьими-то ошибками, глупостью или неудачей.

Также существует точка зрения А. Г. Козинцева, который считает, что человек – великий коллективист и 90 % своей истории он прожил в эпоху палеолита, когда за всякую беду и ошибку одного расплачивалась община целиком. Сегодня поскользнулся один, завтра поскользнется другой. В такой реакции нет никакого злорадства, лишь смех над самим собой, хохот бывшей обезьяны над временной потерей культуры, человеческого состояния выпрямленности, ходьбы на двух ногах [5].

– **Теория облегчения** очень часто используется при создании фильмов. В действии фильма, когда зритель находится в напряжении, режиссер обычно использует комическое разрешение ситуации, некое облегчение [10]. То же самое происходит и в жизни, когда растет давление на человека, когда он должен справиться с нахлынувшими на него эмоциями и мыслями, смех выступает в роли клапана, выпускающего пар [6].

Рассмотрев механизм появления и проявления смеховой культуры, предлагается перейти к психологической причине смеха.

Итак, многие люди воспринимают смех как выражение бурной радости. Это справедливо, но не всегда.

Смех, вызванный встречей с любимым человеком и решением трудной задачи, может действительно свидетельствовать об интенсивной эмоции радости. Однако когда мы смеемся над удачной шуткой, дружеским шаржем или при встрече с какой-то несурзностью, мы смеемся не потому, что испытываем радость, а потому что понимаем смысл шутки, намека, улавливаем несоответствие между двумя предметами или явлениями, которые почему-то вдруг оказались связанными вместе [4].

Смех оказывается результатом ошибки, противоречивого соединения двух эмоцио-

нальных движений, в котором побеждает позитив, который сообщает смеху в целом и стоящему за ним чувству приятную окраску. Обнаружение того, что зло преодолимо рождает в человеке удивление и радость, которые приводят человека в своеобразный шок.

«Время останавливается и бежит вспять – чтобы еще и еще раз вернуться к точке, где нам открылась несостоятельность зла» [7].

Интересно, что данная точка зрения перекликается с теорией Иммануила Канта «превращения напряженного ожидания в ничто».

По мере роста, развития и формирования общественных связей человека смех приобретает социальную роль, становится одним из средств социального общения. С возрастом наряду с первичными врожденными стремлениями у человека формируются вторичные стремления и их конкретные проявления – желания. Удовлетворение их также вызывает положительные чувства и внешне проявляется улыбкой и смехом. Но частота и ситуации, в которых возникают эти реакции, становятся отличными от более раннего возраста; пол смеющегося человека также имеет немалое значение [2].

«Первое подобие улыбки появляется на лице новорожденного младенца уже в первые часы жизни, но настоящая социальная улыбка появляется лишь спустя несколько недель. Эта улыбка, по-видимому, запрограммирована генетически, она не видоизменяется с возрастом – меняется лишь эффективность стимулов, активизирующих ее», – утверждают исследователи Андрей Сычев и Анатолий Дмитриев.

Смех формируется позже улыбки и проходит в своем развитии несколько стадий. Теоретические и экспериментальные исследования выявили связь между смехом и развитием отдельных когнитивных процессов, но эмоциональная динамика смеха изучена слабо. Смех, как и улыбка, может способствовать формированию межличностных эмоциональных связей, облегчая тем самым социализацию ребенка. Он также открывает дополнительные возможности для познания и обретения нового опыта [4].

С рождения у каждого человека есть некая предрасположенность к улыбке и смеху. Сама способность к эмоции радости индивидуальна и генетически детерминирована.

Смех способствует переосмыслению реальности, освобождению от формализма, косности социальной жизни. В силу данных свойств смеха индивид реализует «вхождение» в общество, поскольку для него оказываются понят-

ны основные нормы общества. Ресурс смеха позволяет гибко использовать существующие нормы социальной жизни.

Смех содействует становлению критической, самостоятельной личности, которая способна ощущать себя автономно в системе социального взаимодействия, соблюдать дистанцию по отношению к окружающей действительности, вырабатывать оценку происходящего, проявлять инициативу в выработке норм и усовершенствовании традиций [7].

Будучи явлением социальным, объединяющим людей, смех помогает им адаптироваться и стать частью социума. В полной мере это проявляется в анализе функций смеха, а также исследовании его места и роли в социальной структуре общества.

Нам близка точка зрения Андрея Сычева, который в числе основных **функций смеха** выделяет следующие: *коммуникативную, игровую, социализирующую, санкционирующую, компенсаторную и познавательную.*

На ранних этапах развития общества формируется базовая *коммуникативная функция смеха*. Первоначально смех служит сигналом для всего племени, указывающим на отсутствие опасности. Позже, с развитием досугово-обрядовых форм, смех, отчасти сохраняя первоначальное значение, превращается в символ праздника – окончания будней, временного завершения тяжелого труда и борьбы за выживание. Праздничная коммуникация, выраженная, прежде всего, коллективным со-смеянием, таким образом, способствует достижению социальной общности [8].

Игровая функция смеха формируется на наиболее ранних этапах развития человечества. Смех и игра – понятия достаточно близкие, но не тождественные. Игра не всегда подразумевает смех – играют животные, лишенные способности смеяться; достаточно серьезны почти все спортивные игры. Смех, напротив, почти всегда подразумевает игру, включен в ее смысловую сферу.

Вместе с игрой происходит и познание социальных нравов и ценностей, что выражается в *познавательной функции*.

Смех выполняет *компенсаторную роль*, противопоставляясь страху и серьезности быденной жизни и сублимируя асоциальные желания. В смехе четко проявляются мотивы релаксации, отдыха от каждодневных забот. Смех, как и игра, способствует консолидации общества, временно нивелируя статусные различия.

Социализирующая функция смеха для человека тесно связана с игровой: в игре он приобретает коммуникативные навыки, осознает первичные общественные нормы и ценности, воспроизводит ряд практических действий.

Санкционирующая функция смеха выступает в качестве одной из центральных уже в архаичном обществе. Многочисленные исследования первобытного общества и культуры подтверждают распространенность и действенность публичного осмеяния как формы социальной санкции. На бытовом уровне человек, не подчиняющийся условиям и требованиям, принятым в обществе, вызывает смех, который выполняет функцию наказания.

Компенсаторная функция смеха проявляется и в различных сферах социальной жизни. Базисной формой компенсации является релаксация: смех может выступать как определенная эмоциональная разрядка, отдых от забот и проблем повседневной жизни, «предохранительный клапан» для асоциальных желаний [8].

Теперь обратимся к лингвистической стороне феномена смеха. Изучение явления смеха является «дефектной» и малоизученной областью в лингвистике.

Смех стал объектом теоретического исследования лишь в XX в., попытки его философского осмысления предпринимаются только в последние пятьдесят лет. Менее чем за полвека в России были разработаны интереснейшие концепции смеха М. М. Бахтина, О. М. Фрейденберга, Д. С. Лихачева и др. [3]. Здесь стоит также упомянуть такие имена, как Б. Грасиан, А. Бергсон, З. Фрейд, В. Я. Пропп, С. С. Авринцев, Л. Н. Столович, А. А. Зализняк, А. Г. Козинцев и др.

И если философские рассуждения о его возникновении, развитии и роли в современном мире можно отнести к теоретической базе исследований, то лингвистический аспект, неразрывно связанный с отображением смеха в языке, несомненно, составляет их практическую часть.

Уместным было бы упомянуть о некоторой закономерности, прослеживающейся при изучении филологических трудов на данную тематику: чаще всего ученые-лингвисты в начале своих рассуждений обращаются к философским теориям (причины возникновения, его природа, функционирование, объект-субъектные отношения), а затем в их поддержку, доказательство или опровержение переходят к практической стороне во-

проса, то есть к изучению смеха на конкретных примерах языка.

Преобладающее число работ рассматривает данный феномен в русле особенностей его выражения у отдельных авторов как отечественной, так и зарубежной литературы (самобытные авторские лексико-семантические номинации, использование юмора, иронии, насмешки с целью донести определенную идею, создать собственный авторский стиль), а также описание смеха в литературе той или иной страны в определенные моменты истории.

Например, канадский исследователь африканской литературы Симедо Коку (Simedoh Kokou) находит факт игры со словом «раб»/ «esclave» при описании темнокожего героя, официально свободного жителя колонии, но все еще остающегося рабом по сути, который принял христианство и стал «рабом Божиим». Прием иронии здесь используется для высмеивания социальных проблем данного общества:

Par ricochet, c'est la remise en cause des valeurs chretiennes. Celle-ci atteint son paroxysme quand Meka reinterprete le baptême comme une alienation: «Le jour où je suis devenu un esclave» – «В свою очередь, это проблема, вызванная христианскими ценностями. Она усиливается, когда Мека переосмысливает крещение как потерю свободы: “День, когда я стал рабом”» [11. С. 120].

Далее по частотности можно назвать работы о национально-обусловленном функционировании единиц и приемов смеха у различных народностей и в различных культурах (анализ юмора, иронии, насмешки, пародии на иностранные формы слов, сленга и так далее):

*Школьники используют шутливые псевдолатинизмы, употребляя, например, ничего не значащую форму **quid sidi quidit** или макаронические стишки: **Boyibus kissibus priti girlorum, girlibus likibus, wanti somorum*** (Пародия на англ. Boys kiss pretty girls, girls like it, want some more «Юноши целуют хорошеньких девушек, девушкам это нравится, хотят еще»).

*Примерами сленговых единиц могут служить английские **guy, gink, gazebo, gazook, bloke, bird** – для обозначения мужчины, **rod** или **gat** – для обозначения пистолета и так далее* [1. С. 41–42].

Как можно заметить, данные труды неразрывно связаны с языком, ведь, как отметил современный российский ученый А. В. Бондаренко, «Смех – это тоже язык особого рода, то

есть по отношению к языку есть понятие родовое, субординанное» [1. С. 37].

После рассмотрения и исследования смеха с физиологической, психологической и социальной точки зрения мы можем сделать следующие выводы:

1) исследователями установлено, что смех как физиологическое явление затрагивает многие части тела и является для нашего организма настоящим испытанием. В процессе смеха у человека задействуются многие отделы мозга. Выявлено существование двух видов смеха – **произвольного и произвольного**. Они контролируются разными структурами головного мозга. Чаще всего реакция в виде смеха бывает вызвана юмором, положительными эмоциями, как реакция на чужие ошибки и глупости, а также при устранении опасности и психологического напряжения;

2) интересным фактом становится мысль, высказанная еще в XIX в., **но нашедшая научное подтверждение** в наши дни, – волевое усилие нужно человеку не чтобы вызвать смех, а для того, чтобы его подавить;

3) также психологи ассоциируют смех с «клапаном, выпускающим пар», «внезапным ослаблением напряженного внимания». Когда наш мозг не в силах справиться с неожиданным поворотом событий, когда он улавливает необычную связь понятий, абсолютно не совместимых в обыденном логичном ракурсе, он прибегает к спасительной силе данного феномена;

4) социальный аспект смеха обусловлен рядом функций, которые он выполняет в процессе коммуникации людей: коммуникативной, игровой, социализирующей, санкционирующей, компенсаторной и познавательной; каждая из них играет важную роль в развитии социальной системы, помогает индивиду «вписаться» в коллектив, примирить его с непредсказуемостью и серьезностью жизни в целом;

5) смех обеспечивает «вхождение» индивида в общество, устраняет излишний формализм и косность социальным норм;

6) в лингвистике изучение смеха и смеховых номинаций помогает лучше понять особенности национально-обусловленного менталитета различных народностей и культур, на практике доказать состоятельность тех или иных философских теорий. Однако данная область науки все еще испытывает некий «дефицит» трудов по изучению смеха, оставляя неисследованными различные его аспекты, как то: гендерные

особенности использования смеховых номинаций в литературе, компаративный анализ лексических и грамматических единиц смеха на базе художественных произведений различных языков и, следовательно, имеет огромный потенциал для ученых.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что смех – явление уникальное, многомерное. Рассматривать его изолированно в рамках отдельной дисциплины было бы ошибочно и лишало бы глубины и всей полноты его исследования.

Знания, полученные при изучении данного феномена как одного из ярких репрезентантов языка тела, его роль в процессе общения, причины его возникновения в тот или иной момент речи, виды, эмоциональная нагрузка, которую он несет, могут помочь лучше понять собеседника, и, соответственно, усовершенствовать навыки коммуникации в целом.

Список литературы

1. Бондаренко, А. В. Языковая онтология смеховой культуры [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. URL: <http://cheloveknauka.com/yazykovaya-ontologiya-smehovoy-kultury>.
2. Бутовская, М. Л. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека) [Электронный ресурс]. М., 2004. 440 с. URL: <http://www.twirpx.com/file/249753>.
3. Гладких, Н. В. Катарсис смеха и плача [Электронный ресурс] // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. 1999. Гуманитарные науки (Филология). Вып. 6 (15). URL: <http://gladkeeh.boom.ru/Kharms/Catharsis.htm>
4. Дмитриев, А. В. Смех : социально-философский анализ [Электронный ресурс] / А. В. Дмитриев, А. А. Сычев. М., 2005. URL: <http://philosophy.spbu.ru/userfiles/rusphil/Veche%20%E2%84%9618-22.pdf>.
5. Изард, К. Психология эмоций [Электронный ресурс]. СПб., 1999. 464 с. URL: http://www.koob.ru/izard/psihologiya_emociy.
6. Козинцев, А. Г. Зачем нужно смеяться? : интервью [Электронный ресурс]. 2008. URL: http://www.rusrep.ru/2008/36/interview_kozincev/
7. Козинцев, А. Г. Смех, плач, зевота: психология чувств или этология общения? [Электронный ресурс]. СПб, 2007. URL: <http://ethology.ru/library/?id=271>.

8. Колпикова, О. П. Философско-культурное пространство смеха [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2007. URL: <http://cheloveknauka.com/filosofskokulturnoe-prostranstvo-smeha>

9. Сычев, А. А. Смех как социокультурный феномен [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саранск, 2004. URL: <http://www.dissercat.com/content/smekh-kak-sotsiokulturnyi-fenomen>

10. Brain, M. How laughter works. [Электронный ресурс]. URL: <http://health.howstuffworks.com/mental-health/human-nature/other-emotions/laughter.htm>.

11. Simedoh Kouou, V. L'humour et l'ironie en litterature francophone subsaharienne. Une poetique du rire. Canada, 2008. 242 p.

12. Wild B. Neural correlates of laughter and humour / B. Wild, F. A. Rodden, W. Grodd, W. Ruch // *Brain*, 2003. Vol. 126. P. 2121–2138.

13. Wild B. Humor and smiling: Cortical regions selective for cognitive, affective, and volitional components / B. Wild, F. A. Rodden, A. Rapp, M. Erb, W. Grodd, W. Ruch // *Neurology*. 2006. Vol. 66. P. 887–893.

Источники

1. Macmillan English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.macmillandictionary.com>.

2. ABBYY Lingvo Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lingvo.ua/ru>.

СПОСОБЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МАКСИМЫ ОДОБРЕНИЯ В ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ТИПАХ ТРАНЗАКЦИЙ

Рассматривается функционирование максимы одобрения, образующей наряду с максимами такта, благородства, скромности, согласия и симпатии Принцип вежливости. Исследование проводится на материале английской лингвокультуры в свете теории транзактного анализа. При этом выявляются случаи соблюдения максимы одобрения в параллельных типах транзакций, в которых используются речевые акты комплимента и похвалы.

Ключевые слова: максима одобрения, речевые акты комплимента и похвалы, транзактный анализ, эго-состояние, Ребенок, Родитель, Взрослый, параллельный тип транзакций.

Среди разнообразных теорий вежливости, представленных в зарубежной лингвистике, можно выделить теорию разговорных максим, или Принцип вежливости, автором которого является американский ученый Дж. Лич [7]. Данный принцип образует совокупность шести максим речевого общения: максимы такта, благородства, одобрения, скромности, согласия и симпатии. Каждая максима включает две субмаксимы, первая из которых считается негативной, удовлетворяющей потребности негативного лица собеседника, вторая субмаксима является позитивной, направленной на сохранение позитивного лица общающегося [4].

Анализируемая максима речевого общения – максима одобрения – представлена двумя субмаксимами: а) возможное неодобрение действий (реплик) собеседника должно быть минимальным; б) одобрение и похвала собеседника должны быть максимальными. Эта максима действует в экспрессивах (похвала, комплимент, критика, упрек) и ассертивах [7. С. 134].

Как известно, речевые акты критики и упрека, безусловно, наносят ущерб позитивному имиджу адресата, его стремлению быть любимым и уважаемым, и поэтому крайне нежелательны в контексте вежливого взаимодействия. В случае необходимости выразить критическое отношение говорящий в соответствии с этой максимой вежливости должен прибегнуть к различным стратегиям смягчения неодобрения и прежде всего к стратегиям некатегоричности и косвенности. Существуют следующие способы реализации некатегоричности: а) **преуменьшение**, то есть отрицание позитивной оценки адресата или третьего лица, его действий или событий с помощью семантического поля единиц, имеющих сему

позитивной оценки, в сочетании с отрицательными частицами (*не самый лучший, не очень любезный, не очень умна*); б) **предположение**, имплицитное неуверенность в своем утверждении (*мне кажется, по-моему, я думаю, полагаю, вероятно*); в) **вводная фраза** (*фактически*); г) **деинтенсификация** – использование модификаторов оценочной модальности (*довольно бездарный, несколько глупая*); д) **имперсонализация** неодобрения (*некоторые, кто-нибудь*) [1. С. 81–82].

Вторая субмаксима одобрения (одобрение и похвала собеседника должны быть максимальными) предписывает употребление адресантом речевых актов комплимента и похвалы. Искренняя похвала и одобрение выражаются чаще прямым образом, поскольку эти речевые акты сами по себе удовлетворяют потребности позитивного лица адресата. [3. С. 108].

Рассмотрим способы функционирования максимы одобрения в свете теории транзактного анализа, разработанной американским психологом Э. Берном. Согласно данной теории, человек в каждый момент времени находится в одном из трех возможных состояний своего «Я» (эго-состояний), названных «Родитель», «Ребенок», «Взрослый» [2].

В функциональной модели, предложенной В. А. Горячиной, эго-состояние *Ребенка* подразделяется на эго-состояние «Свободного Ребенка» (раскрепощенный, делает то, что хочет, поведение спонтанное, непосредственный и творческий) и эго-состояние «Адаптированного Ребенка» (послушный ребенок ведет себя так, как требуют от него родители). В случае если ребенок восстает против правил и ожиданий взрослых, он начинает грубить, прыгать и шуметь, хмуриться и капризничать, изо всех сил стараясь сделать все наоборот. Такое по-

ведение представляет эго-состояние «Бунтующего Ребенка» [5. С. 92–93]

В интерпретации Д. А. Зарайского, *Родитель* содержит нормы и предписания, усвоенные не критически, и диктующие линию поведения. Эти нормы касаются бытовых, ритуальных, этикетных, социальных, классовых, религиозных, мировоззренческих, расовых, национальных и других отношений и представлений. Выделяют два вида «Родителя»: *Контролирующий Родитель*, которого некоторые авторы называют Критикующим Родителем, и *Заботливый Родитель* [6. С. 97–99].

В концепции Э. Берна, третье эго-состояние – *Взрослый* – отвечает за рациональное восприятие жизни, объективную и самостоятельную оценку реальности, что характеризует взрослого человека [2. С. 23].

В большинстве проанализированных примеров при параллельном типе взаимодействия наблюдается соблюдение максимы одобрения. Так, в следующем примере реализуется параллельный тип транзакций. Это диалог между мужем и женой:

Julia: *I believe you're prouder of your family than of looking like a Greek god (she told him fondly).*

Michael: *Anyone can be good-looking, but not everyone can belong to a decent family. To tell you the truth I'm glad my governor's a gentleman.* [8. С. 31]

Майкл гордится своей семьей и упоминает о своем знатном происхождении при каждом удобном случае. В данном диалоге Джулия, зная, как Майкл любит комплименты, обращается к нему с нежностью и заботой (*she told him fondly*), то есть действует из позиции Заботливого Родителя. Майкл рад это слышать, речь его эмоциональная (*to tell you the truth*) и непринужденная, а поведение раскованное и естественное, это говорит о том, что Майкл находится в состоянии Свободного Ребенка. Джулия соблюдает максиму одобрения, используя речевой акт комплимента по поводу внешности мужа, сравнивая его с Греческим богом «*looking like a Greek god*» (рис. 1).

Схематично параллельный тип транзакций в выше проанализированном примере можно представить следующим образом:

На данной и последующих схемах используются следующие сокращения: Крит Р – Критикующий Родитель; Забот Р – Заботливый Родитель; В – Взрослый; Св Реб – Свободный

Ребенок; Ад Реб – Адаптивный Ребенок; Б Реб – Бунтующий Ребенок.

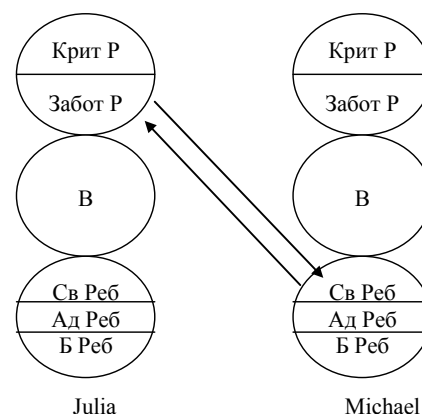

Рис. 1. Соблюдение максимы одобрения при параллельном типе взаимодействия

Рассмотрим пример соблюдения максимы одобрения путем использования речевого акта комплимента (рис. 2):

Michael: *Pity I can't have you to massage me, Miss Phillips. You might be able to do something about my fat.*

Miss Phillips: *How you talk, Mr. Grosselyn. Why, you've got the figure of a boy of twenty. I don't know how you do it, upon my word I don't.* [8. С. 86]

Майкл очень заботится о своей фигуре и любит комплименты по поводу его внешности. В данном диалоге он мечтает о массаже и выражает свои мысли спонтанно и раскованно. Он обращается из состояния Свободного Ребенка к Заботливому Родителю. Мисс Филлипс, понимая его желание услышать комплимент, подбадривает его. Мисс Филлипс соблюдает максиму одобрения, используя изобразительные средства языка: сравнение «*figure of a boy of twenty*»

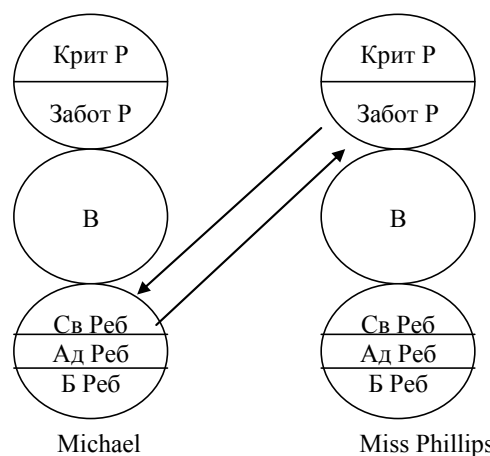

Рис. 2. Соблюдение максимы одобрения путем использования речевого акта комплимента

В следующем примере рассмотрим диалог между мужем и женой:

Julia: *I think you're a much better man than I am a woman, my sweet.*

Michael: *No dear, I had a wonderful profile, but you've got genius* [8. С. 139].

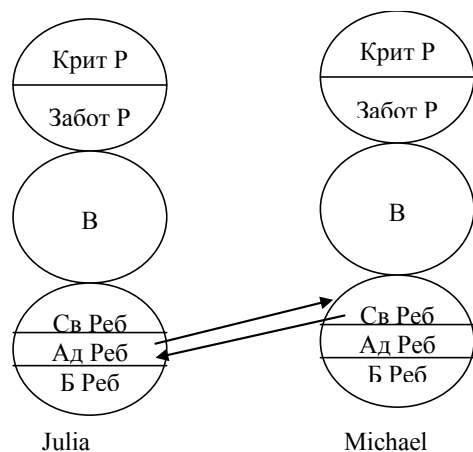

Рис. 3. Соблюдение максимы одобрения путем использования стратегии противопоставления

Джулию мучают угрызения совести, когда она видит, как Майкл добр и бескорыстен по отношению к Роджеру и Тому. Настроение Джулии подавленное, ей стыдно за свое поведение, и она обращается к Майклу из состояния Адаптивного Ребенка. Майкл понял ее комплимент по-своему. Он подумал, что она имеет в виду его внешность. Майкл находится в состоянии Свободного Ребенка.

В данном диалоге говорящий соблюдает максиму одобрения, используя стратегию противопоставления. Джулия сравнивает себя с Майклом, показывая его превосходство над собой: «*a much better man than I am a woman*».

Наш анализ показал, что диалоги с параллельным типом транзакций, где соблюдается максима одобрения, бывают трех моделей: сверху–вниз, снизу–вверх и на основе равноправия. В первых двух моделях отражается позиция адресанта: говорящий обращается к собеседнику сверху–вниз (Заботливый Родитель – Свободный Ребенок) и снизу–вверх (Свободный Ребенок – Заботливый Родитель). В то время как в третьей модели представлена реакция адресата, который пытается строить взаимодействие на основе равноправия (Адаптивный Ребенок – Свободный Ребенок, Свободный Ребенок – Свободный Ребенок).

Таким образом, во всех рассмотренных выше случаях использования речевых актов комплимента и похвалы, в которых реализуются стратегии выражения одобрения и симпатии, стратегии преувеличения и противопоставления, можно наблюдать соблюдение максимы одобрения, а точнее – ее второй субмаксимы: одобрение и похвала собеседника должны быть максимальными. В данных примерах наблюдается параллельный тип транзакций, который потенциально является бесконфликтным и несет в себе положительное отношение говорящего к личности адресата и его действиям.

Список литературы

1. Азнабаева, Л. А. Принцип вежливости в английском диалоге : монография. Уфа, 2005. 198 с.
2. Берн, Э. Игры, в которые играют люди: психология человеческих взаимоотношений. М., 2004. 480 с.
3. Васильева, О. А. Реализация максим вежливости в английском и русском диалогах : дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2000. 158 с.
4. Газизов, Р. А. Коммуникативные стратегии реализации максим одобрения и симпатии в немецкой культуре // Вестн. Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2010. № 3, Т. 1. Филология. С. 248–258.
5. Горянина, В. А. Психология общения. М., 2007. 416 с.
6. Зарайский, Д. А. Управление чужим поведением. Технология личного психологического влияния. Дубна, 1997. 272 с.
7. Leech, G. N. The principles of pragmatics // G. N. L. London, N. Y., 1983. XII. 250 p.
8. Maugham, W. S. Theatre. М., 1987. 304 p.

И. А. Голованов

ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ В ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

Рассматривается уникальность художественно-публицистического дискурса Платонова. Устанавливается соотношение текстов писателя с пространством русской культуры, проясняются основы его философско-эстетической концепции. Особое внимание уделяется связям дискурса А. Платонова с исторической реальностью.

Ключевые слова: художественно-публицистический дискурс, А. Платонов, трагическое, комическое, фольклор.

Под дискурсом отдельного автора можно понимать совокупность его произведений, вступивших во взаимодействие с культурной средой (семиосферой) и читателем. В результате такого взаимодействия проясняются важнейшие философско-эстетические принципы и установки писателя. Применительно к творчеству А. Платонова особый по глубине характер взаимодействия прошлого с настоящим рождает произведения, написанные им в 20–30-е гг. XX в. и ставшие сегодня подлинным художественно-публицистическим дискурсом. Зафиксированные в них «отложенные» смыслы, апелляции автора к эпохе чрезвычайно актуальны в наше порубежное время, когда совершается исторический слом традиционной системы ценностей и делаются попытки установить новые толерантно-тоталитарные парадигмы существования человека и общества.

Особенности представленного в художественно-публицистическом дискурсе А. Платонова взгляда были во многом определены спецификой эпохи: в 1920-е гг. не требовалось искать идею времени, она была очевидной – рождение нового мира и человека. Платонов стремился не просто познать действительность, реалии жизни, но и постичь смыслы явлений, вещей. Не случайно писатель и многие его герои обладают развитой метаязыковой рефлексией, стремятся «расчистить», обнажить первоначальное значение обыденных слов и выражений. Необходимо было определиться: кто является носителем идеи нового мира? кто воплотит ее в жизнь? Или в более традиционной для русской литературы формулировке: *кто герой нашего времени?* В поисках героя Платонов обращается к художественному опыту своих предшественников – А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя,

Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, изучает наследие отечественных и западных философов – В. Соловьева, Н. Федорова, Н. Бердяева, Ф. Ницше, О. Шпенглера и др.

Уже в первых рассказах писателя очевидна авторская попытка представить *своего* героя. Его поиски будут продолжаться и в дальнейшем. При этом с самого начала у Платонова складывается полисемантический и противоречивый тип персонажа, парадоксально соединяющий в себе активное (творец-кудесник, практик-преобразователь) и пассивно-созерцательное («усомнившийся», «сокровенный человек») начала. Герои платоновских рассказов и повестей 1920-х гг. (Маркун, Вогулов, Кирпичников, Жох, Жмых и др.) – образы, соединяющие в себе смысловые уровни мифологии, фольклора и литературы.

Платонов высмеивал тех, кто жил «первой функцией жизни человека» – не сознанием, а половой страстью, стремлением к продлению жизни [6. С. 12]. Об этом он неоднократно высказывался в начале 1920-х гг. в своих публицистических статьях и литературной критике. Молодой писатель-публицист размышлял о смысле человеческого существования в новых условиях победившей диктатуры пролетариата и ждал, даже – требовал освобождения от власти прежних буржуазных ценностей, где мерилом блага человеческого были явления и качества, которые Платонов считал проявлением неразвитости сознания, бессознательной жизни, подобно животным («Культура пролетариата», 1920) [6. С. 19].

Платонов стремился преодолеть поверхностное бытописание. В статье «Фабрика литературы (О коренном улучшении способов литературного творчества)» он писал: «Мифы, исторические и современные факты и события,

бытовые действия, запечатленная воля к лучшей судьбе, все это, изложенное тысячами безымянных, но живых и красных уст, сотнями «сухих», но бесподобных по насыщенности и стилю ведомственных бумаг, будет полуфабрикатами для литератора, так как это все сделано ненарочно, искренно, бесплатно, нечаянно – и лучше не напишешь: это оптимум, это эквивалент в 100 % с жизнью, преломленный и обогащенный девственной душой» [6. С. 49].

Для читателя платоновских произведений нередко очевидна лишь поверхностно-фабульная сторона жизни его героев, а внутренняя, скрытая проходит мимо. Между тем ключевыми в интерпретации публицистических статей и художественных произведений А. Платонова 1920–1930-х гг. являются вопросы бытия. Ответы на них, по платоновской традиции («и так, и обратно»), сложны, неоднозначны. Простых ответов для него вообще не существовало, как и сама жизнь той эпохи не могла быть измерена «одним аршином».

В художественно-публицистическом дискурсе Платонова своеобразно представлено соотношение трагического и комического. Поскольку автор не отделял себя от действительности, он выставлял на посмешище и самого себя. О такой направленности смеха, характерной для народной культуры, писали М. М. Бахтин, П. Г. Богатырев, Д. С. Лихачев, В. Я. Пропп. «Комизм уже без всякой примеси грусти, а наоборот, с некоторой долей злорадства получается в тех случаях, когда человеком руководят не просто маленькие житейские, а эгоистические, ничтожные побуждения и стремления; неудача, вызванная внешними обстоятельствами, в этих случаях вскрывает ничтожество устремлений, убожество человека и имеет характер заслуженного наказания» [6. С. 115]. В фольклоре, как замечает В. В. Блажес, «точность социальной, классовой, национальной позиции выражена настолько предельно, что у современного читателя может вызвать иногда недоумение. Пропп по этому поводу очень правильно сказал, что народ или любит, или ненавидит, средних чувств в его поэзии не бывает» [1. С. 7]. Иными словами, тьма кромешная или тоска смертная. Именно так Д. С. Лихачев определил особенность смехового мира Древней Руси, назвав его недействительным, «кромешным» [4]. Подобный смех и в произведениях Платонова раздваивает, «обнажает» действительность, выявляет в ней оборотную сторону.

Обращение Платонова к народно-поэтическим образам и мотивам оказывалось не столько переосмыслением либо разворачиванием определенной фольклорной метафоры или темы, сколько созданием новой эстетической парадигмы для советской, а в известной мере – для русской литературы. Он с горечью писал: «... некая «великая существенность», именно – происхождение русского рабочего класса и родство его с обездоленным большинством крестьянства – осталось для многих русских писателей невидимым» [6. С. 106]. Не всем русским писателям было дано осознать тайны народной философии жизни, раскрыть для себя «образ мыслей и чувствований» народа, «мысль народную». В этом движении к соединению со своим народом А. С. Пушкин был для Платонова ориентиром и образцом.

Вслед за Пушкиным, обладающим «универсальным, творческим сознанием», А. Платонов шутит, но «эта шутка не забавна», а «утомительна и печальна» [6. С. 79]. Писатель подходит к сущности человека, не соглашаясь с выводом, извлеченным из «главнейших работ Достоевского», о том, что «человек – это ничтожество, урод, дурак, тщетное, лживое, преступное существо, губящее природу и себя» [6. С. 79]. Ему ближе «универсальная, мудрая и мужественная человечность» в пушкинском понимании: ничто не должно мешать «человеку изжить священную энергию своего сердца, чувства и ума» [6. С. 83].

В 1937 г. в статье «Общие размышления о сатире – по поводу, однако, частного случая» писатель замечает: «Забавность, смехотворность, потеха сами по себе не могут являться смыслом сатирического произведения, нужна еще исторически истинная мысль и, скажем прямо, просвечивание идеала или намерения сатирика сквозь кажущуюся суету анекдотических пустяков» [6. С. 165]. Тем самым А. Платонов утверждал необходимость юмора и сатиры не ради веселья и шутовства (как говорили в Древней Руси – глумления), а ради гармонии и света. Даже русская народная песня у А. Платонова ассоциируется со стихийным началом, хаосом и эпохой бессознательности: «Теперь русский народ в ногу со всем человечеством переходит из царства стихии, песни и бессознательности в царство сознания, в мир мысли и точных форм», а возникает она (песня) из «тысячелетней неизбывной тоски» [6. С. 36].

Именно о таком типе народного юмора писал В. В. Блажес в книге «Сатира и юмор в до-

революционном фольклоре рабочих Урала» – когда «веселость, или шутливость» становится «результатом горестной жизни, предельной бедности и неустроенности: испытав это, русский человек зачастую обретает беззаботность, доходящую до бесшабашности» [1. С. 8]. Такой веселости, как указывает автор, соответствуют поговорки типа «и то смешно, что в животе тощо», «и смех, и горе». Литературовед заключает: «Смех бедного, неимущего, иногда просто голодного человека сопряжен с печалью, с горькой усмешкой, это народный “смех сквозь слезы”» [1. С. 8]. Платонов следовал художественному закону, по которому сатирическое нельзя противопоставлять трагическому и возвышенному.

Созвучны смыслу платоновских произведений размышления В. Я. Проппа: «Крушение каких-нибудь великих или героических начинаний не комично, а трагично. Комична будет неудача в мелких, житейских человеческих делах, вызванная столь же мелкими обстоятельствами» [7. С. 114]. Многие герои Платонова хотят стихии, вольной жизни, с чем связан, например, мотив разбойничества – вопреки тенденции эпохи «великих строек и преобразований» к порядку и дисциплине, воспринимаемым героями писателя как нечто искусственное, неживое, как порождение бюрократизма и чиновничества.

Не этого ждал Платонов от революции. Отрицательный опыт воплощения социальных идей породил у него осторожность, в том числе в творчестве: Платонов в своих художественных произведениях – в отличие от публицистических статей – не был категоричен, стремился к диалектике, поэтому у него что ни герой, то амбивалентность (не разберешь сразу – лицо или личина).

Умонепоостижимость мира, по мысли Платонова, конечно, происходит не только от жизненных неудач, житейских испытаний и передраг. Это дало ему основание для осознания мира как «кипящей Вселенной», где торжествует стихия природы, где события спонтанны и лишены причинно-следственной связи. Не менее важными оказываются особенности мировосприятия А. Платонова, сформированные под влиянием народного сознания, где причудливо соединились фольклор и христианство.

Тема смерти в творчестве А. Платонова предстает как философская и аксиологическая проблема. Факт смерти героя, персонажа

часто ставит точку в размышлениях автора и читателя о сути происходящего, «по плодам» мы постигаем истинный смысл существования человека. Нельзя не обратить внимание на количество смертей в произведениях Андрея Платонова, что уже отрефлектировано исследователями: «За редкими исключениями, смерть человека не является в мире Платонова событием. Но есть существо, гибель которого всегда стоит в центре трагически напряженной жизни и событием которой выносятся последняя оценка делам человеческим. Это существо – ребенок» [4. С. 555].

В статье «У начала царства сознания» (1921) А. Платонов пишет: «Уничтожить личность и родить ее смертью живое мощное существо – общество, коллектив, единый организм с одним кулаком против природы». Не раз в своих статьях А. Платонов задумывается над вопросом развития науки, техники, технологий. Его волнует ответ, что это – слабость человека и человеческого мира. Наука и техника все больше и дальше порождают искусственное, «неживое». Мысль писателя как всегда парадоксальна: смерть еще живого, но ослабленного борьбой за выживание человеческого организма необходима для обновления и накопления сил, новых знаний, которые станут основой возрождения человечества (по Н. Федорову). Специфический народный юмор в сочетании с универсальными фольклорными образами и мотивами становится ключом для понимания многомерной концептуальной организации произведений А. Платонова, проясняет глубоко скрытые в них особенности авторского мировидения (см. подробнее: [2]). По мнению писателя, сатира должна вызывать у читателей ненависть, «хотя бы печаль или содрогания», но при этом она «должна остаться великим искусством ума и гневного сердца, любовью к истинному человеку и защитой его» [6. С. 186].

Особенностью художественно-публицистического дискурса А. Платонова является единство процесса эстетического осмысления действительности, в котором через созерцание, отбор, монтаж писатель приходит к синтезу и художественному открытию. В понимании писателя нравственные ценности существуют, даже если они не соответствуют реальной действительности. В итоге Андрей Платонов совершает одно из самых значительных культурных открытий XX в. – признание возможности соединения, «синтеза претворенной действительности и просветленного сознания» [3].

Список литературы

1. Блажес, В. В. Сатира и юмор в дореволюционном фольклоре рабочих Урала. Свердловск, 1987. 200 с.

2. Голованов, И. А. Фольклоризм драматургии А. Платонова (на материале пьесы «Дураки на периферии») // Гуманитарный вектор. 2012. № 4 (32). С. 23–27.

3. Дырдин, А. А. Андрей Платонов и Освальд Шпенглер: смысл культурно-исторического прогресса [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/proza/platonov_a/dyrdin3.html.

4. Исупов, К. Г. Судьбы классического наследия и философско-эстетическая культура Серебряного века. СПб., 2010. 592 с.

5. Лихачев, Д. С. «Смеховой мир» Древней Руси / Д. С. Лихачев. А. М. Панченко. Л., 1976. 204 с.

6. Платонов, А. П. Фабрика литературы : литературная критика, публицистика / сост., комментарии Н. В. Корниенко. М., 2011. 720 с.

7. Пропп, В. Я. Проблемы комизма и смеха. СПб., 1997. 287 с.

О. Н. Горбачева

ВОЗДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕРНЕТ-РЕКЛАМЫ ПОСРЕДСТВОМ ЛЕКСИЧЕСКИХ СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Дается анализ лексических средств социальной интернет-рекламы, при помощи которых осуществляется воздействие на реципиентов в глобальной сети. Приводятся результаты по установлению наиболее продуктивных лексических стилистических средств.

Ключевые слова: социальная реклама, лексические стилистические средства, воздействие.

Все виды рекламы, включая социальную, для достижения своей цели и выполнения своих функций вынуждены привлекать и удерживать внимание реципиента. Это объясняет тот факт, что все виды рекламы имеют в своем арсенале различные тропы и образные средства помимо других средств и способов воздействия на адресата. Так, благодаря разнообразным стилистическим приемам коммерческая реклама подталкивает нас к совершению покупок, политическая реклама – к принятию и поддержке того или иного политического деятеля или партии, а социальная реклама – к решению актуальных социальных проблем. Согласно проведенному нами анализу, социальная интернет-реклама также изобилует различными образными средствами для достижения своих целей.

Приведем здесь данные, полученные в ходе сопоставительного анализа лексических стилистических средств, объективирующих прагматический потенциал текстов англоязычной социальной интернет-рекламы: метафоры, метонимии, синекдохи, мейозиса, гиперболы, сравнения, антономасии, иронии, олицетворения, овеществления, аллегии, перифраза, оксюморона, аллюзии, антитезы, парадокса, градации, эвфемизма, дисфемизма, каламбура, плеоназма, блендинга, цитации, пролепсиса и эпитета.

Проанализировав примеры социальной интернет-рекламы, мы пришли к выводу о том, что в данном виде рекламы среди лексических стилистических средств доминируют метафора и сравнение. В качестве материала выступали тексты социальной англоязычной интернет-рекламы, взятые с информационных порталов, указанных в списке сайтов. Однако вследствие того, что информационный контент во всемирной паутине может менять дислокацию с одного информационного ресурса на другой, эти тексты могут быть найдены и на сторонних сайтах¹.

Материалом исследования послужили 339 лексических стилистических средств, отобранных из 887 текстов социальной рекламы.

При проведении исследования все метафоры были проанализированы с позиций сферы-источника метафорической экспансии и сферы-цели.

В текстах социальной рекламы чаще всего метафоризация осуществляется при помощи сферы-источника «преступление». Выбор данной исходной понятийной сферы способствует созданию ощущения у реципиентов опасности, неизбежности серьезных последствий в случае отказа следовать идеям, пропагандируемым в рекламе. Самым распространенным метафоризатором служит слово «kill» (сфера-источник «убийство») и «suicide» (сфера-источник «самоубийство», соответственно), которые используются в блоках рекламы, направленной на борьбу с курением («Smoking kills. About 106,000 people in the UK die each year due to smoking», «SMOKING KILLS...slowly», «Cigarettes are killers that travel in packs») и преступностью («Every fourth woman falls victim to domestic violence»); пропагандирующей соблюдение правил дорожного движения («Speed kills», «Driving tired can kill», «Kill a kid. Kill a family. Slow down on school zones»), защиту окружающей среды («CO₂ kills», «It is a victim of physical abuse for grandstand's enthusiasm», «Polluted river water kills as many people as nuclear explosion») и предотвращение бытовых пожаров («Fire kills», «BEWARE. BALOON KILLS. CALL 190»); призывающей бороться со СПИДом («Surprise! AID still hits»); привлекающей внимание к проблемам неимущих («Indifference kills», «Hunger kills 2.5 million children every year») и нехватке доноров («Don't kill your eyes, donate them instead»).

Неслучаен выбор исходной понятийной сферы «разрушение» при создании рекламы, призывающей к борьбе с курением, где мета-

форизатором служит слово «*destroy*». Метафора той же сферы-источника встречается в текстах рекламы, пропагандирующей соблюдение правил дорожного движения: «*Don't destroy a family. Stop speeding*», «*Impaired driving tears families apart*»; в текстах рекламы, посвященной проблемам защиты окружающей среды: «*Your online account statement harms no tree*»; в рекламе, призывающей к толерантности: «*Racism tears Britain apart*», и рекламе, направленной на борьбу с преступностью: «*Sharing the pain cuts it in half*».

Согласно проведенному исследованию, третьей по частотности сферой-источником метафорической экспансии в социальной рекламе является «война». Здесь метафоризаторами служат такие слова, как «*fight*», «*trapped*», «*beat*». Использование данных слов позволяет передать всю серьезность сложившейся ситуации, будь то защита окружающей среды, борьба с бедностью, алкоголизмом, а также показывает необходимость принятия срочных и решительных мер, пока «война» не проиграна.

Например, «*To beat the poverty we need something loud and strong*», «*Help mother nature to fight back*», «*Not everyone trapped by alcohol is alcoholic*», «*Together we can fight climate change*».

С целью показать истинную суть вещей, преподносимых СМИ как безопасные и безвредные, в текстах социальной рекламы, направленной на борьбу с преступностью и защиту окружающей среды, используется метафора сферы-источника «части тела», в частности, метафоризатор «*face*», как в следующих примерах: «*The dirty face of clean energy with dams, Patagonia is one its way to extinction*»; «*Combat cybercrime. It is the new face of terrorism*». Кроме этого, в рекламе, призывающей прийти на помощь дикой природе, гласящей: «*Give a hand to wildlife*», применяется «стертая метафора», то есть общепринятая метафора, фигуральный характер которой уже не ощущается. Еще один пример «стертой метафоры» также в рекламе, призывающей защищать права животных: «*When the rich girl came along, he jumped out of his skin. Don't buy fur*».

Согласно проведенному анализу, мало представлены сферы-источники: «время», «экономика», «расстояние», «морская тематика», «растительный и животный мир», «рождение и смерть». По полученным результатам, из вышеуказанных малопредставленных сфер-источников только «экономика» применяется

в текстах одного тематического блока социальной рекламы – «пропаганде донорства»: «*Thousands of people owe their life to organ donors. Sign up for your donor's card at franceadot.org*». Остальные сферы-источники не закреплены за конкретной тематикой и встречаются как в текстах социальной рекламы блока «против курения», так и в блоках: «борьба со СПИДом», «защита окружающей среды» и пр.

К наименее представленным сферам-источникам метафоризации в текстах англоязычной социальной интернет-рекламы относятся «пища», «мусор», «очищение», «медицина», «спорт». Они используются в текстах социальной рекламы, поднимающей вопросы борьбы с алкоголизмом, защиты окружающей среды, борьбы с ВИЧ-инфекцией и пр. Например, в рекламе, направленной на борьбу с курением, авторы прибегают к метафоре, сферой-источником которой является «спорт». Курение показано как игра, в которой никому не победить, то есть мероприятие, изначально подразумевающее проигрыш.

Согласно нашему анализу, олицетворение и оवेशествление, как противоположный ему прием, чаще всего используются при создании текстов англоязычной интернет-рекламы, призывающей защищать окружающую среду. Так как главной функцией олицетворения и оवेशествления является «уравнять» живое и неживое, в рекламе, призывающей заботиться о природе, они могут в полной мере реализовать свой прагматический потенциал. Приведем пример. В рекламе, представленной ниже, отображен диалог двух птиц:

«– *Now tell me, do you consider the eventuality of a universe with positive curvature is plausible? – Quite honestly, I find it a bit forced*».

Согласно нашему анализу, следующим за олицетворением приемом по частотности употребления является игра слов (21 из 339). Этот прием, основанный на сопоставлении нескольких значений одного слова или схожести звучания разных слов, используется в социальной интернет-рекламе в таких блоках, как «борьба с алкоголизмом», «защита окружающей среды», «соблюдение правил дорожного движения». Например, в тексте социальной рекламы, направленной на соблюдение правил дорожного движения, заказанной дорожной полицией Румынии, читаем СМС сообщение: «*Just got off, I'll be right tree*», далее текст гласит: «*Texting while driving will end badly. Don't!*». Обыгравая схожесть в написании слов «*there*» (там) и

«tree» (дерево), автор показывает последствия безответственного поведения за рулем.

В двух следующих примерах схожим образом обыгрывается созвучие известных английских обценных слов и слов, означающих в данных случаях возникновение преграды на пути. Такая игра слов показывает, что написание СМС за рулем приводит в результате к дорожно-транспортному происшествию: «*I said I'm sorry, what the truck. Texting while you drive will end badly. Don't.*», «*Told yea, she's such a ditch. Texting while you drive will end badly. Don't.*»

Как известно, функцией дисфемизма является придание, как правило, нейтральному понятию более негативной смысловой нагрузки. Использование дисфемизма чаще всего свидетельствует об эмоциональном состоянии говорящего, а главной его целью, на наш взгляд, является вызвать у реципиентов чувство раздражения и неприязни. Согласно данным, полученным в результате проведенного анализа, дисфемизм (19 из всех 339 лексических приемов) используется в большей степени в текстах социальной рекламы, направленной на пропаганду образования и мирных идей, а также в рекламе, призывающей следить за чистотой улиц. Приведем пример рекламы последнего указанного нами блока: «*Shit is not a cool brand. Clean up after your dog.*»

В отличие от дисфемизма, эвфемизм, его полная противоположность, встречается значительно реже (4 из 339). По нашему мнению, это обусловлено тем, что целью большинства стилистических приемов является усиление эффекта, производимого рекламой на реципиента, а суть эвфемизма сводится к «сглаживанию углов», то есть попытке избежать грубых и неприятных к восприятию высказываний.

Основной сферой, подлежащей табуированию во многих социумах, является смерть, поэтому для рекламы, поднимающей те социальные проблемы, следствием которых является большое количество летальных исходов: курение, алкоголизм, несоблюдение правил дорожного движения, загрязнение окружающей среды, характерно использование эвфемизмов. Например, «*Up to 25 species are passing away every day*» («*passing away*» вместо «*extinct*», «*die*»), «*Children of parents who smoke, get to heaven earlier*» («*get to heaven*» вместо «*die*»).

Согласно анализу, по 4 % из числа всех лексических приемов приходится на такие как антитеза (14 из 339), аллюзия (13 из 339) и

ирония (13). Антитеза – контрастное противопоставление. Противопоставление, например, жизни различных классов, делает антитезу убедительным и ярким стилистическим приемом. В нашем примере противопоставляют отношение людей к смерти одного человека, создателя и вдохновителя всемирно известной компании, продукцией которой пользуются миллионы, и равнодушие к смерти миллионов бедняков в Африке («*One dies, millions cry. Millions die, no one cries*»).

Аллюзия чаще всего употребляется в рекламе, направленной на пропаганду образования, защиту окружающей среды, борьбу с курением, а также призывающей соблюдать правила дорожного движения. Согласно материалу исследования, аллюзия, встречаемая в текстах социальной рекламы, прямо указывает либо намекает на общеизвестную персону либо событие. Например, в рекламе, направленной на борьбу с курением, используется образ сказочных героев и репрезентируется ситуация, если бы они курили: «*If Prince Charming had been a Smoker, he'd still be searching. Smoking causes impotence. Don't shut the book on your happy ending*» или «*If Rapunzel had been a Smoker, she'd still be in the tower. Smokers are 77 % more likely to experience hair loss. Don't shut the book on your happy ending*».

Согласно проведенному анализу, ирония встречается в текстах социальной рекламы, призывающей к соблюдению правил дорожного движения и защите окружающей среды. Ирония служит для того, чтобы высмеять глупость и нецелесообразность таких человеческих поступков, которые приводят к трагическим последствиям. Как, например, в рекламе, приведенной ниже.

«*Drivers angry over bikers need a relaxing hobby. May we suggest biking? Bikenyc.org.*»

В англоязычной социальной интернет-рекламе, призывающей к толерантности, намеренно используется политически некорректная лексика: такие слова, как black, white, yellow и др. Например, «*It's hard to see racism when you're white. UnfairCampaign.org*»

2,7 % от числа всех лексических приемов – перифраз. Он встречается в социальной рекламе, посвященной борьбе с курением и алкоголизмом, преступностью и защите окружающей среды, направленной на предупреждение заболеваний. В нашем примере фраза «*Women who smoke feed more than just milk to their children*» подразумевает, что молоко курящей матери со-

держит не только полезные вещества, но и никотин, вредный для ребенка.

Цитирование используется для передачи прямой речи, поэтому, как правило, сопровождается аллюзией или олицетворением. Например, в рекламе, призывающей заботиться о природе, мы видим прямую речь от лица тунца: «*Would you care more, if I was a rhino?*».

В заключение отметим, что, во-первых, метафора является самым частотным по употреблению лексическим стилистическим средством.

Наиболее продуктивными сферами-источниками метафоризации в социальной интернет-рекламе являются «преступление» и «разрушение». Как нам представляется, это может быть обусловлено тем, что они позволяют формировать нужные ассоциации и отношение к поднимаемым социальным проблемам у пользователей Интернетом, для которых английский язык является как родным, так и иностранным.

Многообразие сфер-источников метафоризации в англоязычной социальной интернет-рекламе может быть обусловлено, по нашему мнению, тем, что данная реклама не только создавалась в разных странах, но и для разных реципиентов.

Вторым стилистическим приемом по частоте употребления в текстах англоязычной социальной рекламы является сравнение. Согласно нашему анализу, чаще всего данный лексический прием встречается в рекламе, направленной на борьбу с курением (9 из 35) и соблюдение правил дорожного движения (8 из 35). Следует отметить, что сравнения в анализируемых текстах не столько добавляют емкости репрезентируемым в рекламе образам, сколько используются для акцентирования внимания на известных вещах. Например, «*Sleepiness*

is stronger than you», «*It's like killing yourself. Don't drink and drive*», «*Alcohol is much more evil than a gun to the drivers*».

Согласно результатам проведенного исследования, менее продуктивными стилистическими приемами в текстах англоязычной социальной интернет-рекламы являются: парадокс, гиперболы, метонимия, эпитет, антономасия, синекдоха, оксюморон, сленг, овеществление, аллегория, мейозис, плеоназм, каламбур.

В перспективе исследования можно отметить актуальность сопоставительного анализа вербальных и визуальных стилистических приемов, используемых в социальной интернет-рекламе для усиления воздействия на реципиента.

Примечания

- ¹ Социальная реклама: URL: <http://www.adme.ru>; URL: <http://www.social-advertising.info>; URL: <http://www.creativeadvertisingworld.com>; URL: <http://www.adsoftheworld.com>; URL: <http://www.adsora.com>; URL: <http://www.eroglamour.com/2012/05/12/social-advertising.html>; URL: <http://www.designyoutrust.com>; URL: <http://www.socialads.blogspot.ru>; URL: <http://www.fastcocreate.com>; URL: <http://www.stopgreenwash.org>; URL: <http://www.arcticready.com/social/gallery>; URL: <http://www.whatsupkuwait.com>; URL: <http://www.adland.tv>; URL: <http://www.bestadsontv.com>; URL: <http://www.coloribus.com>; URL: <http://www.elephantjournal.com>; URL: <http://www.act-responsible.org>; URL: <http://www.enpundit.com>; URL: <http://www.blog.wonderfulmachine.com>.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО КОЛИЧЕСТВА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматриваются разнообразные способы выражения неопределенного количества в английском языке. Приводятся данные из Британского Национального Корпуса о частоте использования неопределенных квантификаторов, рассматриваются квантификаторы-неологизмы разговорного характера, их коммуникативные и стилистические функции.

Ключевые слова: имя числительное, неопределенный квантификатор, аппроксиматор, прототипическая структурная последовательность, неологизм, гипербола, мейозис.

Общими вопросами неопределенности в языке (*vagueness, indeterminacy, imprecision*) занимались многие исследователи: Дж. Лакофф, Дж. Чаннелл, Дж. Тарныкова [19. С. 71]. Под *неопределенностью* понимается использование единиц, лексическое значение которых имеет размытые границы (*fuzzy boundaries*). Слова с неопределенным значением могут затруднить понимание, поэтому в субъязыках политики, науки, юриспруденции чрезмерное употребление таких единиц делает высказывание слишком абстрактным, например: *My officials are monitoring this situation very closely, and I can promise that we shall take all appropriate measures to ensure that the situation is resolved in a way that is fair to all the parties involved.* С другой стороны, неопределенность является неотъемлемой частью естественных языков, такие единицы помогают сделать высказывание менее категоричным, придать общению неформальный характер. Это подтверждается исследованием корпуса лексики подростков, которые считают использование неопределенных слов престижным [18].

Объектом исследования в данной статье являются квантификаторы, лексическим значением которых является неопределенное количество.

Количественные отношения объективного мира отображаются как точно, так и приближенно. Соответственно этому языковые обозначения количественных отношений могут быть определенными и неопределенными. Нередко языковые средства обозначения неопределенного количества также содержат оценочный компонент. Неопределенное количество может оцениваться как большое или малое, как достаточное, чрезмерное, предельное.

Неопределенное количество представлено в английском языке разнообразными средствами.

– суффикс *-ish* (*Numeral + -ish*)

“Behind Tietjens’ back were two men with bright green coats, red knitted waistcoats and florid faces. One was bald and blond, the other had black hair, remarkably oiled and shiny; both were *forty-fivish*.” [7. С. 47] “Marlene – *fifty-ish*, divorced, ice-blond hair and Wagnerian presence – caught my eye and frowned” [10. С. 33]. Данные примеры показывают, что рассматриваемый суффикс *-ish* используется для описания неопределенного возраста человека, а также для обозначения времени: – I’ll see you at the Fox about *sixish*.

Для описания неопределенного возраста можно использовать и другие лексические единицы: *a twentysomething, a thirtysomething, a fortysomething* (*Numeral + something*), etc.

– полу-аффикс *-odd* (*Numeral + -odd*), который также может использоваться для обозначения неопределенного возраста: “Cassis, *sixty-odd* then, and swollen with the seeds of the coronary that would later kill him, looked on with barely restrained pride” [9. С. 15].

– использование *аппроксиматоров* (*approximators*): *approximately, about, over, up to, roughly, around, circa, nearly, almost, approaching, like, etc.*

Аппроксиматоры – лексемы, используемые для обозначения неточного количества (“*aditives used to denote imprecision of quantity*” [11. С. 1758]). Существуют и другие термины для обозначения данных единиц: “*approximatives*” (Wierzbicka, 1986), “*approximations*” (Channell, 1980), “*approximators*” (Wachtel, 1981, Channell, 1994), “*number approximators*” (Channell, 1985), “*rounders*” (Prince, 1982) [11. С. 1758].

– использование *неопределенных квантификаторов*

Прототипической структурной последовательностью является следующая последова-

тельность компонентов: *a vague non-numerical quantifier* (неопределенный квантификатор, не выраженный именем числительным) + *of* + *Noun* (существительное). Кроме того можно выделить два подтипа данной последовательности: **plural VQ + of + N** и **singular VQ + of + N**.

Для выражения *малого неопределенного количества* используются лексические единицы, представленные в следующей таблице (табл. 1). Во втором столбце указано количество употреблений данного квантификатора в Британском Национальном Корпусе (БНК, British National Corpus <http://corpus.byu.edu/bnc/>).

Таблица 1

Выражение малого неопределенного количества

Неопред. квантификатор	Кол-во упоминаний в БНК (BNC)	Пример предложения
<i>a couple of</i>	6902	I've seen her <i>a couple of times</i> before.
<i>a bit of</i>	4950	I've got <i>a bit of shopping</i> to do.
<i>a touch of</i>	531	There was <i>a touch of sarcasm</i> in her voice.
<i>a hint of</i>	479	There was more than <i>a hint of sadness</i> in his voice.
<i>a taste of</i>	216	Just have <i>a taste of</i> this cheese.
<i>a spot of</i>	197	He's in <i>a spot of</i> trouble.
<i>a scrap of</i>	76	«The only <i>scrap of comfort</i> there was came unexpectedly from Bombur»[21. С. 186].
<i>an ounce of</i>	73	“Doesn't she have <i>an ounce of sympathy?</i> ” [12. С. 154].
<i>a sprinkling of</i>	73	Most were men, but there was also <i>a sprinkling of young women</i> .
<i>a dash of</i>	62	He was a handsome chap in a sinister sort of way, Al Caponish with <i>a dash of Dracula</i> and <i>a smidgen of Rambo</i> thrown in, but he spoils himself being so nasty.
<i>a shred of</i>	36	“Frodo hid the Ring away, and the shadow passed leaving <i>hardly a shred of memory</i> .” [22. С. 226]
<i>a speck of</i>	35	“I had to believe it; it was <i>the only speck of hope</i> on my otherwise bleak horizon.” [10. С. 346].

<i>a dab of</i>	20	«I went to my room but didn't change. I brushed my hair and teeth and put on some lip gloss and the smallest possible <i>dab of perfume</i> » [8. С. 81].
<i>a crumb of</i>	11	The government's only <i>crumb of comfort</i> is that their opponents are as confused as they are.

В американском варианте английского языка предлог *of* в выражении “*a couple of*” часто не употребляется: “Sleep for a while,” she said. “I'll try to run interference and give you *a couple hours* before somebody comes in to check vitals and the like” [8. С. 102].

Неопределенный артикль может заменяться на числительное “one” например, *one iota of* (one iota of difference) “Why should I give *one iota of* head space or time to him, when it's my wedding day and I have other things to focus on?” [13. С. 360]. “There is *one crumb of comfort*,” said Merry, ‘and *more than a crumb*, I hope: we can have breakfast while we wait – and sit down to it. Let's **get hold of Nob!**” [22. С. 174]. В данном примере неопределенный квантификатор лежит в основе стилистического приема игры слов.

Кроме того, существует ряд неопределенных квантификаторов, образованных по модели: *a + Nounful + of*: 1) *a handful of* (952). Only *a handful of people* came; 2) *a mouthful of* (143) “This is indeed like the old days. We shall have time for *a mouthful of* dinner before we need go.” [5. С. 853]; 3) *a thimbleful of* (4). В скобках указано количество употреблений в Британском Национальном Корпусе.

Анализ фактического материала показал, что малое неопределенное количество может быть выражено фразеологическими единицами: *can be counted on the fingers of one hand* – можно пересчитать по пальцам; *one or two* – немного, несколько; *dribs and drabs* – крохи, мелочи, обрывки, *in dribs and drabs* – в час по чайной ложке, урывками; *not one jot or tittle* – ни капельки, ни чуточки, *a drop in the ocean* (NAмЕ *a drop in the bucket*).

Лексема *myriad*, произошедшая от греческого слова «*myrioi*» = «10,000» [20. С. 900], является единственным книжным словом в данном списке, остальные лексические единицы маркированы в словаре пометами “informal”, “colloquial” (в таблице эти лексеммы выделены полужирным шрифтом) или являются нейтральными единицами (табл. 2).

Анализ количества употреблений в Британском Национальном Корпусе показал, что для выражений *a number of*, *a lot of*, *a great deal of*, *a bunch of*, *a pile*, *a mass of*, *a myriad of* более употребительной является модель *singular VQ + of*, а для остальных квантификаторов – модель *plural VQ + of* (13 из 20 примеров).

Некоторые неопределенные квантификаторы могут употребляться только во множественном числе: 1) *buckets* (88) (*buckets of water*, *wept buckets*); To succeed in show business, you need *buckets of confidence*; 2) *reams* (56) “Dora was Drogo’s sister and the eldest surviving female relative of Bilbo and Frodo; she was ninety-nine, and had written *reams of good advice* for more than half a century.” [22. С. 36]. She wrote *reams in the exam*. 3) *oodles of* (15) (*oodles of money*, *oodles of cash*). 4) *scads of* (6) (*scads of friends*, *scads of letters*).

Исключение также представляет прилагательное «*galore*» (125), которое всегда следует за существительным по модели N + VQ: *food and drink galore*, *daffodils galore*, *bargains galore* (тотальная распродажа), *have troubles galore* (хлопот полон рот). There will be *games and prizes galore*.

В британском варианте английского языка квантификатор *a bit* может также обозначать большое количество: ‘How much does he earn?’ ‘*Quite a bit!*’.

Многие квантификаторы могут использоваться для обозначения большого количества с предлогами *by* и *in*: *by the score*, *in dozens*, *by the bucket*, *in numbers*, etc.

Кроме того, существует ряд фразеологизмов со значением большого неопределенного количества: *a hundred and one* – разг. «уйма»; *a thousand and one* – разг. «много, масса, уйма,

Таблица 2

Выражение большого неопределенного количества

Неопред. квантификатор	Кол-во упоминаний в БНК (BNC)	Неопред. квантификатор	Кол-во упоминаний в БНК (BNC)	Пример словосочетания или предложения
<i>a number of</i>	14966	<i>numbers of</i>	3539	“When you raise your cry of fire, it will be taken up by quite <i>a number of people</i> ” [6. С. 15].
<i>a lot of</i>	14440	<i>lots of</i>	3603	Black coffee with <i>lots of sugar</i> .
<i>thousands of</i>	4005	<i>a thousand of</i>	26	There were <i>thousands of people</i> there.
<i>plenty of</i>	3759	–	–	<i>plenty of money, time</i>
<i>hundreds of</i>	3125	<i>a hundred of</i>	24	<i>hundreds of miles</i> away, for <i>hundreds of years</i>
<i>a great deal of</i>	2354	<i>a good deal of</i>	715	They spent <i>a great deal of money</i> .
<i>millions of</i>	1696	<i>a million of</i>	27	I still have <i>a million things</i> to do.
<i>quantities of</i>	882	<i>a quantity</i>	154	The police found <i>a quantity of drugs</i> at his home.
<i>loads of</i>	839	<i>a load of</i>	598	She’s got <i>loads of friends</i> .
<i>dozens of</i>	701	<i>a dozen of</i>	96	I’ve been there <i>dozens of time</i> .
<i>tons of</i>	628	<i>a ton of</i>	78	They’ve got <i>tons of money</i> .
<i>a bunch of</i>	536	<i>bunches of</i>	99	I have <i>a whole bunch of stuff</i> to do this morning.
<i>a pile of</i>	465	<i>piles of</i>	347	I have got <i>piles of work</i> to do.
<i>a mass of</i>	455	<i>masses of</i>	323	There were <i>masses of people</i> in the shops yesterday.
<i>scores of</i>	431	<i>a score of</i>	165	«...a covered verandah ran down one side, and broad walks bordered a middle space divided into <i>scores of little beds</i> : these beds were assigned as gardens for the pupils to cultivate, and each bed had an owner». [4. С. 48]
<i>mountains of</i>	275	<i>a mountain of</i>	75	We made <i>mountains of sandwiches</i> .
<i>heaps of</i>	131	<i>a heap</i>	126	There’s <i>heaps of time</i> before the plane leaves.
<i>stacks of</i>	98	<i>a stack</i>	94	There’s <i>a stack of unopened mail</i> waiting for you at the house.
<i>a myriad of (literary)</i>	93	<i>myriads of</i>	32	<i>a myriad of ailments</i>
<i>oceans of</i>	26	<i>an ocean of</i>	19	<i>oceans of time</i>
<i>lashings</i>	25	<i>a lashing of</i>	1	a bowl of strawberries with <i>lashings of cream</i>

тьма» (по названию сборника арабских сказок «Тысяча и одна ночь»); *tell a pack of lies* – «навать с три короба»; *make a mint of money* – «сколотить состояние»; *to make a pot of money* – «заработать уйму денег»; *to cost a pretty penny* – «стоять уйму денег»; *quite a few* – «довольно много, немало»; *numberless as the sands on the seashore* – «бесчисленные как песчинки на морском берегу»; *thick as blackberries, plentiful as blackberries* – «в изобилии, хоть отбавляй, видимо-невидимо».

Анализ БНК показывает, что для выражения большого неопределенного количества могут использоваться и другие лексические единицы, сохраняющие коннотацию новизны, созданные во второй половине XX – начале XXI в. Числа являются открытым семантическим полем, в принципе невозможно назвать наибольшее число любой разработанной системы. По этой причине в английском языке появились неологизмы – числительные, обозначающие очень большое количество чего-либо.

– **zillion** [Z (возможно = «неопределенное количество») + million] [20. С. 1630]. Zillion – псевдочислительное, используемое для описания явлений, предметов, событий, фактов колоссальных, невообразимо крупных размеров и масштабов. Оно довольно часто применяется для того, чтобы впечатлить собеседника или преувеличить значение чего-либо. Можно назвать ряд других псевдочислительных: jillion, bajillion, bazillion, squillion, skillion, kabillion, kajillion, kabajillion, bagillion, skajillion, googillion, fagillion, umptillion, gagillion, infillion, gozillion. «I was already in bed – after dinner had become my bedtime for the moment – propped up with a *gajillion* pillows and also Bluie, with my computer on my lap» [8. С. 111].

Вышеперечисленные лексемы являются блендами (телескопизмами), в которых мотивированность не всегда ясна, т.к. первая основа чаще всего представляет собой произвольный набор букв (например, skajillion, gazillion), а второй «осколок» – (m)illion. В некоторых случаях можно установить оба компонента телескопного слова и восстановить его мотивированность:

– **kabillion, kajillion, kabajillion**: эти три неологизма появились возможно под влиянием арабского слова *kabīr* – «большой».

– **infillion = infinity + million**.

– **googillion = googol + million**.

– **godzillion = Godzilla** (Годзилла, динозавр, персонаж фильмов) + **million**.

– **katrillion = Katrina** (имя урагана в США) + **million**.

Невероятно богатого человека можно назвать *a zillionaire, a bazillionaire, a squillionaire* или *a gazillionaire*: “Can I take a picture of it? I’m just getting ideas for when Aran becomes a *gazillionaire*.” [13. С. 311] В качестве антонима выступает *nillionaire* – «человек, у которого совсем нет денег». Данные единицы также образованы по телескопной модели: **zillion + millionaire, bazillion + millionaire, etc.**

– **googol** Гугол – число, в десятичной системе исчисления изображаемое единицей со ста нулями: 10^{100} . Это число было придумано математиком Эдвардом Каснером (Edward Kasner) и его племянником Мильтоном Сиротта (Milton Sirotta); существует версия, что название произошло от имени популярного героя комиксов «*Barney Google*».

– **googolplex** [googol + -plex как в «multiplex»] [20. С. 585]. Гуголплекс – число, равное десяти в степени гугол. Число гуголплекс в классическом десятичном виде записать невозможно, даже если всю материю в известной части вселенной превратить в чернила или в компьютерное дисковое пространство.

Герой повести Яна Макьюэна «Мечтатель» размышляет об этих огромных числах на уроке математики и восхищается их невообразимым размером: “Peter found himself thinking about the largest number in the world. He had read the week before about a number with the wonderful name of **googol**. A googol was ten multiplied by ten a hundred times. ... And there was an even better word, a real beauty – a **googolplex**. A googolplex was ten multiplied by ten a googol number of times. What a number! ... All the atoms in the world did not even add up to **one single googol**. And a googol was the tiniest little scrap of a thing compared to a **googolplex**. If you asked someone for a googol of chocolate-covered toffees, there wouldn’t be nearly enough atoms in the universe to make them” [15. С. 4].

– **eleventy** – общеупотребительный неологизм, восходящий к авторскому неологизму Дж. Р. Р. Толкиена, образованному от древнеанглийского числительного *hund endleofantig* для наименования возраста героев в сказочном мире, Средиземье: “When Mr. Bilbo Baggins of Bag End announced that he would shortly be celebrating his *eleventy-first* birthday with a party of special magnificence, there was much talk and excitement in Hobbiton”. [22. С. 21]. Кроме того, созданное Дж. Р. Р. Толкиеном числительное

eleventy может использоваться и для наименования очень большого количества, например, *eleventy-seven, eleventygazillion*.

Согласно исследованиям Дж. Лакоффа [14], К. Базанеллы [3], А. Джакера [11], все выявленные средства выражения неопределенного количества употребляются в следующих коммуникативных ситуациях:

1) точная информация недоступна (недостаток информации): *She has got a lot of friends*. В данном случае подсчитать точное количество практически невозможно, поэтому неопределенный квантификатор лучше передает значение и отношение говорящего к ситуации;

2) точная информация неуместна (безобидная ложь “white lies”);

3) точная информация не имеет большого значения (для придания общению более неформального и менее напряженного характера);

4) точная информация даст слушающему менее ясное представление о ситуации, например, можно сравнить два предложения: *Three hundred fifty-seven books were sold*. vs. *Most books were sold*. Если говорящий не знает, сколько всего книг было в наличии в магазине, то первое высказывание не будет для него таким же понятным, как второе.

5) неточная информация используется умеренно, для придания более экспрессивного и эмоционального характера высказываниям:

а) преувеличение (гиперболизация)

Анализ показал, что вышеперечисленные псевдочислительные широко используются в современной литературе как эффективное средство усиления и преувеличения: «This line about the bow and the violin has made it into family lore. I've heard the story a *zillion* times» [12. С. 14]. «Then why?» She folds her arms, looking baffled and almost accusing. “Why?” I don't know why! I want to scream. Don't you think I've asked myself that question a *bazillion* times?» [12. С. 32].

Гипербола конвергируется с другими стилистическими приемами: 1) **гипербола и ирония**: “Mum has told me my great-aunt was 105 approximately 105 times. I'm pretty sure it's because that's the only fact she knew about her.” [12. С. 11]. 2) **гипербола и нарастание**: “Doc: Clara was *one in a million*. *One in a billion*. *One in a google-plex!*” [Back to the Future III]. «And you owe me a *million billion trillion zillion squillion* dollars» [17. С. 146]. 3) **гипербола и антитеза**: “The whole world thinks he's a business genius who started with

two little coins. *Half a million notes*, more like” [12. С. 423].

б) преуменьшение (мейозис): Как известно, этот стилистический прием представляет собой «логическую и психологическую противоположность гиперболы. Сущность мейозиса заключается в преуменьшении истинных свойств объекта речи» [1. С. 122]. Антрополог Кейт Фокс в своей книге “Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour” замечает, что преуменьшение – это чисто английская форма иронии. «Англичане по праву славятся своим умением использовать преуменьшение. И дело вовсе не в том, что мы изобрели этот способ иронии или владем им лучше других, просто мы применяем его *очень часто*». «Причина тому – строгий запрет на выказывание чрезмерной серьезности, сентиментальности, хвастовства и своих переживаний. Опасаясь показаться чересчур пафосными, эмоциональными или пылкими, мы впадаем в другую крайность – демонстрируем сухость и безразличие» [2. С. 85–86]. “By the way, since you are interested in these little problems, and since you are good enough to chronicle *one or two of my trifling experiences*, you may be interested in this.” [6. С. 3] “And what she told me was *a bit of a shock*.” [13. С. 322]

В целом следует отметить, что в современном английском языке имеется значительный арсенал разноуровневых средств для выражения неопределенно большого или малого количества. Корпус таких единиц постоянно пополняется либо за счет вторичной номинации, в частности, метафорического переноса, либо при помощи продуктивных моделей словообразования (суффиксации, словосложения, телескопии). Употребление лексических единиц, выражающих неопределенное количество, является неотъемлемой частью повседневного, неформального общения. Причины, вызывающие использование неопределенных квантификаторов можно подразделить на две неравные группы: 1) объективная невозможность быть точным ввиду отсутствия информации, 2) выбор самого говорящего. Примеры, иллюстрирующие намеренное использование неопределенных квантификаторов, более многочисленны, так как рассматриваемые квантификаторы не только передают неопределенное количество, но и содержат дополнительные смыслы, а также выражают отношение говорящего к ситуации. Неопределенные квантификаторы обладают значительным прагматиче-

ским потенциалом при создании нетривиальных авторских стилистических приемов.

Список литературы

1. Скребнев, Ю. М. Очерк теории стилистики : учеб. пособие. Горький, 1975. 175 с.
2. Фокс, К. Англия и англичане. То, о чем умалчивают путеводители / пер. с англ. И. П. Новоселецкой. М., 2012. 512 с.
3. Bazzanella, C. Indeterminacy in dialogue. *Language and Dialogue* [Электронный ресурс]. John Benjamins Publishing Company, 2011. P. 21–43. URL: <http://benjamins.com/series/ld/1-1/art/04baz.pdf>
4. Bronte, Ch. *Jane Eyre*. Oxford, 2008. 488 p.
5. Conan Doyle. *Sherlock Holmes. The Complete Stories*. Ware, Hertfordshire, 2006. 1408 p.
6. Conan Doyle, A. *The Best of Sherlock Holmes*. Ware, Hertfordshire, 2009. 462 p.
7. Ford, F. M. F. *Parade's End, Part 1* [Электронный ресурс]. Some Do Not, 1924. 238 p. URL: <http://gutenberg.net.au/ebooks07/0700171h.html>
8. Green. *The Fault in our Stars*. N.-Y., 2012. 287 p.
9. Harris, J. *Five Quarters of the Orange*. London, 2007. 453 p.
10. Harris, J. *Gentlemen and Players*. London, 2006. 506 p.
11. Jucker A.H. Interactive aspects of vagueness in conversation / A. H. Jucker, S. W. Smith, Tanja Lüdge [Электронный ресурс] // *Journal of Pragmatics*. 2003. № 35. P. 1737–1769. URL: http://esweb.uzh.ch/ahjucker/Jucker_Smith_Ludge.pdf
12. Kinsella, S. *Twenties Girl*. London, 2010. 480 p.
13. Kinsella, S. *I've Got Your Number*. N.-Y., 2011. 385 p.
14. Lakoff, G. Hedges: a Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // *Journal of Philosophical Logic* 2. 1973. P. 458–508.
15. McEwan, I. *The Daydreamer*. N.-Y., 1994. 47 p.
16. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. Oxford, 2010. 1796 p.
17. Pratchett, T. *Witches Abroad*. London, 2002. 377 p.
18. Stenström, A. Trends in Teenage Talk: Corpus Compilation, Analysis, and Findings / A. Stenström, G. Andersen, I. K. Hasund. Philadelphia, 2002. 229 p.
19. Tarnyikova, J. Bags of talent, a touch of panic, and a bit of luck: the case of non-numerical vague quantifiers // *Linguista Pragensia*. 2010. № 2. P. 71–85.
20. *The Concise Oxford Dictionary of Current English*. Oxford, 1995. 1632 p.
21. Tolkien, J. R. R. *The Hobbit*. London, 1998. 365 p.
22. Tolkien, J. R. R. *The Lord of the Rings. The Fellowship of the Ring*. London, 1991. 398 p.

НАДЕЛЕНИЕ СУБЪЕКТНОСТЬЮ КАК ОДНА ИЗ СТУПЕНЕЙ ОТЧУЖДЕНИЯ В МЕТАТЕКСТЕ

Рассматривается метатекст, который содержит характерные черты текста с неявно данными смыслами. Метатекст – это повествование в повествовании, он фиксирует те или иные формы отчуждения. Любой предмет и процесс могут использоваться для описания метатекста. Для того чтобы наличный текст обернулся своей внутренней формой, необходимо так изменить его, чтобы мышление нашло субъект. Следовательно, мышление, вместо того, чтобы идти дальше, чувствует себя скорее задержанным и отброшенным назад к мысли о субъекте.

Ключевые слова: метатекст, смысл, символ, образ, персонификация, отчуждение, морфология, олицетворение, слово, риторический вопрос.

Специфика текстов с метатекстом изучена слабо (способы создания метатекста и природа смыслов метатекста были рассмотрены нами ранее¹). Это объясняется неприятием отечественными исследователями текстов без четких и определенных «ключей».

Метатекстовые компоненты вносят дополнительный обертоны в смысл текста и выполняют различные функции. Т. М. Николаева², рассматривая метатекст и его функции, выявляет близость метатекста к символам В. В. Виноградова, который писал: «Эти элементы не есть данность; их необходимо отыскивать путем анализа художественного произведения. Их нельзя вырезать из художественного произведения механически, аналогично словам языка: это не слова, а “символы”»³. В. В. Виноградов отмечает одну из главных характеристик символа: невыразительную языковую морфологию этих стилистических единиц.

Рассмотрим два фрагмента, представляющих собой два тождественных символа, соотносимых друг с другом. На первый взгляд, данные отрывки совершенно разные, не говоря уже об их объеме. Первый представляет собой ряд риторических вопросов, второй более сдержан в выражении переживаний. Тем не менее, мы говорим в обоих случаях об одном типе метатекста, который проясняет семантический узор основного текста.

*«Кто дал ему право давить меня?
Чем я хуже него?
Он умнее?
Богаче душой?
Тоньше организован?
Сильнее?
Значительнее?»*

Больше не только по положению, но и по существу?

Почему я должен признать его превосходство?

Такие вопросы я себе поставил. Каждый день наблюдений давал мне частицу ответа. Прошел месяц. Ответ я знаю. Я уже не боюсь вас. Вы просто тупой сановник. И больше ничего. Не значимостью личности подавили вы меня. О нет! Теперь я уже явно понимаю вас, рассматриваю, посадив на ладонь. Мой страх перед вами прошел как некое ребячество. Я свалил вас с себя. Вы – липа»⁴.

«Он давит меня. Он не смотрит на меня – видит насквозь. Он на меня не смотрит. Только сбоку я вижу его глаза, когда лицо его повернуто в мою сторону, взгляда его нет: только сверкает пенсне, две круглые слепые бляшки. Ему не интересно смотреть на меня, нет времени, нет охоты, но я понимаю, что он видит меня насквозь»⁵.

Каков смысл данных фрагментов? Символ включается в систему художественного единства, тем не менее, он не только скован соседними символами семантически – он подчиняется динамике словесного потока, от которого в процессе развертывания темы летят на него новые брызги. И эта скованность, подчинение и есть смысл фрагментов.

Образ в таком тексте следует рассматривать не как явление, в котором нечто отражается, а как одновременно и то, что отражается, и то, в чем отражается, и, самое главное, как саму связь или отношения между ними. В этом случае к понятию «образ» применяется совершенно иная категория, категория отношения, связью, а, следовательно, и структуры.

В данных отрывках не человек персонифицирует вещи, а вещи персонифицируют себя в человеке. Не следует путать персонификацию с олицетворением. В олицетворении художник или поэт олицетворяет природные явления, создавая художественный образ. И там нет никакого отчуждения. И В. Гумбольд считал, что характеристика одушевленности не заключается в себе ничего, что могло бы повлиять на внутреннюю форму языка⁶. Различие между живым и безжизненным пребывает в языке подобно чужеродной материи. Только в сочетании другого и «я» при помощи опосредованного языка рождаются все глубокие чувства.

В данных примерах герой в своем поведении представляет не себя, а «персону» вещи (метатекст), то есть действует от ее имени и вместо нее. Мы определяем здесь героя Ю. К. Олеша как персонификацию метатекста. Метатекст надевает на себя маску живого человека, действует сам по себе. «Но, – как уточняет Г. С. Батищев, – это наделение субъектностью неизбежно ведет к лишению людей их субъектности. Сами индивиды выполняют лишь вещные функции»⁷.

В тексте с чужим словом операции в области означающих рассматриваются как операции на референтах. Нам кажется странным в приведенном ниже отрывке сравнение Левина с акулой, а Альберта с угрем. Здесь описание героя превращается в целую картину. Что может быть общего у человека, рыбы и текста? Автор равнодушен к внешнему облику героев, его интересует сущность, функция объектов в окружающем мире: акула врезается в толщу воды; Левин, работая с труднейшим текстом, уподобляется ей.

«He extended his efforts; giving every spare minute to the hunt... He read with murderous intent, to insnare and expunge Albert O. Birdless. Levin saw himself as a man-eating shark cleaving with the speed of a locomotive through a thick sea of words, Albert, a thick fat eel hidden among them, only his boiling blue eyes visible through the alphabet soup»⁸.

Метатекст подчиняет себе саму повествовательную технику текста, своеобразие которой формируется благодаря совмещению в авторском образе двух ипостасей: одновременного ведения повествования от лица «я» и «метатекста».

Автор прозы с метатекстом сообщает объективному окружению текстовый характер.

Познание мира равносильно здесь постижению другого автора (самого метатекста).

Чтобы адекватно передать внешнюю среду, художник вынужден подражать тому, кто является отправителем метатекста метатексту. В метатексте носителем метатекста, тем, кто осуществляет его, является сам метатекст, он порождает метатекст, он есть (тождественный личности) субъект деятельности, активности, общения. По этому поводу М. М. Бахтин пишет: язык в литературе является не только «средством изображения или выражения», но и «объектом изображения»⁹. Имея в виду слушателя, говорящего и «героя» в слове, Бахтин уточняет: «Слово – это драма, в которой участвуют три персонажа (это не дуэт, а трио)»¹⁰. Третий – это тот, о ком говорят.

В качестве предметного образца метатекста приведем фрагмент из рассказа Т. Н. Толстой «Сомнамбула в тумане», в котором дается описание персонажа и одновременно сопоставимого с ней метатекста:

«Она тоже бредет наугад, вытянув руки, обширивая выступы и расселины, спотыкаясь в тумане, она вздрагивает и ежится во сне, она тянется к блуждающим огням, ловит неловкими пальчиками отражения свечей, хватается круги на воде, бросается за тенью дыма; она склоняет голову на плечо, слушает шуршание ветра и пыли, растерянно улыбается, озирается – где оно, то, что сейчас промелькнуло?»

Булькнуло, екнуло, порскнуло, ахнуло – лучше гляди! – сзади, наверху, вниз головой, пропало, нету!»¹¹.

Приемом введения метатекста в произведение является здесь описание тумана («спотыкаясь в тумане»), дыма («бросается за тенью дыма»). Не исключено, что туман имеет то же значение, что и в исландском фольклоре: «Мистически туман, – говорит Е. М. Мелетинский, – играет важную роль в исландских сказках: он всегда предшествует появлению чудесных лиц, людоедов или разбойников, демонических персонажей»¹². В русских народных сказках контакт с волшебными силами иногда сопряжен с символами ненастья¹³.

Следовательно, во фрагменте совмещаются две ипостаси: повествование ведется одновременно и от лица «я», и от имени «метатекста». Метатекст создает своего автора, скачок к усмотрению метатекста провоцируется способом вопрошания («Где оно, то, что сейчас промелькнуло? Лучше гляди!»). Отправитель перемещается с описательной позиции на ту точку зрения, с которой допускается прямое обращение к читателю.

Пример демонстрирует интенциональное слияние слов, фраз: смысловое повторение – удвоение понятия в рядах лексем с нетождественным корнем:

1) «она бредет наугад, вытянув руки, обшаривая выступы и расселины, спотыкаясь в тумане»;

2) «она тянется к блуждающим огням, ловит отражение свечей, хватается круги на воде, бросается за тенью дыма».

Переживанию динамизма способствует чрезвычайная насыщенность текста смыслами такого рода, как «нерациональность», «незаинтересованность практическими делами», «наивность». Главными смыслами фрагмента (а также метатекста) являются неуверенность, сомнение.

Таким образом, мы рассмотрели один из модусов метатекста, который имеет смысл «подчинения динамике словесного потока», «скованности». Метатекст персонифицирует себя в человеке, а в образе совмещаются две ипостаси: «я» и «метатекст».

Примечания

¹ Imaeva, E. Z. *Realist Texts and Texts of Implied Sense*. Saarbrücken, 2011. 101 p.

² Николаева, Т. М. О чем рассказывают нам тексты? М., 2012. 323 с.

³ Виноградов, В. В. О языке художественной прозы. М., 1980. С. 244.

⁴ Олеша, Ю. К. Избранное. М., 1983. С. 48.

⁵ Там же. С. 40.

⁶ Гумбольдт, В. О двойственном числе // Язык и философия культуры. М., 1985. С. 400.

⁷ Батищев, Г. С. *Деятельностная сущность человека как философский принцип* // Человек в социалистическом и буржуазном обществе : докл. и сообщения. М., 1966. С. 121.

⁸ Malamud, V. *A New Life*. N.-Y., 1998. P. 23.

⁹ Бахтин, М. М. *Собр. соч.* : в 5 т. Т. 5. М., 1997. С. 289.

¹⁰ Там же. С. 332.

¹¹ Толстая, Т. Н. *Река Оккервиль*. М., 2002. С. 48.

¹² Мелетинский, Е. М. *Герой волшебной сказки: происхождение образа*. М., 1958. С. 188.

¹³ Смирнов, И. П. От сказки к роману // *Труды отдела Древнерусской литературы*. Т. XXII. Л., 1972. С. 13.

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СТРУКТУРЫ ОБРАЗА РЕФЕРЕНТА В ТЕКСТЕ

Структура образа референта может быть представлена как организованная совокупность концептуальных категорий неязыкового и языкового характера. Анализ особенностей репрезентации данных категорий может быть осуществлен посредством обращения к текстовым номинациям (прямым и косвенным), которые означивают образ референта. Приведена структура референциальных, модальных и языковых категорий, формирующих образ референта номинаций.

Ключевые слова: языковые и неязыковые категории, прямая и косвенная номинации в тексте, образ референта.

Вопрос о категориальной сущности образа референта на настоящий момент представляется малоизученным, хотя данный вопрос рассматривался в логико-философских и логико-семантических концепциях. Слабостью перечисленных подходов является отсутствие единого основания для описания различных категориальных проявлений образа референта (вопрос ставился о наличии таких оснований либо в самом объекте, либо в сознании человека; также учитывались либо неязыковые основания, либо только языковые; не учитывалась роль бессознательного в организации категориальной структуры).

В рамках когнитивного подхода представляется возможным описать категориальную структуру образа референта на одних основаниях – концептуальных. Однако в этом случае мы сталкиваемся с проблемой выявления тех самых категорий, которые формируют структуру образа референта (нет гарантии, что мы описали все возможные типы категорий). Решить данную проблему мы считаем возможным с помощью обращения к анализу оппозиционных структур, таких, которые по-разному репрезентируют образы одного и того же референта. Сделать это можно, изучая многочисленные проявления, например, прямых и косвенных номинаций по отношению к одному референту в тексте.

В этом случае анализ приобретает системность, так как учитывает особенности репрезентации различных категорий при смене функции номинации в тексте. В задачи настоящего исследования входит выявление типов концептуальных категорий в структуре образа референта на основе анализа прямых и косвенных номинаций.

Основания категориального анализа

На основе проецирования сторон референта и концептуально-категориального осмысления данных проекций и возникают ментальные репрезентации референта, их организованную совокупность мы будем называть **образом референта**. Являясь результатом проекций сенсорного познания окружающего мира и будучи осмысленным в системе концептов и категорий, образ референта может быть представлен как концептуально-категориальная структура.

Формирование образа референта косвенной номинации происходит путем сложного взаимодействия концептуальных элементов на основе их принадлежности к некоторым категориям, под которыми мы вслед за Н. Н. Болдыревым понимаем «определенные рубрики опыта освоения мира и различного взаимодействия с ним» [1. С. 5]. При этом, как отмечает Е. С. Кубрякова, «предпосылки для категоризации всех вновь образуемых названий уже существуют» [2. С. 148–149]. То есть возможность означивания образа референта с помощью прямых и косвенных номинаций уже потенциально существует в его концептуально-категориальной структуре. Именно поэтому изучение косвенных номинаций играет весьма важную роль в разработке самой структуры образа референта, на основе выявления концептуально-категориальных репрезентаций референта мы можем описать его интегративную структуру.

Для современной когнитивной парадигмы характерно двойное понимание категоризации: в отдельных случаях как языковой, так и как неязыковой сущности. Неязыковые категории исследуются в большей степени в зарубежных когнитивных концепциях. Так, под категорией, например, Ж. Фоконье понимает один из ос-

новых типов отношений (наряду с аналогией, дизанalogией, частью-целым, причиной-следствием, пространством, временем, идентичностью, др.), означающее некоторую общность концептуальных свойств. [6. С. 94–102].

Неязыковое понимание категоризации постулируется и А. Э. Левицким, который вслед за С. Голдин-Медоу, Д. Л. Медином понимает процесс категоризации как «сегментацию и комбинацию, в результате их действия происходит объединение ментальных репрезентаций, которые стоят за познаваемым, в группы (т.е. в категории) открытого характера с последующим заполнением этих образований новыми сущностями» [4. С. 411]

Для отечественной лингвистики вопросы категоризации были всегда тесно связаны именно с аспектами языковой категоризации (напр., в работах Н. Д. Арутюновой, А. В. Бондарко, Е. В. Падучевой, О. К. Ирисхановой). Аспекты языковой категоризации рассматриваются во многих зарубежных логико-семантических работах (напр., в работах Д. Болингера, П. Вогеля, Б. Комри), а также в когнитивных концепциях (напр., в работах Д. А. Круза, У. Крофта, Р. Лэнккера, А. Вежбицки). В последние два десятилетия, однако, появилось большое количество когнитивных исследований, в которых рассматриваются и языковые, и неязыковые категории, при этом они рассматриваются в одной системе (напр., в работах Ю. С. Степанова, Н. Н. Болдырева, Е. В. Урысон, Е. В. Рахилиной, В. А. Виноградова, В. З. Демьянкова, Дж. Пустеджовски, Т. Гивона, Дж. Стина, В. Эванса). На наш взгляд, все же наиболее четкая схема для систематизации категорий в структуре образа референта представлена в работе В. И. Павилениса [5], согласно которой неязыковые и языковые категории образуют систему категорий первого и второго порядка.

Категориальная репрезентация образа референта

Итак, в нашем исследовании мы обратимся к двум обширным типам категорий: неязыковым и языковым (находящим свое воплощение в языке), репрезентирующим непрямым номинации в тексте.

Неязыковые категории мы склонны рассматривать вслед за Р. И. Павиленисом (так, он пишет о концептах, не нашедших своей «языковой привязки» [5. С. 279]) как категории первого порядка. Можно разграничить два типа неязыковых категорий: **референциальные** (репрезентирующие субъектно-объект-

ные сущности) и **модусные** (репрезентирующие воспринимаемые и проецируемые объектам и субъектам свойства и признаки, вслед за Н. Н. Болдыревым [2. С. 56]). **Языковые категории** мы рассмотрим как категории второго порядка, репрезентирующие один из семиотических способов отражения нашего опыта взаимодействия с действительностью. Языковые категории, реализующие референциальные и модальные категории в языке, являются категориями второго порядка и участвуют только на этапе языковой репрезентации.

Итак, при анализе категориальной сущности неязыковых номинаций мы обратимся к трем типам категорий: неязыковым – референциальным и модальным – и языковым.

Развивая понимание категоризации с позиций когнитивной лингвистики, к характеристикам категорий, репрезентирующим образ референта, мы относим следующие:

- категории репрезентируют структуру и содержание образа референта;

- категории репрезентируют образ референта в языке;

- категории могут быть двух типов: неязыковые (первичные, репрезентирующие образ референта с точки зрения его соотношения с другими референтами и с точки зрения сенсорной и когнитивной оценки его свойств) и языковые (вторичные, репрезентирующие образ референта с позиций уровневости языка и структуры уровня (лексического));

- категории имеют полевою структуру (с центральными и периферийными концептуальными элементами, репрезентирующими категорию);

- категории образуют иерархию, отношения в которой строятся по принципу субординации;

- категории могут совмещаться с другими категориями, формируя гибридные образования;

- категориальная структура образа референта в тексте формируется за счет фокусирования элементов неязыковых категорий (идентифицирующий и характеризующий фокусы).

Последовательно рассмотрим, как репрезентированы обозначенные категории в структуре образа референта на примере анализа оппозиций прямой – не прямой номинаций в тексте.

Структурная организация референциальных категорий

1. Субкатегоризация первого уровня. Деление всех образов референтов на **абстрактные и представленные объектами**.

На тарелке были выложены в ряд **три шпротинки** малькового возраста, которых окаймляли **несколько** фигурно рассыпанных консервированных **горошин**. Это блокадное **изобилие** дополнялось долькой бледного помидора, явно страдающего овощным малокровием [11. С. 159]. Кореферентная оппозиция прямой – непрямой номинаций реализована референциальной субкатегоризацией первого уровня (материальное – идеальное).

2. Субкатегоризация второго уровня. Деление всех живых объектов на неодоушевленные (растения) и одоушевленные.

Васкова никто из девушек не боялся, а **Рита** – меньше всех. Ну, бродит по разъезду **пенек** замшелый [7. С. 154]. **Непрямая номинация** исходного образа референта, заданного субкатегорией одоушевленного, реализуется субкатегорией неодоушевленного.

3. Субкатегоризация третьего уровня. Деление всех одоушевленных объектов на не-лица (животные) и лица (люди).

– Ужас какие Вы все положительные! Особенно ты, **Сергея**. Как был **карась-идеалист**, так и остался [9. С. 73].

Раза три **Федор** был у **Егора**: всех поразил своей деловитостью. «Да, – подумали в провинции, – эта **птица** может больно клюнуть» [15. С. 430].

4. Субкатегоризация четвертого уровня. Деление всех лиц на мужские и женские.

– Обязательно. – Командовал отделением? – Что, заметно? – Только не считай меня **бабой**... С тобой спокойнее. И чего я раньше молчал-то?.. **Карпов** пулей вылетел из общезжития [12. С. 126]

Структурная организация модусных категорий

1. Субкатегоризация первого уровня. Сенсорные субкатегории (модусы чувственного восприятия).

Пришел **длинноухий** к речке, а вода холодная... **Ослику** стало стыдно [14. С. 29].

2. Когнитивные категории (формируются на основе оценки результатов сенсорного познания объекта).

– Я объявляю голодовку, – торжественно произнес **Леха**.

<...> **Мама с папой** как ни в чем не бывало уселись за стол и принялись уписывать пирог. <...> **Леха** смотрел, как **садисты** на его глазах уплетают его любимое лакомство [10. С. 49].

Структурная организация языковых категорий

1. Лексические категории, организованные вокруг категории номинативности.

В комнату ввалились **Катя** и **Женьчик**. Ко мне и **Оле** эти **зубрилы** относились свысока [8. С. 224]. **Непрямая номинация** **зубрилы** демонстрирует результат гибридации категорий номинативности и событийности.

2. Категории других языковых уровней, организованные вокруг категории номинативности.

Скажи **Жулябьеву**, чтоб за **девками** из нашей группы не ухлестывал. А то сделаем **бобо**. [13. С. 20]. Здесь мы фиксируем результат гибридации лексических и фонетико-фонологических категорий.

3. Функциональные категории темы и ремы.

И вот этот, прямо сказать, **тунядец** и **отщепенец**, всю жизнь лишь уклонявшийся от служебной карьеры, наваливается со своей биографией. [16. С. 71–72] **Непрямая номинация** находится в реме высказывания.

4. Текстовые категории метатекста, интекста и интертекста.

Метапозиция: **Крепкий мужик** [15. С. 80] задает некоторую исходную структуру образа референта.

Таким образом, на основе анализа оппозиционных структур образов референта прямой и непрямой номинации мы выявили те типы категорий, которые формируют единую категориальную структуру образа референта.

Данная структура репрезентации образа референта может быть использована для последующего выявления особенностей категориальной репрезентации различных образов, означенных в языке номинациями и номинативными сочетаниями.

Список литературы

1. Болдырев, Н. Н. Концептуализация функции отрицания как основа формирования категории // Вопр. когнитив. лингвистики. Вып. 1. Тамбов, 2011. С. 5–14.

2. Болдырев, Н. Н. Когнитивная лингвистика в России: от частных исследований к общей теории языка // Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы : материалы Всерос. науч. конф., 11–12 апреля 2013 г. / отв. ред. Л. А. Фурс. М., 2013. С. 52–60.

3. Кубрякова, Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988. С. 141–172.

4. Левицкий, А. Э. Между нет и да: проблемы когнитии и коммуникации // Логический анализ языка. Ассерция и негация / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2009. С. 411–423.

5. Павиленис, Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М., 1983. 286 с.

6. Fauconnier, G. The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities / G. Fauconnier, M. Turner. N.-Y., 2002. 440 p.

Источники примеров

7. Васильев, Б. А зори здесь тихие. М., 2005.

8. Гераскина, Л. В стране невыученных уроков // Сказочные повести. М., 1993. С. 213–300.

9. Гранин, Д. Иду на грозу. СПб., 2009. 514 с.

10. Крюкова, Т. Потапов, двойка! М., 2013. 250 с.

11. Поляков, Ю. Гипсовый трубач, или Конец фильма. М., 2008. 384 с.

12. Прошкин, Е. Эвакуация. М., 2003. 411 с.

13. Трифонов, Ю. Дом на набережной. М., 2008. 221 с.

14. Цыферов, Г. Маленькие сказки. М., 2009. 62 с.

15. Шукшин, В. Как зайка летал на воздушных шарах // Крепкий мужик. Рассказы. М., 2009. С. 421–439.

16. Терц, А. Прогулки с Пушкиным. М., 2005. 112 с.

К. В. Кууру

SEO-КОПИРАЙТИНГ КАК ТЕХНОЛОГИЯ СОЗДАНИЯ ТЕКСТОВ ДЛЯ САЙТОВ СПОРТИВНЫХ КЛУБОВ

Рассматривается содержание технологии SEO-копирайтинга в процессе создания контента сайтов спортивных клубов. Определяется понятие SEO-копирайтинга, рассматриваются его особенности, требования к тексту, приводится алгоритм SEO-процесса.

Ключевые слова: *копирайтинг, SEO-копирайтинг, интернет-коммуникации, технология рекламы, рекламный текст.*

Человек социальный, ставший в XX в. человеком медийным, homo mediatus, по мнению Е. Л. Варгановой, в XXI в., с развитием Интернета, обретает принципиально новые характеристики, становится человеком Интернета, homo i-mediatus¹.

Современные исследования сети Интернет отражают переход от изучения количественных параметров к качественному их осмыслению. В частности, предложен переход от рассмотрения Интернета как киберпространства к этнологическим исследованиям. Несомненно, значимость для социологических изысканий антропологической традиции вносит элемент концептуальной новизны, однако пока исследование Интернета в ракурсе цифровой этнологии (англ. digital ethnology) воспринимается скорее как метафора, поскольку исследования виртуальных пользователей требует формирования специфических подходов².

В современных условиях, наряду с традиционными методами работы в области связей с общественностью, все большее значение приобретают технологии, основанные на использовании возможностей, предоставленных глобальной сетью Интернет. Интернет с точки зрения специалиста по связям с общественностью в первую очередь следует рассматривать как новый канал коммуникации. Как известно, все коммуникационные каналы делятся на две большие группы: естественные (невербальные и вербальные) и искусственные (документальные и электронные). Интернет принадлежит к разряду искусственных электронных каналов коммуникации³.

Вся медиа-система в нашем обществе создана для того, чтобы человек мог получить полноценные свежие новости в максимально короткое время. Здесь необходимо ввести понятие «сюжетирование», которое формирует культуру долгого чтения в сети, ненавязчиво

заставляет человека прочитать новость или статью до конца. Разработка понятной и удобной системы сюжетирования на сайте является главным условием удобства навигации по нему пользователя, улучшает маркетинговые показатели, а также заставляет пользователя провести на сайте больше времени.

По мнению М. М. Лукиной «сюжет» в Интернет-СМИ – организационный раздел сайта, объединяющий в себе весь контент издания по одной теме и представляющий логическое развитие события или явления. Менее формальное определение сюжета – полноценная история, рассказанная заголовками⁴.

Нужно отметить, что спортивные веб-сайты входят в число наиболее посещаемых ресурсов Интернета. Это подтвердил пример созданного IBM официального сайта Уимблдонского турнира 1998 г. Во время его проведения на сайте было зарегистрировано 106 млн просмотров⁵.

Другое преимущество спортивных веб-сайтов заключается в том, что зрители определенной спортивной программы часто посещают сайты, упомянутые комментаторами во время соревнований.

Явным и существенным преимуществом Интернета является уровень и разнообразие контента. Он включает множество элементов – от простой текстовой информации до возможности демонстрировать в прямом эфире радио- и телепередачи. Все это позволяет спортивным организациям поддерживать и развивать базу клиентов множеством разнообразных методов. При этом Интернет используется как рекламный канал, инструмент продвижения, средство доступа к максимально широкой аудитории.

Дж. Бич и С. Чедвик изучили присутствие английских футбольных клубов в Интернете и разработали схему эффективности такого присутствия. Авторы выявляют основные характеристики, необходимые футбольным клубам, в

том числе продажи, информацию, продвижение, коммуникации, сбор данных и дизайн. Эти характеристики учитываются при определении главных компонентов веб-сайтов спортивных организаций. Наиболее важным аспектом, требующим тщательной проработки, является назначение сайта⁶.

Многие потребители спортивного продукта демонстрируют высокую степень лояльности и готовность потреблять продукт, поддерживая любимый клуб или ассоциацию. Возможности увеличивать продажи и обновлять данные о таких потребителях расширяются с развитием онлайн-технологий, позволяющих сохранять данные и использовать их для поддержки функций спортивной организации. Если потребители регистрируются на спортивном сайте, появляется возможность создания подробной базы данных клиентов с немедленным доступом для спортивной организации.

Однако чтобы о том или ином спортивном ресурсе знали и пользовались им, необходимо как минимум находиться в первой десятке при выдаче определенного запроса. Для этого мы вводим понятие SEO-копирайтинга, так как именно он позволяет занимать тому или иному сайту определенные позиции в поисковой выдаче. С помощью SEO-копирайтинга сайт может превратиться в эффективный инструмент маркетинга, объединив в себе правильно изложенную, достоверную информацию. Здесь не последнюю роль играет дизайн и контент, работающие на положительный имидж. Для начала рассмотрим такой термин как копирайтинг, от которого собственно и произошел термин SEO-копирайтинг.

Слово «копирайтинг» обозначает искусство написания эффективных продающих текстов. Данное сложносоставное слово буквально переводится как «написание продающих сообщений», в точном же переводе оно означает «искусство написания продающих текстов». То есть это искусство создания письменных материалов, задачей которых является обеспечение продаж тех или иных товаров и услуг посредством печатного текста⁷.

Можно выделить две основные сферы, где копирайтинг находит наиболее полное свое применение:

– сфера оффлайн-отношений, которая включает комплекс заказных и рекламных материалов, отзывов, неймов и так далее, которые распространяются посредством традиционных печатных средств массовой информации, а также иных медиа;

– сфера онлайн-отношений, предполагающая использование возможностей Интернета (блогосфера, работа с каталогами и отзывами).

Поэтому наряду с традиционным копирайтингом в настоящее время все большее развитие получает технология SEO-копирайтинга, которая связана с правильным выстраиванием контента на сетевых ресурсах.

П. А. Кузнецов дает следующее определение данному термину: «**Search engine optimization (SEO)**, или поисковая оптимизация, представляет собой комплекс действий, направленных на формирование максимальной релевантности (соответствия) текстов поисковым запросам пользователей». Основной задачей SEO-копирайтинга, по мнению П. А. Кузнецова, является повышение рейтинга сайта в результате выдачи поисковых машин при осуществлении поиска по целевым ключевым запросам⁸.

В книге «Основы контентной оптимизации» Н. В. Евдокимов понимает под SEO-копирайтингом определенную технику создания и редактирования текстов для веб-сайтов таким образом, чтобы, во-первых, пользователь мог легко прочитать и понять текст, и во-вторых, чтобы при этом текст содержал необходимые для продвижения в поисковых системах ключевые слова в нужных местах и в необходимых пропорциях⁹.

Таким образом, в качестве основополагающей цели деятельности SEO-копирайтера выступает увеличение релевантности сетевого ресурса в глазах поисковых систем по продвижаемому ключевым запросам. Благодаря этому происходит повышение позиций сайта в отображаемых результатах поиска.

Принцип действия SEO-текста достаточно прост. Поисковая система ищет соответствия ключевым словам запроса в том перечне сайтов, которые она индексирует. И в первых строчках поиска выдаются те ссылки, которые в максимальной степени соответствуют сделанному запросу.

П. А. Кузнецов в книге «Копирайтинг и спичрайтинг. Эффективные рекламные и PR-технологии» выделяет следующие требования к SEO-тексту:

1) текст должен быть уникальным и оригинальным;

2) текст должен быть написан грамотно, профессионально и терять за большим количеством ключевых слов актуальности к информативности;

3) реклама в SEO-тексте должна быть скрыта или тщательно замаскирована;

4) недопустимо излишнее цитирование в форме гиперссылок, необходимо учитывать плотность ключевых слов (главные ключевые слова должны иметь необходимую частоту для лучшего ранжирования в поисковых системах);

5) каждая отдельная страница сетевого ресурса должна быть оптимизирована под определенный набор ключевых слов;

6) необходимо грамотно употреблять структурную разметку¹⁰.

Важно также учитывать, что SEO-копирайтинг направлен не на то, чтобы продать какой-либо товар или услугу. SEO-тексты пишутся, прежде всего, под поисковые системы, чтобы привести клиента на тот или иной сайт. Таким образом, маркетинговая составляющая в SEO-копирайтинге уходит на второй план.

Виды SEO-копирайтинга аналогичны основным видам текстов, которые размещаются на сайтах в сети. Это могут быть аналитические, научные статьи, информационные, новостные сообщения, рекламные тексты, а также художественная литература.

Далее нам необходимо выделить требования, которым должен соответствовать текст, способный привлечь трафик на сайт. Для удобства разобьем эти требования на две группы: требования, связанные с восприятием текста людьми, и требования, связанные с SEO-оптимизацией.

К первой группе можно отнести следующие требования качества SEO-копирайтинга: грамотность, оригинальность, художественные качества, убедительность, соответствие теме сайта, степень раскрытия заявленной темы, степень соответствия статьи запросам пользователя и ее актуальность, компетентность автора в рассматриваемом вопросе, четкая смысловая структура текста, ненавязчивость ключевых слов и органичность их вписывания в текст.

Вторая группа требований состоит из следующих: грамотный подбор ключевых слов, четкая многоуровневая структура текста, организованная с помощью заголовков, грамотное распределение ключевых слов по тексту и заголовкам. Степень соответствия этим требованиям создаваемого текста коренным образом влияет на его позиции в поисковой выдаче.

Рассмотрим все шаги SEO-процесса. Определение темы – это начало процесса SEO-

копирайтинга. Прежде всего, необходимо четко определить тему, на которую будем писать. При выборе темы нужно учитывать ее актуальность.

На этапе выбора темы важно определиться с подбором ключевых слов или фраз, под которые будет проводиться SEO-оптимизация создаваемого текста. От правильного выбора ключевых слов зависит многое. Для правильного подбора ключей необходимо прибегнуть к статистическим сервисам Google или Яндекс: у этих поисковых систем есть инструменты, которые сообщают, по каким ключевым словам, сколько в среднем делается запросов в месяц. Google предоставляет подобный инструмент в своем сервисе AdWords, Яндекс – в Статистике ключевых слов. Все, что нужно сделать – набрать в поле слово или фразу, под которые необходимо оптимизировать страницу, и посмотреть, сколько запросов делается по этому ключу.

После того как тема и ключевые слова полностью определены, необходимо составить план будущего произведения. Мысль должна развиваться, вести за собой читателя, открывая ему все новые нюансы и оттенки рассматриваемой темы. Для того чтобы добиться такого эффекта, нужно структурировать текст – иными словами, составить план изложения и раскрытия темы. Например, можно использовать стандартную смысловую схему: введение, основная часть и заключение.

Желательно, чтобы текст имел многоуровневую структуру заголовков. Связано это с тем, что, подобно людям, поисковые машины в первую очередь обращают внимание на заголовки, подзаголовки, и только потом исследуют сам текст. Заголовки – это структурообразующий инструмент, играющий важнейшую роль при анализе страницы поисковыми машинами.

Следующий этап SEO-оптимизации, который выполняется одновременно с написанием самого текста, – распределение выбранных ключевых слов по статье. Наиболее приемлемым будет содержание ключевых фраз в диапазоне от 4 до 6 % общего текста страницы. Но эти цифры не фиксированные.

Самое важное в SEO-копирайтинге – понимание того, что создаваемый текст должен иметь последовательное логическое развитие, а не содержать бесконечные повторения одной и той же мысли на разные лады.

В качестве примера рассмотрим применение технологии SEO-копирайтинга для созда-

ния текстов для сайта гандбольного клуба «Локомотив».

Для начала необходимо составить семантическое ядро для сайта клуба. При проведении аудита было выяснено, что сайт уже появляется в выдаче поисковой системы Яндекс по следующим запросам: «клуб локомотив», «гандбол Челябинск», «гандбольный клуб», «локомотив гандбол». Однако стоит оговориться, что данные слова являются низкочастотными. Нам же для повышения посещаемости сайта необходимо сделать упор на более высокочастотные запросы. Воспользуемся сервисом Яндекса – статистикой ключевых слов. Ниже представлено семантическое ядро для продвижения сайта гандбольного клуба «Локомотив» (табл. 1).

Таблица 1

Семантическое ядро для продвижения сайта гандбольного клуба «Локомотив»

Запрос	Частотность
Спортивный клуб	1551
Гандбол	861
Спортивные клубы Челябинска	477
Локомотив сайт	111
Клуб локомотив	86
Гандбол Челябинск	64
Гандбольный клуб	63
Спортивно-оздоровительный клуб	59
Локомотив гандбол	50
Локомотив состав	50
Уставы спортивных клубов	19
Деятельность спортивного клуба	12
Физкультурно-спортивный клуб	12
Организация спортивного клуба	10
ИТОГО	3425

Таким образом, частотность семантического ядра составила 3425. Разобьем семантическое ядро на несколько групп для удобного распределения слов по текстам. Первая группа будет включать высокочастотные запросы и размещена на главной странице. Вторая и третья группы содержат средне- и низкочастотные запросы и будут распределены по двум статьям.

Далее создаем уникальный контент с включением необходимых нам запросов.

Для начала нам нужно определиться с группами слов, количеством текстов, а также определиться с местом размещения текстов на сайте. Ниже представлено соответственно распределение ключевых слов по целевым страницам (табл. 2, 3, 4).

Таблица 2

Запросы на главную страницу

Запрос	Частотность	URL
Спортивный клуб	1551	http://www.locohandball.ru/
Гандбол	861	http://www.locohandball.ru/
Спортивные клубы Челябинска	477	http://www.locohandball.ru/
Гандбол Челябинск	64	http://www.locohandball.ru/
Гандбольный клуб	63	http://www.locohandball.ru/

Таблица 3

Запросы в раздел «О клубе»

Запрос	Частотность	URL
Локомотив сайт	111	http://www.locohandball.ru/about_club/
Клуб локомотив	86	http://www.locohandball.ru/about_club/
Спортивно-оздоровительный клуб	59	http://www.locohandball.ru/about_club/
Локомотив гандбол	50	http://www.locohandball.ru/about_club/
Локомотив состав	50	http://www.locohandball.ru/about_club/

Таблица 4

Запросы в раздел «Информация»

Запрос	Частотность	URL
Уставы спортивных клубов	19	http://www.locohandball.ru/informatsija/
Деятельность спортивного клуба	12	http://www.locohandball.ru/informatsija/
Физкультурно-спортивный клуб	12	http://www.locohandball.ru/informatsija/
Организация спортивного клуба	10	http://www.locohandball.ru/informatsija/

Для продвижения сайта ГК «Локомотив» выберем стратегию продвижения главной страницы. Выбор данной стратегии объясняется тем, что мы имеем сайт узконаправленной тематики, кроме того, сайт обладает низкой по-

сещаемостью и низкими позициями в выдаче, следовательно, тут необходимо использовать высокочастотные запросы для вывода сайта.

После составления семантического ядра и группировки ключевых слов разрабатываются три SEO-статьи, которые будут отвечать следующим требованиям: уникальность статьи должна составлять больше 80 %, объем статьи должен составлять 1000–2500 знаков, и статья должна содержать выбранные нами ключевые слова.

Первый текст – общая информация на главную страницу о спортивном клубе. Статья должна содержать пять ключевых слов: «Спортивный клуб», «Гандбол», «Спортивные клубы Челябинска», «Гандбол Челябинск», «Гандбольный клуб».

Второй текст – общая информация о ГК «Локомотив», история клуба, интересные факты. Статья должна содержать семь ключевых слов: «Локомотив сайт», «Клуб локомотив», «Спортивно-оздоровительный клуб», «Локомотив гандбол», «Локомотив состав», «Спортивный клуб фото», «Локомотив официальный сайт».

Последняя статья будет носить информационный характер – содержать информацию об уставе клуба, организации деятельности и так далее. В текст должны быть включены слова: «Уставы спортивных клубов», «Деятельность спортивного клуба», «Физкультурно-спортивный клуб», «Организация спортивного клуба».

Кроме этого, необходимо прописать правильные метатеги для целевых страниц. Правильными метатегами считаются: **Title** с указанием ключевого слова в начале и указанием региона (Челябинск), метатег **Description** считается эффективным, если в его описание включен номер городского телефона. Это не только оказывает положительное влияние при индексации сайтов поисковыми системами, но и внушает доверие пользователю. Метатег **Keywords** должен содержать ключевые слова, не дублированные между собой и без знаков препинания.

Таким образом, для главной страницы: **Title** – Спортивный клуб Локомотив в Челябинске; **Description** – Спортивный клуб по гандболу в Челябинске Локомотив. По всем интересующим вопросам звоните по телефонам: +7(951)-77-131-77, +7(912)-77-97-253; **Keywords** – спортивный клуб гандбол Челябинск гандбольный.

Для страницы «О клубе»: **Title** – Клуб Локомотив в Челябинске; **Description** – Спортивно-оздоровительный клуб Локомотив по гандболу в Челябинске. По всем интересующим вопросам звоните по телефонам: +7(951)-77-

131-77, +7(912)-77-97-253; **Keywords** – локомотив сайт клуб спортивно-оздоровительный гандбол состав.

Для страницы в разделе «Информация»: **Title** – Гандбольный клуб Локомотив в Челябинске; **Description** – Гандбольный клуб Локомотив в Челябинске. По всем интересующим вопросам звоните по телефонам: +7(951)-77-131-77, +7(912)-77-97-253; **Keywords** – устав спортивных клубов деятельность физкультурно-спортивный клуб организация. Тут важно отметить, что для лучшего индексирования необходимо указывать номер городского телефона.

Итак, для продвижения сайта гандбольного клуба «Локомотив» потребовалось разделить процесс на несколько этапов.

Во-первых, анализ ситуации – аудит сайта, оценка посещаемости сайта до продвижения.

Во-вторых, подбор семантического ядра с общей частотностью 3425, что должно привести к увеличению посещаемости примерно до 600–700 человек в месяц.

В-третьих, написание трех SEO-статей с наполнением их ключевыми словами и размещением их на сайте.

Таким образом, применение технологии SEO-копирайтинга для создания контента позволяет эффективно продвигать в интернете сайты спортивных организаций.

Примечания

¹ Вартанова, Е. Л. Национальные модели информационного общества / Е. Л. Вартанова, Н. В. Ткачева. М., 2004. С. 16.

² Шилина, М.Г. Интернет-коммуникация в связях с общественностью. М., 2011. С. 15.

³ Викентьев, И. Л. Приемы рекламы и Public Relations. М., 2004. С. 17.

⁴ Лукина, М. М. Интернет-СМИ. Теория и практика. М., 2010. С. 14.

⁵ Все о рекламе, маркетинге и PR [Электронный ресурс]. URL: <http://advertology.ru>.

⁶ Лаборатория рекламы, маркетинга и PR [Электронный ресурс]. URL: <http://advlab.ru>.

⁷ PR-онлайн [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pronline.ru>.

⁸ Кузнецов, П. А. Копирайтинг и спичрайтинг. Эффективные рекламные и PR-технологии. С. 138.

⁹ Евдокимов, Н. В. Основы контентной оптимизации. М., 2007. 154 с.

¹⁰ Кузнецов, П. А. Копирайтинг и спичрайтинг... С. 139.

Н. Н. Костина

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ПРАВА ЧЕЛОВЕКА» В ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ

*Scire leges non hoc est verba earum tenere,
sed vim et potestatem¹*

Рассматривается реализация понятия «права человека» в правовом дискурсе средствами английского языка с учетом особенностей историко-культурного развития британского общества. На лексическом уровне определяется роль языковых механизмов и дополнительных лингвистических факторов в процессе аббревиации, а также анализируется влияние латинского языка на тезаурус правового дискурса.

Ключевые слова: *понятие «права человека», аббревиатуры, процессы аббревиации, правовой дискурс, правовой текст.*

В последние десятилетия в нашей жизни появилось множество новых политических, экономических и правовых реалий, которые требуют своего изучения.

Введение в общественную среду новых ценностных ориентиров привело к радикальной индивидуализации социума, резкой дифференциации общества, утверждению и культивированию автономности личности.

Язык как основное средство коммуникации становится средством выражения отношения к реалиям нового общества, средой оперирования отношениями. Как известно, для реализации своих функций юриспруденция пользуется как правовым, так и общелитературным языками. Однако, кроме слова, предметом внимания юристов стали смысловые отношения в тексте, языковые предпочтения, диссонанс смыслов написанного и понятого. И, как результат, лингвистическая некорректность формулировок закона приводит к невосприимчивости населения соответствующих деяний как преступных.

Правовой дискурс наряду с политическим, экономическим, феминистским и другими дискурсами является разновидностью институционального дискурса. Реализация разных типов дискурсов происходит в коммуникативных ситуациях в различных сферах человеческой деятельности. В последние годы были получены некоторые интересные результаты в исследовании возможных ментальных миров, составляющих семантическую основу разных типов дискурсов. Был введен ряд соответствующих терминов, например, дискурс на каком-либо языке, в частности, английский дискурс, мужской/ женский дискурс, вежливый дискурс,

аргументативный дискурс, правовой дискурс, художественный дискурс, лирический дискурс и т. п. Таким образом, все вербальное и невербальное поведение человека организовано через репертуар различных видов дискурса (правовой дискурс не является исключением).

Правовой дискурс – это текст права в динамике, в процессе толкования и разъяснения. Дискурс – это понятие, которое не следует путать ни с эмпирической речью, производимой субъектом, ни с текстом.

Текст правовых документов – главная составляющая правового дискурса. В работе он понимается как комплекс всех текстов права. Текст выполняет не только информационно-воздействующую функцию, но и раскрывает социально-прагматическую позицию автора текста. Участниками правового дискурса являются, с одной стороны, автор (профессионал-юрист, правоведа) и, с другой стороны, реципиент. Первый создает информационное сообщение, выражая суть права, второй воспринимает и интерпретирует сообщение.

Правовой текст имеет черты сходства как с научным текстом, так и с текстом инструкции, поскольку выполняет и познавательные, и предписывающие функции. Такое коммуникативное задание имеют законы, а также все подзаконные акты. Они регулируют отношения людей в обществе в рамках одной страны.

Источником правовых текстов являются профессионалы-юристы, правоведа, которые порождают эти тексты с учетом особенностей устройства общества. Но какими бы ни были законы по содержанию, по своим типологическим признакам они как тексты достаточно однородны. Комплекс средств, характерный для

правового текста, обеспечивает полноценную передачу информации реципиенту, то есть любому взрослому гражданину страны. Однако гражданину страны для понимания (толкования) любого закона требуется помощь специалиста.

Правовой текст представляет особую правовую терминологическую систему. Когнитивно-деривационная и социальная сущность правовой лексики выражается в ее способности формировать понятийно-смысловые блоки, компоненты которых могут классифицироваться по определенным моделям. Когнитивную информацию несут в первую очередь – правовые термины, но некоторая доля их известна не только специалистам-правоведам, но и всякому носителю языка, так как область их применения выходит за рамки правового текста. Правовые термины обладают всеми характеристиками терминов – однозначностью, отсутствием эмоциональной окраски, независимостью от контекста, например: *ha (heir apparent)* – прямой наследник, *Indm. (indemnity)* – возмещение, компенсация, *J (justice)* – правосудие, *jud (judgement)* – приговор, *leg (legislation)* – законодательство, *PC (Practice Cases)* – судебная практика, *PCDR (procedure)* – процедура, *prac (practitioner)* – практикующий юрист, *O.R. (official referee)* – официальный третейский судья и др.²

В правовой терминсистеме существует специальное распределение структурно-понятийных, деривационных, лексических единиц и функциональных параметров, которые обладают особыми признаками и закономерностями, значимыми для сфер правовой деятельности, в которых они функционируют.

В текстах используются также аббревиатуры, характерные для правового языка: *CP (Code of Procedure)* – гражданский процессуальный кодекс, *D/P (documents against presentation)* – документы против предъявления, *Fed. R. Civ. P. (Federal Rules of Civil Procedure)* – федеральные правила гражданского судопроизводства, *MTD (motion to dissolve)* – ходатайство о прекращении дела, *Reg. Jud. (Registrum Judicale)* – реестр судебных приказов, что определяется специфической направленностью тематики².

Компрессивность свойственна правовому тексту. Для него характерны аббревиатуры, скобки и цифровые обозначения. Числительные, как правило, передаются словами.

Тематика текстов правового дискурса охватывает широкий спектр концептов права, как

то: *exor. (executor)* – судебный исполнитель, *pf (proof)* – доказательство, *plf, plff, plfff (plaintiff)* – истец, вина, *l (law)* – право, закон, *LC (Law Court)* – суд, *mtg. (mortgage)* – залог, *s. (suit)* – судебное дело, тяжба, процесс, *s. (successor)* – наследник, правопреемник, *S.C. (select cases)* – избранные дела, *Sol. (solicitor)* – правозаступник и др.²

Для полного понимания и правильного толкования текстов права необходимо подробнее остановиться на вопросах аббревиации в языке правового дискурса.

Принимая во внимание вышесказанное, рассмотрим понятие «права человека» в английском языке с учетом историко-культурного развития и особенностей британского общества.

Любой естественный язык представляет собой особую знаковую систему, хранящую и передающую информацию разного рода во времени и пространстве. Главное и существенное отличие языка состоит в том, что он является первичной знаковой системой, той системой, которая представляет собой основу человеческого сознания. Его формирование происходит средствами естественного языка. Осваивая язык, человек приобретает способность к общению, умозаключению, мышлению.

Язык – это не только первичная, но и универсальная знаковая система.

Правовой язык, как и другие профессиональные языки, коренным образом отличается от языка общего употребления. Он имеет свои лексические и грамматические особенности. К таким особенностям относятся большая насыщенность юридически маркированной лексикой, основную часть которой составляют правовые термины; наличие в письменной и устной речи на правовые темы особых аббревиатур с осложненной семантикой. Например, *EYBA (European Young Bar Association)* – европейская ассоциация молодых юристов; *corp (copyright)* – авторское право и так далее.

Право представляет собой явление intersубъективное, результат непрерывного человеческого общения, получающего правовое значение при интерпретации институционализированных правовых текстов как устанавливающих права и обязанности субъектов социального взаимодействия. Поэтому право невозможно понять, как в целом, так и в теоретических формах его выражения, вне социокультурного контекста, а, следовательно, вне истории.

Каждый новый поворот в историческом развитии государства и права приводит к языко-

вой «перестройке», создает свой тезаурус. Так, например, с появлением новых организаций появляются новые аббревиатуры: *RCMP (Royal Canadian Mounted Police)* и секретные службы завели на 800 000 канадских граждан (население Канады всего 30 млн) и осуществляли секретное наблюдение за тысячами организаций, включая церковные и женские группы. В течение трех десятилетий «монтис» (прозвище RCMP) шпионили за Томми Дугласом, уважаемым канадцами за его роль в создании системы всеобщего здравоохранения, даже тогда, когда Дуглас был лидером Новой демократической партии и членом парламента³.

Аббревиатурные единицы являются ключом к пониманию правовых моментов деятельности человека, они отражают и регулируют жизнь человека, являются свидетельствами правовых особенностей определенного социума. Для лексики, «обслуживающей» правовой аспект деятельности человека, характерны конвенционализм, семантическая точность, терминологичность. При этом язык чутко реагирует на экстралингвистические изменения и создает новые языковые единицы.

Например, одной из проблем, упомянутых в докладе Госдепартамента США о положении с правами человека в мире, является дискриминация ЛГБТ – сообщества. *ЛГБТ* (Лесбиянки, Гомосексуалы, Бисексуалы. Трансгендеры)⁴.

Обзор литературы по данному вопросу показал, что до настоящего времени существуют расхождения во взглядах лингвистов на природу процесса аббревиации, его результатов, причинах и условиях образования аббревиатур.

Большинство исследователей солидарны во мнении о том, что аббревиация как способ словообразования представляет сложное явление, уходящее своими корнями в далекое прошлое.

Самой известной сакральной аббревиатурой можно назвать надпись на распятии *I.N.R.I.*, которая расшифровывается как *Iesus Nazarenus Rex Iudaeorum* (Иисус из Назарета Царь Иудейский) и о которой сообщается в Библии. В кликальной сфере аббревиатуры могли служить также в качестве мнемонических «шпаргалок», необходимых для запоминания информации большого объема. Например, латинская аббревиатура *SALIGIA* включала в себя первые буквы семи смертных грехов: *Superbia* – «гордость», *Avorita* – «жадность», *Luxuria* – «прелюбодеяние», *Invidia* – «зависть», *Gula* – «чревоугодие», *Ira* – «гнев», *Acedia* – «лень».

Актуальность данных понятий сохраняется на протяжении столетий, поскольку является «первым» сводом законов и правил поведения человека. Таким образом, экстралингвистические факторы играют весомую, а иногда и определяющую роль в возникновении и функционировании языковых единиц.

Следует, однако, подчеркнуть противоположное утверждение Х. Марчанда, будто «сокращение слов, как мы понимаем его сегодня, явление современное, неизвестное в предшествующий период»⁵, звучит неубедительно.

«Важно отметить, – пишет В. А. Беляева, – что истоки английской аббревиации – в латинском языке»⁶.

В качестве комментария к данному мнению мы считаем необходимым рассмотреть аббревиацию в Древнем Риме, поскольку английский язык содержит очень большое количество латинских сокращений правового дискурса, самые распространенные из которых – *(P.S. (post scriptum))* – «приписка»; *N.B. (nota bene)* – «особое внимание»; *i.e. (id est)* – «то есть»; *e.g. (exempli gratia)* – «например», *p.p. (per procurationem)* – «по договоренности».

В Древнем мире самой развитой правовой системой было римское право, юриспруденция Древнего Рима. Рецепция римского права стала важнейшей составной частью формирования в средневековой Европе правовой системы. Английское право развивалось автономным путем, связи с континентальной Европой оказали на него незначительное влияние. Рецепция римского права в Европе не затронула английское право, но нашла отражение в языке. Исторической датой становления английского права был 1066 г., когда нормандцы завоевали Англию. До этого периода было англосаксонское право, которое носило партикулярный характер, было сугубо местным. Общее право (*Common Law*) – это право, общее для всей Англии, где до этого периода действовали местные обычаи. Утверждение общего права свидетельствовало о централизации власти. С нормандским завоеванием постепенно сформировалась новая феодальная юрисдикция. Новая реальность потребовала обновления правовых реалий. Язык реагировал пополнением вокабуляра, правового в том числе, где важным источником обогащения словарного состава является аббревиация.

В истории английской аббревиации наглядно переплетаются лингвистические и исторические факторы. Тот исторический факт, что

Британия была долгое время частью Великой Римской Империи, нашел свое естественное отражение. Начало процесса сокращения слов относится к глубокой древности.

Уже в античности употребление сокращений определялось типом текста и типом потенциального реципиента: в художественном тексте и в текстах, рассчитанных на массового читателя, сокращенные слова встречались намного реже, чем в правовых и административных текстах или в частной переписке. С тех пор, как в употребление у древних греков и римлян вошли греческие и латинские буквы, появились настоящие сократительные знаки для слогов, двойных гласных и согласных. В древнегреческих рукописях встречается множество подобных знаков, отчасти перешедших и в печатные издания писателей. Поэтому уже в старинных древних грамматиках можно найти перечень наиболее употребительных аббревиатур.

В клерикальной сфере развилась своя собственная система сокращений: стоит только назвать аббревиатуры «*DDD*» – «*domini tres*» – «Святая Троица», «*SPM*» – «*spiritus*» – «Святой Дух», «*DS*» – «*deus*» – «Бог».

Помощник Цицерона, Марк Туллий Тирон, придумывал сокращения, некоторые из которых сохранились до наших дней. Например, & – «*et*» – «и»⁷.

Римляне в I в. до н. э. начали использовать особые «тиронианские» отметки, названные так в честь Марка Тулия Тиро, друга Цицерона. Тиро предположил, что использовать дорогие глиняные дощечки экономнее, и ввел сократительную систему для слов, суффиксов и префиксов. В дальнейшем на основе этих сократительных значков развилась техника стенографии. Древнеримские аббревиатуры, количество которых увеличивалось, перешли вместе с латынью и в средние века, где они встречаются в надписях и на монетах, а также и в грамотах, из которых они не исчезали до 16 в.

В средние века в текстах широко употреблялась аббревиатура *AD* – *Anno Domini* (в лето Господне) с указанием года; эта же аббревиатура высекалась на стене каменного дома в год его постройки.

Так, в латыни аббревиатура *SPQR/S.P.Q.R.* обозначала *Senatus populusque Romanus* (Сенат и народ римский) и являлась официальной формулой, знаменовавшей носителя высшей государственной власти в республи-

канском Риме: «... а когда здешние жители говорят о римлянах, они имеют в виду себя; у них до сих пор выписано S.P.Q.R. на газовых фонарях...»⁸.

Тенденция сокращать, которая наблюдалась в римской юриспруденции, была привнесена в английскую, и многие римские сокращения до сих пор используются в неизменном виде. Например: *in re* – «по делу, в деле».

Римские юристы, например, так часто прибегали к суспензии (то есть использовали начальные буквы слов), что были составлены специальные своды сокращений (*Notae iuris*), которые дошли до средневековья.

Метод контрактуры, то есть сокращение слова с помощью его начальных букв и окончания, греки использовали вначале для сокращенного написания так называемых *Nomina sacra* (священных имен) ср.: *ths* (*theos*) – «бог».

Римляне заимствовали эту систему и применяли ее и для обозначения обычных понятий: *frs* (*fratres*) – «брат», *gra* (*gratia*) – «благодарность». Условное обозначение сокращения (черта над аббревиатурой) сменила примерно в III в. н. э. обычную ранее точку. Единицы заимствовались также и из скорописи, ср.: *esse* – «быть» < *est* – «есть». Уже в позднем римском курсиве использовались почти все виды аббревиатур, которые в средние века получили дальнейшее распространение, в особенности в юридических, медицинских и богословских текстах.

Кроме того, достаточно длинные и громоздкие латинские фразы были сокращены до одного-двух значимых слов и в таком виде вошли в современные языки, в частности, английский. Основная сфера применения подобных сокращений – официальный стиль и юриспруденция, ср.: *ad prot* (*ad protocollum*) – «к занесению в протокол»; *int. al.* (*inter alia*) – «в числе прочего»; *s.l.* (*secundum legem*) – «в соответствии с законом».

Тенденции аббревиации Древнего Рима сохранились и широко используются в настоящее время в правовом дискурсе. В английском языке аббревиатуры отражают не только национально-культурные особенности, но и исторические факты, затрагивающие социально-политическое и правовое развитие общества и государства.

Влияние латинского языка на становление и развитие словарного состава английского языка широко известно, латынь вплоть до XIX столетия была международным языком

науки, техники, медицины, биологии, фармакологии. И в настоящее время латинские морфемы используются для создания новых научных и технических терминов. Особенно много латинизмов в языке права и юриспруденции.

Таким образом, аббревиация реализует не только семантические функции, но кумулятивную, а также участвует в создании новых единиц и формировании вокабуляра в целом и правового в частности.

Мы согласны с Е. Розеном в том, что «именно лексика осуществляет «связь времен», в ней можно обнаружить информацию о прежней материальной и духовной культуре общества – недавней или более отдаленной, или даже древней»⁹.

Вокабуляр Римского права является историческим источником для современного правового дискурса. Изучение специфического в аббревиации правового дискурса может быть только с учетом римского лингвоменталитета, поскольку именно римское право является исходным правовым документом для современных правовых понятий.

Процессы аббревиации определяют механизмы порождения, восприятия и хранения языковой информации.

Таким образом, права человека – это экстралингвистическое явление, характеризующее правовой статус человека по отношению к государству, это явление, имеющее свою семан-

тику, этимологию, историю и динамику развития, языковые средства реализации, вокабуляр, передающееся из поколения в поколение.

Примечания

¹ Знать законы – значит воспринимать не одни лишь их слова, но и их силу и могущество.

² См.: Скворцова, М. В. Англо-русский словарь сокращений. Бизнес, бланки, финансы, статистика, экономика, юриспруденция / М. В. Скворцова, С. А. Шевелева. М., 2004.

³ URL: <http://left.ru/2007/gowans157.phtml>.

⁴ URL: <http://www.svobodanews.ru>.

⁵ Marchand, H. The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation. A synchronic-diachronic approach. // Alabama Linguistic and Philological Series. Alabama, 1966. Vol. 13. P. 25.

⁶ Беляева, В. А. Сложносокращенные слова в лексико-графическом и когнитивном аспектах на материале русского и английского языков : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2003. С. 7.

⁷ The New Encyclopaedia Britannica. Vol. 1. 1994. P. 13–14.

⁸ Олдингтон, Р. Все люди – враги. М., 1959. С. 122.

⁹ Розен, Е. В. На пороге XXI в. Новые слова и словосочетания в немецком языке. М., 2000. С. 5.

Е. С. Куприянова

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ МОТИВ ПЕРВОТВОРЕНИЯ В ОЛОНХО «АЛААТЫР АЛА ТУЙГУН» Н. И. СТЕПАНОВА (НООРОЙ)

Рассматривается мотив первотворения в олонхо «Алаатыр Ала Туйгун» сказителя Н. И. Степанова (Ноорой) в его связи с мифом. В якутском эпосе мифология переосмысливается и получает новую, художественную трактовку. Мотив первотворения демонстрирует тесную связь с мифологическими представлениями древних якутов.

Ключевые слова: олонхо, сюжет, мотив, миф, образ мирового древа.

Якутский героический эпос уникален и своеобразен по архаичности своего содержания, богатству языка, по композиционным особенностям. Олонхо стали предметом исследования многих ученых, которые изучали их генезис, символику, особенности сюжетообразования, структуру и композицию, систему поэтики, а также систему персонажей.

Однако богатейшие материалы олонхо требуют дальнейшего изучения, исследования с разных позиций, с разных точек зрения, с учетом фактора развития современного общества, появления концепций и теорий.

В статье продолжается линия современных эпических исследований, ставящая во главу угла вопросы воплощения в нем одного из основных мотивов – первотворения. Ее основное содержание составляет рассмотрение этого мотива эпоса в его связи с мифологией (по терминологии В. Я. Проппа – с «этнографическим субстратом»).

Интерес к изучению якутского эпоса в его отношении к другим эпическим памятникам мировой литературы нашел отражение в многочисленных исследованиях российских и зарубежных ученых. В отечественном эпосоведении сопоставительным изучением эпосов, относящихся к различным историческим типам, занимались такие выдающиеся исследователи, как А. Н. Веселовский, В. М. Жирмунский, В. Я. Пропп, Е. М. Мелетинский, Б. Н. Путилов. Их труды соединяли в себе различные научные подходы, школы и направления. Так, Е. М. Мелетинский, занимаясь изучением героического эпоса, уделял внимание мифу и сказке разных народов мира. В. Я. Пропп, исследуя русский фольклор в сравнении с фольклором других народов, установил его тесные связи с мифом и ритуалом. Незаменимой для данного исследования является разработанная Б. Н. Путиловым методология историко-типо-

логического и сравнительно-исторического исследования фольклора, которую он применил к изучению, в частности, южнославянского и русского эпосов.

По Веселовскому, мотив – «простейшая повествовательная единица», элементарная и далее неразложимая «клетка» сюжета, которая является семантически целостной. Например: борьба братьев за наследство, бой за невесту, похищение солнца. Силантьев И. В. поясняет это так: «мотив подобен слову, произвольному распаду которого на морфемы также препятствует семантическое единство его значения» [5. С. 17]. **Мотив понимается как слагаемое, составляющее сложную формулу сюжета.**

Источником нашего исследования является рукопись олонхо Н. И. Степанова (Ноорой) «Алаатыр Ала Туйгун», хранящаяся в Архиве ЯНЦ СО РАН (Ф. 5, оп. 7, ед. хр. 88, 89, 113). В статье приведены собственные переводы эпических отрывков на русский язык.

Николай Иванович Степанов (Ноорой) (1897–1975) был известным в Мегино-Кангаласском улусе (тогда районе – прим. авт.) сказителем. В Архиве ЯНЦ СО РАН хранятся рукописи пяти записанных от него олонхо: «Күн Эрили» (Ф. 5, оп. 7, ед. хр. 150), «Оҕо Ньургун Бухатыр» (Ф. 5, оп. 7, ед. хр. 74), «Бэриэт Бэргэн» (Ф. 5, оп. 7, ед. хр. 18), «Алаатыр Ала Туйгун» (Ф. 5, оп. 7, ед. хр. 88, 89, 113), «Буурҕа хара аттаах Улдьаа Боотур» (Ф. 5, оп. 7, ед. хр. 152). Два олонхо «Күн Эрили» и «Оҕо Ньургун» были изданы. Подготовку текстов к печати осуществил научный сотрудник ИГиИПМНС СО РАН П. Н. Дмитриев.

Первая рукопись эпоса «Алаатыр Ала Туйгун» в 150 листов датирована 1939–40 гг. Записал текст собиратель Степанов Д. Д. Вторая рукопись датирована 1944 г. Записал текст кинриллицей в 108 листов Лопатин Н. Н. Третья рукопись – краткое содержание эпоса – дати-

рована 1952 г. Запись произведена Новгородовой А. Л.

Целью исследования является анализ одного из основных эпических мотивов олонхо «Алаатыыр Ала Туйгун» – первотворения – в его связи с мифом.

Олонхо «Алаатыыр Ала Туйгун» Н. И. Степанова (Ноорой) начинается с блока, в который последовательно входит ряд мотивов: время образования Среднего мира, описание роста изначальной матери-земли, сотворение природы, описание *алааса*, богатств, скота, богатыря. Эти устойчивые мотивы-описания вводят слушателей в мир олонхо.

Олонхо «Алаатыыр Ала Туйгун» в исполнении сказителя Н. И. Степанова (Ноорой) начинается с общего основного мотива первотворения, образования «черной земли». Действия эпических героев относятся к самым древним временам. Богатырь является, судя по контексту, первым человеком на земле. В эпосах других тюркских и монгольских народов события эпического времени начинаются с периода становления неба и земли. «Мотив первотворения относится к устойчивым начальным мотивам, образующим вступление эпических сказаний тюрко-монгольских народов Сибири» [3. С. 100].

Сказитель повествует о «росте» изначальной земли, то есть Средней земли (мира) с ее несметными богатствами. Сказитель вводит красочное описание Аал Лук Мас [1. Л. 7]:

<...> Баай ыалым
Бастың чороонун
Атаҕыттан хам баайталаан
Таңнарыта ыйаан кээспитин курдук
Лоңкур көмүс туорахтаах,
Аал луук маһым
Аньһыллаан аатыран үөскээбитин...

<...> Словно лучший чорон
Богатой семьи моей
Подвязанный за ногу,
Подвешенный кверху низом,
С золотыми шишками
Аал лук дерево мое
Воткнувшись, зародилось прославленное...

Образ вселенского дерева – мифологического архетипа, объединяющего все сферы мироздания, отражен во многих эпических памятниках. Как правило, его ветви соотносятся с небом, ствол – с земным миром, корни – с преисподней. По мнению исследователя Э. Э. Сивцевой, «мировое дерево – это символ культа природы. Таким образом, в результате растительной кодификации мироздания создается вертикальная

структура Космоса. <...> Древние якуты верили, что в природе существует “дерево жизни”, населенное *дойду иччитэ* «духом земли» и *от-мас иччитэ* “духом трав-деревьев”, местными духами, хозяевами лесов и полей, от которых зависели удача и урожай. Якуты выбирали красивое, большое дерево, лиственницу, селились возле него. Когда дерево усыхало, вешали на ветках образы этих мифических существ, чтобы сохранить живущих там духов» [4].

В тюркской мифологии и впоследствии в казахских сказках фигурировал образ Байтерека. Байтерек своим расположением и композиционным строением выражает космогонические представления древних кочевников, по преданиям которых на стыке миров протекает Мировая река. На ее берегу возвышается Дерево жизни – Байтерек, корнями удерживающее землю, а короной – подпирающее небо. Корни этого дерева, соответственно, находятся в подземном мире, само дерево, его ствол в земном, а корона – в небесном [2. С. 156].

Она многоцветна, а поверхность ее бугриста; такие сравнения, почерпнутые из окружающей действительности, являются важнейшим элементом стиля олонхо.

За указанным мотивом следует описание *алааса* – характерного для Якутии сенокосного и пастбищного уголья. В высоком эпическом стиле сказитель повествует об извечной крепости земли, о ее растительном и животном мире.

Мотив первотворения демонстрирует тесную связь с мифологическими представлениями древних якутов. В экспозиционных мотивах олонхо получают отражение мифы о создании Земли верхними божествами *айыы*.

Список литературы

1. Алаатыыр Ала Туйгун : олонхо // Архив Якутского научного центра Сибирского отделения СО РАН. Ф. 5, оп. 7, ед. хр. 89.
2. Бисенбаев, А. К. Мифы древних тюрков. Алматы, 2007. 136 с.
3. Илларионова, Т. В. Текстология олонхо «Могучий Эр Соготох» : сравнительный анализ разновременных записей. Новосибирск, 2008. 96 с.
4. Сивцева, Э. Э. Образ «мирового древа» в русской и якутской культуре [Электронный ресурс]. URL: <http://pribaiikal.ru/project-item/article/6194.html>
5. Силантьев, И. В. Поэтика мотива. М., 2004. 296 с.

ЗНАЧЕНИЕ БАШКИРСКО-ВЕНГЕРСКОГО СЛОВАРЯ В. ПРОЛЕ В ИСТОРИИ БАШКИРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Рассматривается башкирско-венгерский словарь В. Проле как письменный источник. С использованием описательного и сравнительного методов дается краткий лингвистический анализ лексической, фонетической и морфологической структур данного источника. Труд В. Проле был ценным пособием не только для языковедов данного периода, но и является значимым источником для современных исследований, изучающих историю языка.

Ключевые слова: история языка; письменный источник; труд В. Проле, башкирско-венгерский словарь, активная лексика, история башкирского языка.

Конец XIX – начало XX вв. – один из важных периодов в истории башкирского литературного языка, отличающийся от предыдущих богатством и разнообразием письменных источников. В этот период башкирским языком интересовались и зарубежные лингвисты. Особым достижением можно считать составление В. Проле башкирско-венгерского словаря и первой системной грамматики башкирского языка [6]. Благодаря его исследованиям башкирский язык получил известность как самостоятельный язык и в масштабе Европы. Как отмечает З. Г. Ураксин, этот труд является серьезным источником по лексике башкирского языка, не потерявшим свою значимость в наше время как источник [5. С. 19].

Письменные источники играют огромную роль в удовлетворении потребностей не только лингвистических исследований [2 ; 3 ; 4], к ним часто обращаются в своих трудах историки, педагоги, литераторы [3. С. 1518–1519], фольклористы, философы [1. С. 39–43] и так далее.

Летом 1901 г. венгерский ученый В. Проле посетил Башкортостан. Общение с местным населением и передовыми людьми, наблюдение над живыми языковыми образцами способствовало выявлению фонетических, морфологических и лексических особенностей башкирского языка, составлению башкирско-венгерского словаря.

«Исследования по башкирскому языку» В. Проле были опубликованы в 1903–1904 гг. в журнале “Восточное обозрение”. Работа состоит из трех частей: 1) Фонетика (6 страниц); 2) Морфология (16 страниц); 3) Словарь (44 страницы). Она написана на венгерском языке, а башкирские слова приведены в транскрипции. Для обозначения башкирских звуков использовано 36 букв.

В первом разделе описывается звуковая система и фонетические процессы изучаемого языка, анализируется произношение звуков в разных позициях в сопоставлении с материалами – образцами других языков.

Во втором разделе подробно рассматриваются части речи, их грамматические категории. Работа В. Проле ценна тем, что она освещает языковые уровни в многоплановом аспекте и дает относительно полную информацию о морфологии башкирского языка названного периода. Конкретизируется примерами категории числа, принадлежности, определенности-неопределенности, падежа имен существительных. Встречаются отсутствующие в современном языке формы **-мыз/-мез**, **-ңыз/-нез**; *атамыз* «наш отец», *сәскәмез* «наш цветок», *сәскәңез* «ваш цветок» и так далее.

Наличие в работе устаревшей формы исходного падежа на **-дин/-тин** показывает, что В. Проле общался с грамотными людьми, которые были не только хорошо знакомы с старотюркским языком, но и употребляли его элементы в своей речи.

Грамматические категории имен прилагательных почти не отличаются от норм современного башкирского языка. В. Проле распределяет местоимения на 4 группы: 1) личные; 2) указательные; 3) вопросительные; 4) неопределенные. В современном башкирском языке местоимения делятся на 7 групп. В этой работе дается достоверная информация о числительных, хотя дробные числительные и не упоминаются. Из служебных частей речи рассматриваются послелог, а союзы и междометия лишь называются.

Тщательно анализируется глагол – самая сложная часть речи. Рассматриваются категории залога, наклонения. Требуют внимания неличные формы глагола, не сохранившиеся

в современном башкирском языке **-йып/-йеп**: *карамайып* (*карамайынса*) «не оглядываясь», *килмэйеп* (*килмэйенсә*) «не придя».

Субстантивная форма глагола или имя действия отражена следующими аффиксами: а) **-у** (**-ыу**), **-ү** (**-еү**), **-ау/-әү**: *бару//барыу* «идти», *килү//килеу* «прийти», *ашау* «есть»; б) **-ыш/-еш**, **-ош/-өш**, **-уш/-үш**: *көнбатыш* (*көнбайыш*) «запад», *һугыш* «война», *көнбагыш* «подсолнух»; в) **-мыш/-меш**, **-мош/-мөш**, **-муш/-мүш**: *тормош* «жизнь», *язмыш* «судьба», *әйтеш* «сказание». В данном труде отмечены также инфинитивные формы на **-мак/-мәк**, которые ныне вышли из употребления.

Далее уделяется внимание категориям наклонения и изменению их по лицам, числам, определенности и неопределенности. Встречаются ныне не употребляемые формы II лица единственного числа повелительного наклонения: **-һана/-һәнә**: *йазһана* «пиши-ка»; **-ғыл-гел(-ғул-гүл)**: *йазғыл* «пиши-ка», *һорғул* «спроси-ка». Формы **-ғай/-гәй**, **-кай/-кәй** изъявительного наклонения не соответствуют современным вариантам: *биргәй* (бирә) «дает»; *килгәй* (килә) «идет»; *сыккай* (сыға) «выходит», *табғай* (таба) «находит». В форме второго лица множественного числа условного наклонения вместо **-һағыз/-һәгез** употреблен **-һаңыз/-һәңез**: *караһаңыз* (*караһағыз*) «посмотрите»; *килмәһәңез* (*килмәһәгез*) «не придете».

В башкирско-венгерском словаре В. Проле (44 стр.) даны 1494 заглавных башкирских слов с кратким переводом на венгерский язык. В. Проле, как и предыдущие исследователи, стремился отражать каждый башкирский звук отдельными графическими знаками: *dunja* [дунья] совр. донья «мир»; *jilbarc* [йулбарс] совр. юлбарыз «тигр». В работе | дифтонги [ыу], [өу], [еү], [өү] даны долгими [уу], [үү]: *jabu* [йабу] ябыу «закрывать»; *kivu* [кизу] кизеү «отрезать»; *jorotu* [йөрөтү] йөрөтөү «водить» и так далее. Слова «вакыт», «вак», «вафат», «вакиға» даны на основе фонетического принципа буквой w [уы]: *waket* [уакыт] «время», *wak* [уак] «мелкий», *wafat* [уафат] «смерть», *wakeya* [уакыға] «событие».

В словаре широко представлены следующие фонетические явления:

– дифтонгизация звука [а], то есть передача в форме [йа]: *кйагаз* (как в татарском), совр. кағыз «бумага», *кйамил* камил «совершенный»;

– употребление [и] вместо [э], [е]: *бисәй* – бесәй «кошка»; *кисерткән* – кесерткән «крапива»; *тийен* тейен «белка»; *фикер* фекер «мысль»;

– параллельное употребление звуков [е] – [ө]; [е] – [ү], [ы] – [у], [е] – [ү], [ү] – [ө], [ы] – [а]; [з] – [з], [й] – [ж];

– соответствия [б] ~ [м], [б] ~ [п], [з] ~ [д], [ғ] ~ [к];

– чередование звуков [һ], [з], [с], которые часто встречаются в говорах;

– также зафиксированы соответствия [й] ~ [ғ], [у] ~ [ғ]: *сығыр* совр. һыйыр «корова», *ту* ~ совр. тыу «рождайся», *коғ*// *куғ*// *кыу*// *ку* совр. *кыу* «гони».

В большинстве случаев соблюден закон сингармонизма:

а) небная гармония: *колаксын* «шапка», *кулгә* «тень», *мамык* «пух», *сиңерткә* «стрекоза»; исключениями являются слова, заимствованные из арабского языка: *хәбар* «новость», *шафкат* «благородство»;

б) губная гармония: *йөзөм* «изюм», *орсок* «веретено», *көслө* «сильный», *козгон* «ворон»; вместе с тем есть и несоблюдение гармонии: *койы* «колодец», *котолдыр* «освобождает». Привлекает внимание усиленная губная гармония звуков [у] и [ү]: *булбул* (совр. былбыл) «соловей», *субук* (сыбык) «прут», *шумлук* (шомлок) «тревога».

Выяснение принципов составления словаря весьма значимо для истории лексикографии. Заглавные слова даны в алфавитном порядке с красной строки курсивным шрифтом срочными буквами (транскрипция дана нами – Р. Л.):

ajak [айак] нога, lab;

ajyēr [айғыр] жребец, tenlo.

А также встречаются переводы слов на русский, немецкий языки:

jumran [йумран] *mogyogorele*, сусликъ, Zieselmaus;

kuk (at) [күк ат] сивая лошадь;

bürtä (at) [бүртә ат] голубая лошадь;

balan [балан] калина, Weissholz.

В таких случаях переводы даны на графике каждого языка. У многих слов даны параллели на татарском, редко на турецком языках.

Слова по значению распределены на гнезда. Там же вместе с переводом даются формы грамматических категорий, производные слова, словосочетания с иными словами, которые отделены друг от друга либо запятыми, либо точкой с запятой, либо тире. Слова, имевшие внешнюю аналогию, встречаются в одном гнезде: *асы* «горький» и *асу* (совр. асыу) «злость».

Дается толкование специфических башкирских слов, которые не имеют эквивалентов в венгерском языке: *boursak* [баурсак] –

fojassal es vajjal gyurt vajban kisütött argo fank, mit mezzel leöntve s gyumolcscsukorral kirakva találnak fel (lakodalmi etel) и так далее.

У заимствованных слов показывается графическое изображение на языке-оригинале и дается пометка: **а.** арабские слова, **р.** персидские слова, **о.** русские: *adam* (а.) [адам] *adam* (а.) [адам] (в современном башк. яз.: *әҙәм*); *arēs* (о.) [арыш]; *düşämbä* (р.) [дүшәмбә] (дүшәмбе); *arēs* (о.) [арыш]; *düşämbä* (р.) [дүшәмбә] (дүшәмбе);

Многие слова представлены в нескольких фонетических вариантах. Каждый из них помещен на своем месте по алфавиту с отсылкой друг на друга:

munda [мунда] 1. *bunda* [бунда]; «здесь»;

bugön [бугөн] 1. *bögön* [бөгөн] и так далее. «сегодня» и так далее.

Привлекает внимание обилие омонимов и синонимов.

Основной лексический пласт словаря составляют исконно башкирские слова. Однако в работе широко представлены и заимствованные слова. Из 1494 заглавных слов, по определению автора, 220 составляют арабские слова, 110 – персидские, 30 – русские. Если учесть отсутствие этимологических сведений некоторых заимствованных слов, данное количество увеличивается.

Исконно башкирские слова преимущественно отражают быт местного населения, родство, названия растений, природных явлений. Многие лексемы связаны с коневодством, охотничьим промыслом. Например, слова, которые обозначают возраст, масть лошадей: *бийә* (совр. бейә) «кобыла», *алаша* «мерин», *дүнән* // *һәүрүк* (һәүерәк) «жеребец по четвертому году», *тай* «стригун»; слова, показывающие разновидности уток: *беле* (беле өйрәк) «крохаль», *карасабан* (кара өйрәк) «турпан», *кашыкморон* (кашыкморон өйрәк) «широконоска», *кашкалак* «свистуха», *сүрәгәй* «чирок».

Каждая эпоха, каждый общественный строй находят свое отражение в языке. И слова активного употребления, изжив свое время, переходят в ряд пассивной лексики. В словаре В. Проле немало архаических слов, которые не встречаются в современном башкирском языке. Значительное место занимает старотюркская лексика: а) слова, вышедшие из употребления: *йармак* (акса, вак акса) «денежная единица, самая мелкая медная монета»; *кары* (кушар һөйәге) «предплечье»; б) слова, сохранные в ином фонетическом облике: *таг* (тау) «гора», *угыл* (ул, малай) «сын», *угырла* (урлау) «воровать», *сән* (һин) «ты» и так далее.

Употребляемые в современном башкирском языке слова типа «винт», «шөрөп», даны В. Проле исконно башкирскими словами «борғос», «борма».

В словаре широко использованы лексические, фонетические, грамматические диалектизмы. Правописание всех окончаний основано на особенностях южного и северо-западного диалектов: *иркеннек* / *иркенлек* «простор, раздолье достаток», *көслө* «сильный», *һөргөнлөк* «ссылка, изгнание»; *йакыннаш* «приближайся», *тыңна* // *тыңла* «слушай». В ряде случаев встречаются устаревшие диссимилятивные варианты окончаний, встречающиеся ныне лишь в среднем и каридельском говорах башкирского языка: *араһынта* «между», *йаланкас* «голый», *көндөз* «днем», *һантуғас* «соловей», *һунтер* «погаси» и так далее.

Таким образом, работа В. Проле показывает его глубокое знание особенностей изучаемого языка. Венгерский ученый оставил ценные сведения по фонетике, морфологии и лексике башкирского языка. Несмотря на некоторые недостатки, работа заслуживает высокой оценки. Она в целом не отличается от современной грамматики, в словарь включена активная лексика башкирского языка. Этот труд является ценным источником для современных исследователей истории языка.

Список литературы

1. Бахтизина, Д. И. Каллиграфия в культуре ислама // Язык, литература и культура в полилингвальном пространстве : сб. материалов междунауч. науч.-практ. конф. Сибай, 2013. С. 39–43.
2. Латыпова, Р. М. Письменные источники конца IX – начала XX вв. и их влияние на формирование башкирского литературного языка (на основе русской и латинской график) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2005. 24 с.
3. Нурғалина, Х. Б. Продуктивность фразеологической синонимии в английском, немецком, башкирском языках // Вестн. Башкир. ун-та. 2012. Т. 17, № 3 (1). С. 1510–1513.
4. Самирханова, Г. Х. Теория, генезис и идейно-эстетические источники басен в башкирской литературе // Вестн. Башкир. ун-та. 2012. Т. 17, № 3 (1). С. 1518–1519.
5. Ураксин, З. Г. Башкирская лексикография: в прошлом и настоящем // Башкирская филология. Уфа, 2005. С. 18–28.
6. Prohle, V. Baskir nyelvtanulmányok // Keleti Szemle, T. IV. Budapest, 1903. P. 194–214; T. V. Budapest, 1904. P. 228–271.

М. С. Лукина

КОМПЬЮТЕРНАЯ ЛЕКСИКА В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ

Осуществляется сопоставительный анализ компьютерной лексики одного из самых распространенных на данный момент видов дискурса в интернет-среде на материале русского и французского языков. Разрабатывается классификация компьютерных лексем по семантическим сферам, делается акцент на сленге в составе интернет-лексики, выявляется его специфика в русском и французском интернет-дискурсе.

Ключевые слова: компьютерная лексика, интернет-дискурс, лингвокультурология, интернет-лексика, сленг.

Язык как социальный феномен находится в процессе постоянного развития и различных трансформаций, стимулирующих особый интерес со стороны лингвистов. Глобальные изменения, происходящие в современном информационном пространстве, непрерывно увеличивающиеся возможности массовой информации выдвигают на передний план проблемы масс-медиакоммуникации.

Актуальность выбранной темы обусловлена повышенным вниманием к исследованиям функционирования языка в сфере массовой коммуникации и возрастающей ролью сетевых средств масс-медиа при глобальном распространении мультимедийных технологий и расширении доступа к сетевым базам данных. Используемая в Интернете лексика все чаще проникает не только в газетные статьи, телевизионные передачи, литературные произведения, но и в повседневную разговорную речь. В настоящее время виртуальное общение в сети Интернет становится основным занятием, и это особенно касается молодежной среды.

Развитие Интернета и компьютерных технологий, как и развитие любой другой сферы человеческой деятельности, способствует появлению новых лексических единиц в языке. М. М. Бахтин говорит о том, что все без исключения области деятельности человека связаны с использованием языка, и Интернет не является исключением [1. С. 159].

На современном этапе функционирования языков одну из распространенных форм его существования представляет медиатекст, изучение которого позволяет не только выявить специфические характеристики языков новейшего периода, но и установить тенденции развития коммуникативных средств определенного социума, способов формирования и контро-

лирования информационного пространства. В связи с этим явлением мы наблюдаем, как наш язык общения постепенно превращается и трансформируется в особый, нестандартный язык. «Интернет – это идеальная среда и одновременно идеальное средство для формирования сообществ» [15. С. 14].

Компьютерный дискурс появился в 1990-х гг. XX в. и изначально был языком общения профессионалов в компьютерной области – программистов. Постепенно лексика Интернет-дискурса стала проникать в речь простых пользователей Интернета, в масс-медиа и в повседневную жизнь.

Исследование интернет-дискурса как новой формы речевого общения при помощи «всемирной паутины» обнаруживает специфику интернет-лексикона, используемого пользователями Интернета. Его проникновение в современные русский и французский языки помогает исследователям не только дать характеристику интернет-дискурсу в русском и французском языках, но и выделяет общие и специфические особенности функционирования и ассимиляции интернет-лексем.

Целью данной статьи является сопоставительное рассмотрение компьютерной лексики в семантико-стилистическом аспекте.

Появление сети Интернет привело к определенным изменениям языка, обслуживающего эту сферу. Английский лингвист Дэвид Кристал в своей последней книге «Языковая революция» одним из самых значимых факторов, приведших к революционным преобразованиям в языке, назвал именно возникновение Интернета [14. С. 64]. Поэтому на настоящий момент необходимо всестороннее изучение лингвистических аспектов электронной коммуникации.

Статус интернет-дискурса во всемирной паутине детерминируется его доступностью. Представленная многомерная классификация анализируемых интернет-лексем учитывает критерии внутренней типологии намеченных тематических групп.

Семантизация компьютерных лексем выделяет синонимы-дублиеты и стилистические варианты рассматриваемого явления.

Обобщение сферы интернет-дискурса во всемирной паутине дает достаточно объемный состав лексем, в целом ориентирующихся не только на язык-источник, но и отходящих от него в сфере коннотативных наслоений. В истолковании исходных понятий исследования нами прослежены и просмотрены основные характеристики интернет-общения.

Так, например, Т. Ю. Виноградова в своей статье «Специфика общения в Интернете» выделяет в свою очередь характерные особенности Интернет-общения: 1) анонимность; 2) своеобразие протекания процессов межличностного восприятия в условиях отсутствия невербальной информации; 3) добровольность и желательность контактов; 4) затрудненность эмоционального компонента общения, в то же время стойкое стремление к эмоциональному наполнению текста, которое выражается в создании специальных значков для обозначения эмоций или в описании эмоций словами; 5) стремление к нетипичному, ненормативному поведению [3. С. 63–64].

Несмотря на то, что наблюдается активизация, актуализация и стилистическая переориентация интернетного дискурса, данная сфера общения не получила еще адекватного лингвистического осмысления по отношению к разным ее видам и жанрам.

Лексика, используемая во всемирной паутине, все чаще проникает не только в повседневную разговорную речь, но и в газетные статьи, телевизионные передачи, литературные произведения. В настоящее время виртуальное общение в сети Интернет становится основным занятием, и это особенно касается молодежной среды. Примеры свидетельствуют об изобилии английских лексем в компьютерной лексике:

«Le comportement de *l'utilisateur du Web* a été ausculté. Frustration, impatience [16. С. 61].

(Поведение *пользователя Интернета* было выслушано. Обман, нетерпение) [16. С. 61. Здесь и далее перевод наш – Л.М.].

«Pages au *téléchargement poussif, paiements en ligne* ou l'on *retape x fois son code confiden-*

tiel, données illisibles ou instructions incompréhensibles, tout le monde a vécu les affaires de l'acheteur en ligne» [16. С. 61].

Страницы с *медленной загрузкой, платежи он-лайн*: либо печатают *x раз свой конфиденциальный пароль*, либо неудобочитаемые данные или непонятные инструкции: все пережили неприятности *он-лайн* покупателя) [16. С. 61].

«*Экран видеомонитора* должен находиться наравне глаз или чуть ниже» [8. С. 17].

Язык, на котором общаются интернет-пользователи – это совокупность терминов в области компьютерных и информационных технологий, заимствований, жаргона и разговорной лексики. Сленг, на котором общаются пользователи сети Интернет, постепенно проникает в общеупотребительную лексику.

«Сленг – это относительно устойчивый для определенного периода, широко употребительный, стилистически маркированный (сниженный) лексический пласт (имена существительные, прилагательные и глаголы, обозначающие бытовые явления, предметы, процессы и признаки), компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, весьма неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту, обладающий пейоративной экспрессией» [12. С. 43–44].

В России, как и во всем мире, наблюдается тенденция заимствования лексики из английского языка. По статистическим данным, во Франции основным языком общения в сети Интернет 93,8 % является английский язык и только 0,8 % – французский. Материалом исследования интернет-дискурса являются компьютерная лексика, чаты, заимствованные из русских и французских интернет-сайтов, а также литературное творчество пользователей «всемирной паутины».

Обобщение сферы интернет-дискурса во всемирной паутине дает достаточно объемный состав лексем, в целом ориентирующихся не только на язык-источник, но и отходящих от него в сфере коннотативных наслоений. В истолковании исходных понятий исследования нами прослежены и просмотрены основные характеристики интернет-общения. Например, появление лексемы «компьютер» привело к образованию большого количества лексических единиц, обозначающих компьютер и его составные части. Данная лексика имеет различную эмоциональную и стилистическую окрашенность. К ней мы относим следующую

лексику: *Авэ Мария* – звуковая плата Sound Blaster; *адаптер* – устройство для согласования между собой других устройств с разными способами представления данных; контроллер, *Баба* – видеоадаптер EGA; Enhanced Graphic Adapter – расширенный графический адаптер; *бластер* – звуковая карта; саундбластер, *бандура* – компьютер; *бима* – компьютер фирмы IBM; *бесперебойник* – источник бесперебойного питания; *видеоадаптер* – устройство, управляющее выводом информации на монитор; *видеобластер* – устройство, предназначенное для ввода в компьютер видеoinформации, – плата видеозахвата, *видимокарта*, *видюха*, *видюшка*, *видяшка* – видеокарта; *визжалка* – матричный принтер; *вика* – видеокарта; *винт*, *винч глаз* – монитор, *Голубой гигант* – IBM; *гроб* – корпус компьютера; *грэвис* – звуковая карта Gravis Ultrasound; *грызун* – компьютерная мышь; *двойка*, *душка* – IBM PC AT 286; *дисплей* – дисплей; *джойстик* – устройство для ручного управления движения курсора на экране дисплея при вводе данных в компьютер; *доска* – клавиатура; *дрюкер* – принтер; *дятел* – одна из моделей жесткого диска фирмы IBM; *железка* – аппаратные средства компьютера в отличие от его программного обеспечения; *зухель* – оборудование фирмы ZyXEL; *ибээмка* – компьютер IBM; *камень* – центральный процессор; *камни* – оперативная память компьютера; *карлсон* – вентилятор, охладитель для компьютера; *картонка* – любая плата, *лазарь*, *лазер* – лазерный принтер; *лапа*, *лапоть*, *лэптоп* – переносной персональный компьютер массой 3,5 кг с плоским жидкокристаллическим дисплеем, умещающийся на коленях пользователя; *мазерборд*, *мазер*, *майнборд*, *майнда*, *мама*, *мамка* – материнская плата компьютера; *мозги* – процессор компьютера или его оперативная память; *педадь* – клавиатура; *первопень*, *пенек*, *пентюх*, *пень* – процессор Pentium; *пентух* – pentium; *питало* – блок питания и т. п. [8 ; 9 ; 10 ; 11 ; 13].

Представляет интерес рассмотрение французской компьютерной терминологии с этимологической точки зрения. Для этого мы выделили следующие словообразовательные параметры: 1) кальки с английского языка; 2) собственные эквиваленты.

Проанализируем французскую компьютерную лексику, поделив ее на группы. К первой группе мы отнесем следующие лексемы (): *additif* (приставка. Здесь и далее по тексту в скобках дается перевод – прим. Л.М.); *bloc*

(блог); *blogue* (ошибка); *céderom* (компакт-дисковое запоминающее устройство); *céderom interactif* (интерактивный компакт-диск); *cheval de Troie* (тroyанский конь – программа, которая выдает себя за другую программу с целью получения информации); *coprocesseur* (сопроцессор); *disque compact* (компакт-диск); *disque numérique polyvalent* (универсальный цифровой диск, DVD); *disque optique* (оптический диск, диск с оптическим считыванием); *disquette* (дискета); *ecran tactile* (тактильный или сенсорный экран); *internaute* (пользователь Интернета); *Internet* (Интернет); *Intranet* (Интранет); *mémoire d'accès rapide* (сверхоперативная память, кэш-память); *mémoire magnétique* (магнитное запоминающее устройство); *multiprocesseur* (мультипроцессор); *portail* (портал); *serveur* (программа обслуживания, сервер); *serveur mandataire* (проху-сервер, брандмауэр, промежуточный сервер); *site* (сайт); *terminal* (терминал); *Toile d'araignée mondiale* [4 ; 18].

Во второй группе находятся следующие лексемы: *agenda électronique* (перев: 1. Компьютерный секретарь. 2. Карманный компьютер с функциями рабочего дневника-календаря, телефонного справочника и др.); *affichage* (отображение, вывод на экран дисплея); *arroseur* (пользователь сети, рассылающий бесполезную информацию); *assistant électronique de poche* («карманный» компьютер, предназначенный для выполнения некоторых специальных функций); *bloc-notes électronique* (ноутбук); *boule de commande* (шаровой манипулятор); *calculateur* (вычислительная машина); *console de visualisation* (видеотерминал; дисплей); *déborgage* (устранение ошибок в программе; отладка программы); *débogueur* (программа отладки, отладочная программа); *dévideur* (запоминающее устройство на магнитной ленте); *fouineur* (хакер); *génie logiciel* (разработка программного обеспечения; проектирование программного обеспечения); *grapheur* (программное обеспечение машинной графики); *grappe* (кластер); *logiciel* (программное обеспечение; программные средства; пакет программ); *logiciel à contribution* (испытательная версия программы); *logiciel antivirus* (антивирус); *macroordinateur* (центральная ЭВМ); *manche à balai* (джойстик); *matériel* (аппаратура, аппарат(ур)ные средства; техническое обеспечение); *ordinateur de poche* (карманный компьютер); *ordinateur individuel* (персональный компьютер); *ordinateur portable* (порта-

тивный компьютер); *pirate* (взломщик, хакер) [4 ; 18].

Проведя этимологический анализ французской компьютерной лексики, мы можем сделать вывод, что собственные французские эквиваленты преобладают над англицизмами.

Несмотря на огромное число заимствований из английского языка, в русском языке образуются собственные лексические единицы, обозначающие ту или иную реалию виртуального мира. Данная группа лексики представлена лексемами-русизмами: *балалайка* – виртуальная машина; *брехун* – цифровой индикатор частоты; *бьяка* – ноутбук; *веник* – винчестер, жесткий диск; *вобла* – скрипт форума Bullitin; *дрова* – драйверы программа, управляющая устройством компьютера; *колобок* – шарик мышки; *лапоть* – компьютер типа LapTop; *оковалок* – большой файл; *салазки* – устройство для быстрой смены винчестера без вскрытия корпуса [8 ; 9 ; 10 ; 11 ; 13].

Сферическая классификация компьютерных лексем, разделенная по критериям тематических групп, помогает раскрыть семантизацию каждой из лексем, выделяя синонимы-дубликаты, антонимику, а семантизация компьютерных лексем выявляет стилистические варианты рассматриваемого явления.

В отличие от России, где компьютерный сленг весьма распространен, во Франции он практически отсутствует в том объеме, в котором он присутствует в русском языке. Здесь не последнюю роль имеет государственный контроль в области языка. В связи с этим фактом, проанализировав компьютерный сленг, мы выявили большую группу сфер русского и французского компьютерного сленга, в котором имеются многочисленные заимствования из разных областей знаний и повседневной жизни. Мы разграничили лексику на следующие сферы: *профессии, персонажи сказок, исторические реалии, религия, интернет-зоонимы, интернет-фитонимы, именга нарицательные* и т. п.

Лексика, обозначающая сферу «*Профессии*»: *админ* – специалист, осуществляющий контроль над использованием компьютерной базы данных, сети: правильностью ввода и своевременностью пополнения данных, методами доступа к ним; *алкоголик* – 1. Человек, программирующий на Алголе. 2. Программа создания образов компакт-дисков Alcohol 120 %; *астматик* – программист на Ассемблере; *банщик* – человек, занимающийся баннерами; *баннермейкер* – специалист по созданию баннеров

для сайтов Всемирной паутины; *визард* – хороший, опытный программист; *вирмейкер* – человек, создающий вирусы; *висельник* – системный программист; *глюкогон* – человек, исправляющий программные ошибки; *concierge* (человек управляющий списком рассылок) [2 ; 4 ; 8 ; 9 ; 10 ; 11 ; 17].

Сфера: *Персонажи сказок*: *Баба Яга*, для обозначения графического адаптера; *Емеля* – электронная почта, имэйл; *Карлсон* – вентилятор, охладитель компьютера; *Колобок* – крысиный шарик; *МУМУ* – мультимедиа; *Мурзилка* – браузер Mozilla; *Ослик ИА, ИЕ* – Internet Explorer; *Пилюлькин* – лечащий модуль анти-вирусной программы; *Троль* – анонимный Интернет-провокатор; *Федорино горе* – свободная ветка Linux дистрибутива Red Hat [8 ; 9 ; 10 ; 11 ; 13].

Сфера: *Исторические реалии*. Нередко лексические единицы, составляющие данную группу, являются фонетическим искажением некоторых англицизмов, употребляющихся в компьютерном сленге: *Квакер* – игрок в компьютерную игру Quake (Англия); *Лазарь* – лазерный принтер (библейзм); *Троян* – компьютерный вирус, который незаметно передает вашу информацию анониму (Древняя Греция); *Троянец* – Троянский вирус (Древняя Греция); *guerre de religion* («религиозные войны»; жесткая дискуссия) [4 ; 8 ; 17].

Сфера: *Религия*. Интерес представляет группа лексических единиц, отображающих религиозные мировоззрения народов мира. Данную группу можно разделить на три подгруппы: мусульманство, христианство, индуизм: *Ancien Testament* (Ветхий завет); *Bible* (Библия); *gourou, gourrou* (гуру); *Nouveau Testament* (Новый завет); *Oracle* (программа «Оракул») [4 ; 17]. В данной группе нашли свое отражение лексемы, отражающие религиозные мировоззрения восточных народов. Лексема «*гуру*» в словаре Л. П. Крысина получила следующее толкование: «*гуру*», в индуизме – это учитель, духовный наставник [5. С. 226]. Первоначальное значение было перенесено и в лексему компьютерного жаргона, где «*гуру*» – уважаемый человек, опытный мастер, крутой программист [9].

Сфера: «*Наименования строений, строительных и отделочных материалов*» имеет следующие номинации: *аркада* – аркадная игра; *башня, Башня* – корпус компьютера типа «tower»; *доска* – клавиатура; *камень* – центральный процессор; *камни* – оперативная па-

мять компьютера; *кирпич* – процессор; *обои* – бэкграунд, фоновый рисунок на рабочем столе; *портал* – совокупность сайтов, принадлежащая обычно одному учредителю и обладающая определенным тематическим единством; *сантехника* – аппаратное обеспечение, выпускаемое фирмой Sun Microsystems [2 ; 8 ; 9 ; 10 ; 11].

Сфера «Зоонимы». В результате лексикографического анализа компьютерного сленга нами было выявлена большая группа интернетизмов-зоонимов. Так, к группе *зоонимов* можно отнести следующие лексические единицы, которые встречаются в компьютерной лексике: *Блоха, блохи* – ошибки в программе; *Глист* – интернет-червь, вирус; *Гнус* – фирма Samsung; *Грызун* – компьютерная мышь; *Дельфин* – программист, пишущий программы на Delphi; *Енот* – Инет, Интернет; *Жаба* – 1. Язык программирования Java. 2. Фотожаба; *Жук* – вирус, баг; *Ишак* – браузер Internet Explorer (от сокращения IE); *Клоп* – баг; *Крыса* – 1. Игрок в компьютерных играх, играющий нечестно, трусливо. 2. Компьютерная мышь; *Лиса, Лисичка* – Интернет браузер Mozilla FireFox, произошедший от браузера Mozilla; *Собака, собачка* – самое распространенное наименование символа «@»; *Тараканы* – микросхемы [8 ; 9 ; 10 ; 11 ; 13].

Сфера «Фитонимы» – менее многочисленна: *Дерево* – структура расположения директорий на сервере; *Дуб* – программа для работы с видео VirtualDub, (NanDub, VirtualDub Mod); *Елочка* – плата-разветвитель; *Корень* – первая директория в дереве («корневая директория»); *Лист* – список рассылки, используется для оповещения широких масс одним простым письмом; *Лук* – почтовая программа Outlook; *Подосиновик* – программа, работающая под OS/2 [8 ; 9 ; 10 ; 11 ; 13].

Во французском компьютерном сленге зоонимы и фитонимы представлены следующими лексическими единицами: *aquarium* («аквариум»-Макинтош); *araignée* («паутина»); *arbre de Noël* («Рождественская елка»); *bourrin* («кляча»); *Jaguar* («ягуар» – название кода); *kangourou* («кенгуру» – код); *Lézard* («ящерица» – программа Mozilla); *mule* («осел») [4 ; 17].

Имена собственные. При анализе русского компьютерного сленга мы выявили группу компьютерных лексем, имеющих в своей основе имена нарицательные: *Аська, Ася* – ICQ; *Барсик, Васик* – язык программирования Бэйсик; *Димка* – модуль памяти DIMM; *Ирка* – си-

стема онлайнного общения IRC (Internet Relay Chat); *Клава, Клавка* – клавиатура; *Лазарь* – лазерный принтер; *Лола, Лолка, Лолита* – человек, отличающийся глупым и несурзным поведением и зачастую вызывающий смех окружающих; *Нюра* – программа для записи дисков Nero Burning ROM; *Петя* – Питер Нортон; *Ромка* – ROM; *Darwinien* (пользователь системы «Дарвин»); *Macintoshieur* (пользователь системы Макинтош); *Macintoshien* (пользователь системы Макинтош) [7 ; 9 ; 10 ; 11 ; 12 ; 17].

В языке Интернета все чаще появляются слова, производные от аббревиатур компьютерных реалий, заимствованных из русского или английского языков, кальки. Нередко такие неологизмы приобретают ироничный и иносказательный характер, а иногда встречаются слова, имеющие негативную коннотацию и вульгаризмы: *ЖЖ, Жежешка, ЖоЖо, ЖыЖа* – дневник, расположенный на livejournal.com или сам сервис; *Ирка* – система онлайнного общения IRC; *МежДелМаш* – IBM; *Ослик ИА, ИЕ* – Internet Explorer; *ФАК* – ответы на часто задаваемые вопросы. ФАК представлен отдельным разделом на сайте. От английского выражения FAQ – Frequently Asked Questions [8 ; 9 ; 10 ; 11 ; 13].

Компьютерные изыски перестают удивлять пользователей русского Интернета, так как правописание оформляется по-русски: *андейтить* – обновлять что-либо; *банить* – вводить запрет для пользователя выполнять какие-либо действия; *вебануть* – проверить программу на наличие вирусов с помощью Dr.WEB; *джобать* – работать; *заzipовать* – заархивировать программой Zip (Win Zip); *мейкануть* – сделать что-либо [8 ; 9 ; 10 ; 11 ; 13].

Любой язык, отражающий те или иные реалии, в нашем случае – компьютерные лексемы, используемые пользователями Интернета или «Всемирной паутины», обладает такими пластами широкоизвестных слов, передающих специфический, характерный только для данного контекста колорит.

Итак, при сравнении компьютерной лексики и сленга в Интернете на материале французского и русского языков становится ясно, что в русском компьютерном языке в значительной степени используются англицизмы, тогда как французский язык стремится к отказу от заимствований из английского языка и стремится к использованию собственных эквивалентов.

Нами установлено, что в интернет-дискурсе, особенно русском, представлена сленговая

лексика и осуществлена семантико-стилистическая классификация на материале двух активно контактирующих языков – русского и французского.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Собрание сочинений : в 7 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х гг. / ред.: С. Г. Бачаров, Л. А. Гоготишвили ; Ин-т мировой лит. М., 1997. С. 159.
2. Ваулина, Е. Ю. Мой компьютер. Толковый словарь. М., 2005. 496 с.
3. Виноградова, Т. Ю. Специфика общения в Интернете. Русская и сопоставительная филология: лингвокультурологический аспект. Казань, 2004. С. 63–67.
4. Гак, В. Г. Большой французско-русский словарь / В. Г. Гак, К. А. Ганшина. М., 2001. 1195 с.
5. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2007. 944 с.
6. Лучший словарь компьютерного сленга: портал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.compsleng.narod.ru/CyberWar.htm>.
7. Правила пользования компьютером // Рос. газ. 2008. 31 янв. С. 17.
8. Словарь компьютерного сленга [Электронный ресурс]. URL: www.kmtn.ru.
9. Словарь компьютерного жаргона [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.deport.ru/slover/computer.html>.
10. Словарь компьютерного сленга [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>
11. Словарь сленга > Компьютерный, молодежный сленг и жаргон [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slang.ru>.
12. Хомяков, В. А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1980. С. 43–44.
13. Юзер-ламерский толковый словарь – сокровищница интернет-жаргона: что означает аватар айпишник аккорд алкоголик апгрейд... [Электронный ресурс]. URL: <http://pc-argo.narod.ru>.
14. Crystal, D. Language and the Internet. Cambridge, 2001. P. 10.
15. Gate, B. Business @ the Speed of Thought. N.-Y., 2000. 440 p.
16. Express. «Le stress de l'internaute». 2010.11 mars. P. 61.
17. Le Jargon Francais [Электронный ресурс]. URL: <http://www.linux-france.org/prj/jargon/>
18. Vocabulaire des techniques de l'information et de la communication // Commission générale de terminologie et de néologie. Paris, 2005. 276 p.

Л. А. Месеняшина

КАТЕГОРИИ ЖАНРА И ФОРМАТА КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОГО И СЕМАСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ К РЕЧЕВОМУ ПРОИЗВЕДЕНИЮ

На материале речевого взаимодействия в сфере массовой коммуникации осуществляется попытка практической реализации положения о целесообразности разграничения «активной» и «пассивной» грамматик для жанрового уровня языка.

Ключевые слова: жанр, формат, семасиологический подход, ономасиологический подход, активная и пассивная грамматика, жанровый уровень языка.

Проблема соотношения категорий «жанр» и «формат» принадлежат к числу наиболее дискуссионных в современной теории СМИ. Само возникновение этой дискуссии обусловлено серьезным расширением условий коммуникации, в том числе и массовой коммуникации, породившим явления, которые трудно интерпретировать в рамках жанровой теории. Ряд исследователей подчеркивает терминологическую нечеткость, «размытость» понятия «формат», смысловую неоднозначность его. Этой позиции придерживаются такие общепризнанные авторитеты в теории СМИ, как Г. Я. Солганик, Г. В. Лазутина, Т. И. Сурикова.

Терминологическую нечеткость категории формата многие исследователи обуславливают не гносеологическими, а онтологическими причинами, а именно тем, что возникновение категории формата отражает «те новшества, которые порождаются развитием технологий медиаиндустрии и опытом медиапроизводителей» [3]. Со свойством формата отражать жизнь быстро меняющегося мира связана, в частности, тенденция к переформатированию современного радио- и телерынка (А. А. Новикова, Л. Д. Болотова, С. В. Кравченко).

Развивая мысль о связанности категории формата с динамикой спроса на теле- и радиопродукты, А. Г. Качкаева, И. Н. Кемарская, М. И. Макеенко, В. Л. Цвик отмечают принадлежность этих категорий жанра и формата к разным сферам деятельности: категория жанра принадлежит творческому процессу, а категория формата – бизнес-процессу: «Формат – понятие рыночное, а жанр – эстетическое» [6].

На тесную связь категории формата с той или иной целевой аудиторией указывает В. А. Сухарева.

Задача настоящей статьи – попытаться интегрировать категорию формата в теорию речевых жанров (РЖ).

Как указывалось ранее, появление электронных средств фиксации речи создает реальные предпосылки для радикального изменения жанровой системы языка точно так же, как много веков назад появление письменности создало условия для формирования двух принципиально разных путей развития культуры и языка: один – путь создания письменного языка и культуры на основе письменности, другой – путь бесписьменного развития языка и культуры. Электронные средства фиксации речи дали возможность фиксировать реальные диалоги полностью, буквально, что породило такие радио- и телевизионные формы речевого взаимодействия (РВ), как диалог в прямом эфире, ток-шоу, реалити-шоу и т. п. [4]. Независимо от того, как оценивать эти формы, мы видим в них именно попытку цивилизационного освоения новых материальных условий РВ. Телевидение и радио прямо называют их жанрами, поскольку это действительно «типические формы высказывания», представляющие своего рода «реплику» в диалоге со зрителем (слушателем) и, как правило, рассчитанные на ответные высказывания массовой аудитории, причем ответные реплики слушателей (зрителей) зачастую являются композиционно предусмотренным элементом жанра.

Этот феномен, очевидно, следует расценивать как серьезное реформирование жанровой системы языка, которое неизбежно должно повлечь за собой реформирование и самой теории РЖ. Иными словами, требуется определение РЖ, не ограниченное признаком «смены речевых субъектов». Ведь в понимании М. М. Бахтина высказывание, являющееся речевой

репрезентацией жанра, – это реплика в диалоге (неважно, какой длины реплика, – пусть хоть четыре тома), модусно непротиворечиво оформленная (хотя содержание модуса может быть при этом весьма сложным). Правда, в трудах М. М. Бахтина терминов *модус*, *модусный* мы не встретим, но зато большое внимание уделяется категории экспрессивности, несомненно, являющейся важным компонентом модуса, при этом М. М. Бахтин подчеркивает, что в категорию экспрессивности он включает не только оценку данного конкретного высказывания, но и предыдущих реплик в диалоге и предвосхищение оценки речи автора со стороны адресата [2].

А новые жанровые формы в СМИ эту модусную противоречивость реплик в диалогах не только допускают, но и требуют ее именно по условиям жанра. То есть возникает прежде невозможный тип жанров, где сам феномен диалога – ценность более высокая, нежели ценность модусной непротиворечивости. Вместе с тем это не просто новые типы РВ – это именно новые РЖ, потому что, несмотря на потенциально неограниченное количество участников диалога, у этих жанров есть и автор, ответственный, именно по М. М. Бахтину, за речь, как за поступок, – это ведущий. Однако в этом качестве он далеко не вполне совпадает с образом автора в традиционных вторичных жанрах печатной речи. У последнего есть возможность (и обязанность) отвечать если не за содержание, то за форму реплик, входящих в его текст. Ведущий же отвечает только за общую оценочную рамку состоявшегося диалога и его относительную композиционную завершенность.

Появление электронных средств фиксации речи вынуждают пересмотреть и определение текста. В изменившихся условиях для «неоднократного репродуцирования» [1] могут быть использованы высказывания, первоначально вовсе не предназначенные для этого. Возможность или невозможность репродуцирования высказывания перестает зависеть от авторского замысла и начинает зависеть от технических возможностей любого из адресатов этого высказывания – и даже от тех, кто в состав адресатов этого высказывания по авторскому замыслу не входил и входить был не должен. В числе таких «текстов вопреки авторскому замыслу», в частности, могут оказаться любые записи диалогов, – в том числе записи на диктофон, видеозаписи, сделанные «скрытой камерой» и так далее.

Итак, появление текстов принципиально нового типа – налицо. Вместе с тем у зафиксированного таким образом диалога нет традиционных признаков текста – ни семантических (модально-оценочное единство), ни композиционных.

Однако высказываний «никакого жанра» не существует ни в одном типе РВ. Все, что становится репликой в диалоге (а наши «новейшие тексты» могут быть такими репликами и становятся ими), должно работать как высказывание определенного жанра. Разрешение этого противоречия подсказано М. М. Бахтиным: «Всякое понимание живой речи, живого высказывания носит активно ответный характер» [2. С. 260]; «... всякое реальное целостное понимание активно ответно и является не чем иным, как начальной подготовительной стадией ответа» [2. С. 260].

Итак, как видим, диалог – не жанр (а тип РВ) для его участников, но жанр для тех, кто его воспринимает в «изъятном из непосредственного РВ виде». Для того, кто имеет возможность ознакомиться с зафиксированным таким образом текстом диалога, – это РЖ, потому что адресат в состоянии вычленил в нем (или приписать ему) определенную целеустановку, и текст в полном смысле этого слова, потому что этот текст может репродуцироваться неоднократно. Признаки же композиционно-семантического единства этого текста будут приданы ему уже не автором, – образ которого в этих условиях формален, – а именно воспринимающим (одним из возможных, хотя и необязательно запланированных адресатов данного текста).

Таким образом, 1) роль адресата в решении вопроса о жанровой принадлежности того или иного высказывания оказывается не менее значимой, чем роль автора; 2) решение адресатом вопроса о жанровой принадлежности высказывания того или иного высказывания может не совпадать с решением автора этого высказывания.

Ранее уже была обоснована целесообразность распространения противопоставления семасиологического и ономасиологического подходов вплоть до жанрового уровня языка [5]. Традиционная теория речевых жанров строилась именно в рамках ономасиологического подхода, поскольку в основе любой жанровой классификации лежала идея авторского замысла, авторской интенции, или – в терминах теории речевых актов – иллокуции. Современные же технические возможности комму-

никации приводят к резкому возрастанию роли адресата в решении вопроса о семантической структуре воспринимаемого текста, и в первую очередь о его модальных смыслах, в особенности о жанровой природе его. Таким образом, оказывается целесообразным выстраивание семасиологического подхода к РЖ, говоря словами Л. В. Щербы, – построения «пассивной грамматики» речевых жанров. «Активная грамматика РЖ» должна строиться, исходя из категории иллокуции, а пассивная – из категории перлокуции.

Таким образом, дискуссия о жанре и формате совершенно неслучайно возникает на материале коммуникации, обусловленной средствами создания «новой текстности», а именно радио- и телепрограмм. Заметим, что еще более актуален этот вопрос оказывается для Интернет-коммуникации.

Проанализированные выше материалы этой дискуссии позволяют заметить, что, при всех разногласиях, участников дискуссии объединяет то, что категорию жанра они связывают с идеей авторского творчества, а категорию формата с тем, как эта творческая продукция будет принята аудиторией, насколько она будет удовлетворять тем или иным ее потребностям, и, в связи с этим, с идеей сегментации аудитории. Иначе говоря, с идеей адресата. Именно этим обусловлен и высокий уровень динамики категории формата, и зависимость ее от динамики технических возможностей коммуникации, и тенденция к реформатированию современного радио- и телерынка.

Таким образом, пока в теории речевых жанров медленно вызревает идея актуальности последовательного распространения противопоставления семасиологического и ономаси-

ологического подходов на жанровый уровень языка, в теории массовой коммуникации уже формируется «двуграмматичный» подход к жанрам СМИ. При этом традиционная типология жанров строится на ономасиологическом подходе, представляя собой «активную» жанровую грамматику, грамматику автора; типология же форматов тем временем формирует «пассивную» жанровую грамматику – грамматику адресата.

Таким образом, мы видим, что антиномия жанра и формата есть еще один вариант универсальной языковой антиномии говорящего и слушающего, и – шире – общекоммуникативной антиномии автора и адресата.

Список литературы

1. Адмони, В. Г. Система форм речевого высказывания / Институт лингв. исследований, РАН. СПб., 1994.
2. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 250–296.
3. Лашук, О. Р. Термин «формат» в массовой коммуникации // Вестн. Моск. ун-та. 2010. Сер. 10. Журналистика. № 6. С. 36–41.
4. Месеняшина, Л. А. Диалогический жанр? // Вестн. Челяб. ун-та. 2010. № 22 (203). Филология. Искусствоведение. Вып. 46. С. 77–82.
5. Месеняшина, Л. А. Существуют ли жанры похвальбы, лести и т. п.? // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2012. Вып. 3 (51). С. 199–203.
6. Цвик, В. Л. Классическая теория жанров и современные телевизионные форматы // Вестн. Моск. ун-та. 2010. Сер. 10. Журналистика. № 6. С. 52–55.

М. В. Мурзабулатов, З. С. Аманбаева

ИСТОКИ ОБРАЗА И КУЛЬТА КОНЯ В БАШКИРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта ГНТП РБ «Республика Башкортостан: новые парадигмы общественно-политического, социально-экономического и духовно-культурного развития» в рамках научно-исследовательского проекта «Духовно-культурная жизнь народов Башкортостана: этапы и особенности развития» на 2013 г.

Рассматривается культ коня в башкирском фольклоре. Исследуются основные элементы и этапы формирования образов волшебных коней. В центре внимания образ коня Акбузата, популярного персонажа башкирского народного эпоса, выполняющего роль универсального помощника и мудрого советника главного героя.

Ключевые слова: башкирская мифология, конь, культ коня, образ волшебного коня, мифический конь, Акбузата, боевой спутник, помощник, мотив поимки коня, религиозно-мифологические воззрения, религиозно-космологическое представление народа, этапы формирования.

В народной традиции конь является одним из наиболее мифологизированных животных, воплощающих связь с потусторонним миром, со сверхъестественным.

Конь, и особенно всадник – герой или святой – выступают как противники змея, злых сил, болезней в фольклорных и изобразительных текстах (в том числе на иконах «Чудо Георгия о змие» и т. п.).

Покровителями коней считались святые всадники – Георгий-Юрий (общеславянский покровитель скота), «конские боги» Флор и Лавр у русских, Феодор (Тодор) Тирон у южных славян (день его памяти – Тодорова суббота – именуется Конски Великден, «конская пасха») и так далее¹.

Конь, исключительно белый, всегда был связан с Солнцем, с дневной ясностью, с огнем, воздухом, небесами, водой, солнечными героями, как выражение добрых человеческих устремлений в его повседневных трудах и борьбе с трудностями. Белый солнечный конь – атрибут божественных сил, постоянно борющихся со Злом, противопоставление Смерти. Таковыми были солнечная колесница у персов, а также у античных греков (Гелиос, Фаэтон, Аполлон, Фёб), у скандинавов². Ярким примером из башкирской мифологии является крылатый конь – Акбузат.

В башкирских поверьях и обрядах в качестве покровительницы и защитницы людей выступает, во-первых, сама лошадь, во-вторых, ее отдельные части – череп, шейный позвонок, шкура, волосы, ее пот, пена и помет, в-третьих, предметы, связанные с ней: узда, хомут, вож-

жи, седло, потник, выпавшая подкова, кнут и так далее. Конь обладал способностью изгонять зловредные силы и из тела человека³.

В башкирской мифологии образы коня и человека неразрывно взаимосвязаны и, дополняя друг друга, составляют единое целое. События разворачиваются не только вокруг сказочного героя, но и вокруг его волшебного коня, от которого во многом зависит успешное преодоление героем тех или иных трудностей и достижение намеченных целей⁴.

Образы волшебных коней в башкирской мифологии условно делятся на три группы. Во-первых, небесные, водные и пещерные (подземные) акбузаты, небесные хараты, тураты и кугаты, водные и пещерные (подземные) караты. Среди мифических коней этого типа, фигурируемых преимущественно в эпосе, ведущее место занимает Акбузат. Его образ наиболее полно раскрыт в эпосе «Урал-батыр», «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылу», «Идукай и Мурадым», в сказке «Зайнулла и Красота», а также в отдельных преданиях и легендах⁴. Всех акбузатов, харатов, туратов и каратов объединяет то, что они выступают в роли божественных существ, связанных с солярным и лунарным культурами, или хтонических животных, олицетворяющих небесные водные стихии (гром), демиургов, укротителей потоков земных вод, создателей гор и рек, могущественных покровителей и защитников людей.

Во-вторых, крылатые тулпары, больше всего действующие в богатырских сказках и легендах, как правило, стригунки невзрачного вида, имеют сравнительно небольшой рост,

первыми откликаются на звон уздой при выборе героями верхового коня в табуна матери или в табуна отца⁵. Они, как только батыры оседлают их и отправляются в путь, превращаются в богатырских коней. Иногда тулпары, как и мифические кони первого типа, выходят со дна моря или колодца, или сказочные герои ловят их на берегу озер и других водоемов⁶.

В-третьих, волшебные Кони-оборотни, способные вести человеческий образ жизни, преимущественно встречаются в волшебных сказках и легендах (сказки “Бузансы-батыр”, “Майсарвар”, “Юлдаш”, предание “Откуда пошел род Баштая”).

Для всех типов коней характерны в первую очередь черты тотемного животного. Все они наделены человеческим интеллектом и психикой, способностью говорить, то есть обладают признаками, характерными для тотемических животных.

В башкирской мифологии имеется еще одна группа коней, занимающая промежуточное положение, в качественных характеристиках и действиях которых присутствуют и признаки божественных коней и тулпаров и коней-оборотней – это Конь пустыни, Алатай и Акхак-кула. Они по внешнему облику и поступкам напоминают акбузатов и каратов, но не столь всемогущи, как божественные кони. В то же время они и не тулпары: во-первых, они не имеют крыльев и, во-вторых, часто выступают в роли попечителей детей и покровителей семейно-брачных отношений, могут сожительствовать с женщинами, то есть этими качествами они сближаются с конями третьего типа – сказочными прародителями и предками людей⁷.

Такие представления о коне были присущи в древности не только предкам башкир. Пережитки тотемического культа лошади обнаружены сегодня у самых различных народов мира.

Ряд исследователей связывает различные проявления культа коня в башкирском устном народном творчестве с индо-иранским или тюрко-монгольским этническим миром. Однако происхождение образов этих необыкновенных коней в башкирском фольклоре, как и в мировом, не столь однозначно⁸.

Возможно, среди этой категории коней более архаичными являются образы сверхъестественных коней, связанных с водной стихией. Как известно, вода (мировой океан) в мифопоэтических традициях народов Древнего Египта, Двуречья, Ирана, Индии и Древней Греции состав-

ляет первоэлемент, из которого возникли земля и небо, весь космос, в том числе божественные существа – творцы природы, животных и людей. По мнению отдельных исследователей, связь лошади с водой носит общеиндоевропейский характер⁸. Рудименты таких представлений прослеживаются и в башкирской мифологии – в эпосе «Урал-батыр» первоосновой жизни и природы провозглашается животворная вода⁹. Так, в эпосе, сказках и легендах кони рождаются в воде или выходят из нее.

Истоки образов небесных коней, вероятно, связаны с другой космогонической системой. В мифологии древних китайцев небо считается создателем всего сущего: воды, земли, огня, людей и так далее¹⁰. У древних тюрков и монголов Центральной Азии – Тенгри, самовозникшее обоженное небо, одновременно являлось и непосредственным проявлением неба. Он создатель всего, распорядитель судьбы человека, народа, государей, скота и так далее. Эта мысль, возможно, была экстраполирована и на животный мир – у многих народов кони спускаются с неба.

Таким образом, если культ водных коней своими корнями восходит к древнейшим индоевропейским мифологическим традициям, то истоки культа небесных коней, по всей видимости, связаны с религиозно-космологическими представлениями народов Центральной Азии, прежде всего предков тюрко-монгольских народов. Обе эти концепции нашли отражение в башкирской мифологии – водные кони как наследие индоевропейского, в первую очередь индо-иранского субстрата, небесные кони – тюрко-монгольского этнического мира, принявшего участие в раннем средневековье в формировании древнебашкирского этноса.

У башкир в нескольких версиях бытуют устные произведения, повествующие о том, как лошади пришли к людям. В сказании «Урал-батыр» богатырский конь Акбузат спускается с неба на землю после гибели своего батыра и пригоняет с собой небесных коней. В сказаниях «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылу», «Акхак-кола» и в некоторых легендах и преданиях теряются мифологические представления о выходе коней из водного мира. Мотив добывания коней, обитающих на дне озера или моря, имеет широкое распространение в фольклоре тюрко-монгольских народов¹¹.

Мотив приручения людьми лошадей и других животных связан с переходом от родового к классовому общественному строю, который

дал человечеству более надежный источник материальных благ и приобрел огромное значение в истории цивилизации. Но образы этих животных связаны с древними верованиями, представлениями. Из них наиболее полно разработан образ боевого коня, наделенного даром человеческой речи, мифическими чертами и способностью к перевоплощениям.

В изображении богатырского коня сочетаются реалистические и сказочно-фантастические элементы. Конь Акбузат, если в огонь попадет – не сгорит, в воду войдет – не утонет, ударом копыта он горы сокрушает и моря рассекает. Он родился на небесах. Акбузат, когда скачет по земле, способен поднять бурю, от мощи которой камни и скалы обрушиваются, вода в реках вспенивается.

В. Я. Пропп в известном исследовании «Морфология “волшебной” сказки» определил роль сказочного коня как универсального помощника, а всех других отнес к «частичным» и «специфическим» помощникам¹². Следует также отметить, что в сказках о подвигах конного батыра конь обычно является единственным активным помощником; другие помощники (встречные батыры, чудесные искусники-сваты, благодарные животные, дарители и советчики, наделенные необычными атрибутами) действуют преимущественно в сказках на сюжеты о похождениях пешего героя. Универсальный характер помощи, оказываемый конем батыру в башкирской сказке, получает очень последовательное традиционное поэтическое воплощение.

Особенно значительна роль богатырского коня как мудрого советника, предвещающего человеческую судьбу. Это связано с творческими отношениями сказок и легенд, например, о небесном коне Акбузате, непосредственно отразившими древний культ коня. М. М. Сагитов в статье «Отражение культа коня в башкирском народном творчестве» по этому поводу обратил внимание на башкирскую сказку «Золотой соловей» из научного архива БФ АН СССР (ф. 3, оп. 12, ед. хр. 272, с. 18), в которой чудесный конь-тулпар Акбузат указывает народу, кого избрать царем: конь находит среди толпы достойного батыра и склоняет перед ним голову – того избирают царем¹³. Следует, однако, учитывать, что легендарно-сказочный сюжет о выборе царя (короля) народом при помощи коня устно бытует или бытовал у ряда народов, например, у венгров, словаков, украинцев, белорусов.

В сказании «Урал-батыр» Акбузат и Сарат – чудесные крылатые кони – возведены в ранг богов-небожителей. Подобно многим эпическим богатырям, Урал-батыр разит врагов булатным мечом весом в семь батманов, а его боевым спутником, другом и помощником является конь.

Акбузат в эпосе «Урал-батыр» не только верховой конь батыра, помогающий ему в борьбе против демонических сил. Он выступает в нем как самостоятельный персонаж, не уступающий по уму и силе Урал-батыру, он обладает волшебными качествами.

Космический конь Харат (Харысай) в эпических произведениях башкир не получает развернутого раскрытия. Он также родился и живет на небе, является конем Луны, которая подарила его своей дочери Айхылу, а она, в свою очередь, отдала его своему сыну от Шульгена Хакмару.

Акбузат и Харат выступают рядом и в башкирских астральных мифах. Согласно одной из легенд, они взмыли в небо и до сих пор живут там, превратившись в две звезды в созвездии Малой Медведицы.

Акбузат – конь божественного происхождения, конь Солнца-праматери и верховой конь лучезарной небесной девы¹³. Урал-батыр получает небесного Акбузата в дар от дочери Солнца Хумай.

Акбузат после гибели своего батыра пригоняет с неба на Урал лошадей, которых приручают башкиры. Небесные кони становятся родоначальниками земных лошадей.

К седлу Акбузата пристегнут булатный меч, который неподвластен ржавчине и тлению. Конь Акбузат и булатный меч ранее принадлежали девушке Хумай – дочери Солнца. Получить их пытались не только богатырь Урал, но и его старший брат Шульген, и Азрака со своими дивами. Конь Акбузат им нужен для того, чтобы Урала одолеть и всех людей в руках держать.

Конь может стать другом лишь тому, кто его укротит, подчинит своей воле. Покорить коня оказалось под силу только защитнику людей – честному, благородному богатырю Уралу. Такая интерпретация мотива поимки богатырского коня в башкирском сказании является оригинальной и отличается от аналогичного мотива во многих тюркских эпосах.

В эпических сказаниях «Акхак-кола», «Кара-юрга», «Конгур-уга», в отличие от других

эпических сказаний, обозначенные животные являются не помощниками героя, а главными действующими лицами. Так, Кара-юрга похищает для своего хозяина девушку из соседнего племени. Этот мотив сохранен во всех записях. В варианте, записанном И. В. Салтыковым в 1928 г., тот же конь выступает даже соперником своего хозяина-батыра: по просьбе хозяина похищает красавицу девушку, но потом отказывается отдать ему девушку и скачет с ней через горы и моря. Кара-юрга долетает до дальнего острова и начинает с ней жить¹¹.

Своеобразие этого традиционного мотива в «Урал-батыре» заключается также и в том, что поимка коня связывается непосредственно со сватовством героя: Хумай обещает стать женой того богатыря, который сумеет укротить принадлежащего ей коня и выйдет победителем в брачных состязаниях, подняв на трех пальцах камень весом в 70 батманов.

Таким образом, в мифологии, обычаях, поверьях и обрядах башкир присутствуют все основные элементы и этапы формирования культа коня, характерные другим традициям. Наиболее древним пластом в культе коня являются тотемические представления. Предки башкир верили в тождество человека и коня, в способность их взаимного перевоплощения друг в друга и отсутствие принципиальной грани между ними. Эти убеждения послужили базой для формирования идей о происхождении отдельных групп людей от животных, в том числе и от лошади, веры в коня как в прародителя, тотемического предка. В процессе дальнейшего развития религиозно-мифологических воззрений первоначальные образы тотемических предков тесно переплелись с магико-анимистическими взглядами, постепенно превращаясь в сверхъестественные зооморфные божественные существа, покровителей людей и животных. Эта стадия развития культа коня нашла отражение в башкирской мифологии в образе небесного Акбузата (возможно, также Харата и Турата). С другой стороны, в связи с ростом роли коня в повседневной жизни и в военном деле в мифологии башкир формировался новый тип сверхъестественных коней – тул-

пары, сочетающих в себе черты как тотемических коней, так и реальных боевых спутников батыров. Особенности, которые первоначально мыслились как присущие лишь тотемным животным, были перенесены на богатырских коней сказочных героев.

Примечания

¹ Славянская мифология : энцикл. слов. / под ред. С. М. Толстая. М., 1995.

² См.: Башкирское народное творчество : в 12 т. Т. 12. Обрядовый фольклор / А. М. Сулейманов. Уфа, 1995.

³ Илимбетова, А. Ф. Культ коня у башкир // Ortaq Türk Keçmişinden Ortaq Türk Cələsəyinə : материалы II Междунар. фольклор. конф. Баки, 2004. С. 394–403.

⁴ См.: Башкирское народное творчество. Богатырские сказки. Т. III. Уфа, 1988.

⁵ Котов, В. Г. Хтоническая мифология населения Южного Урала: к вопросу о реконструкции хтонических культов по данным археологии, этнографии и фольклора : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1999.

⁶ Сулейманов, А. М. Башкирский народный архаический эпос (на башк. языке) / А. М. Сулейманов, Р. Ф. Ражапов. Уфа, 1999.

⁷ См.: Сулейманов, А. М. Башкирский народный архаический эпос... ; Сагитов, М. М. Мифологические и исторические основы башкирского народного эпоса (на башкирском языке). Уфа, 2009 ; Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М., 1990.

⁸ Башкирский народный эпос / сост. М. М. Сагитов. Уфа, 1977.

⁹ Горелов, А. А. Культурология. М., 2001.

¹⁰ Башкирское народное творчество : в 12 т. / под ред. А. И. Харисова. Т. 1. Эпос. Уфа, 1987.

¹¹ Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2000.

¹² Сагитов, М. М. Отражение культа коня в башкирском народном творчестве // Вопр. башкир. фольклористики / под ред. М. М. Сагитова. Уфа, 1978.

¹³ Боголюбовский, С. Н. Происхождение и преобразование домашних животных. М., 1959.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ ЗА РУБЕЖОМ

Когнитивная лингвистика (КЛ) – активно развивающееся направление науки о языке, формирующее свою терминологическую систему. Цель статьи – краткая история формирования КЛ за рубежом; обзор имеющихся теорий авторитетных представителей зарубежной лингвистики.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, когнитивная семантика, когнитивной грамматика.

Когнитивная лингвистика (КЛ) (Cognitive Linguistics), по мнению В. Эванс, – это современная школа лингвистической мысли¹. Все исследователи признают, что первоначально КЛ возникла в 1970-х гг. Неточности касаются самого периода: начало, середина или конец 70-х гг. Так, И. П. Сусов замечает, что возникновение КЛ явилось реакцией на бихевиористскую антименталистскую методологию исследования поведения в терминах стимула и реакции в конце 50-х гг. в США. Но «более или менее четкую форму она получает к концу 1970-х гг. благодаря формированию комплекса когнитивных наук, успехам искусственного интеллекта и нейробиологии»². П. Паршин пишет, что КЛ – наиболее распространенное название направления лингвистических исследований, сложившегося во второй половине 1970-х гг., а возникновение КЛ – это один из эпизодов общего методологического сдвига, начавшегося в лингвистике с конца 50-х гг.³ В целом КЛ касается исследования отношений между языком, сознанием и общественно-физическим опытом.

Самое первое исследование, пишет В. Эванс, в 70-е гг. XX в. проводилось небольшой группой американских ученых¹. С. Кеммер в статье «Историческое основание (Historical background)» анализирует появление КЛ и другие направления лингвистики в 70-е гг. прошлого столетия в Европе. Особый интерес вызывает обоснование необходимости исследования семантических структур всех значимых лингвистических единиц в контексте когнитивных теорий, еще только начинающих свое формирование. Так, КЛ выросла из работ ряда исследователей, работавших в 1970-е гг., которых интересовала проблема отношения языка и сознания, и которые не следовали распространенной тенденции объяснять лингвистические модели при помощи обращения к структур-

ным внутренним свойствам, характерным для языка. Скорее наоборот, ученые стремились исследовать отношение структуры языка к тому, что находится вне языка, окружает его: когнитивные принципы и механизмы, не специфичные языку, включая принципы категоризации (human categorization); прагматические принципы, а также функциональные принципы в целом такие, как иконика (образность) (iconica) и организация (economy). В. Чейф, Ч. Филлмор, Дж. Лакофф / Лаков, Р. Лангакер и Л. Талми начали разрабатывать свой собственный подход к описанию языка и лингвистической теории. Одним из важных постулатов, который разделяли все эти ученые, является то, что значение так существенно для языка и поэтому оно должно быть первичным для изучения. Поскольку, по их мнению, лингвистические структуры служат функции выражения значений, отображение между значением и формой является главным предметом лингвистического анализа. Лингвистические формы в этом смысле тесно связаны с семантическими структурами и созданы для того, чтобы их выразить⁴.

В 80-е гг. прошлого столетия, отмечает В. Эванс, когнитивное лингвистическое исследование начало укореняться на севере континентальной Европы, главным образом в Бельгии, Голландии и Германии. К концу 1980 г., согласно исследованию С. Кеммер, окончательно сформировались виды развития лингвистической теории, выполненные Ч. Филлмором, Дж. Лакоффом, Р. Лангакером (Лэнекером) и Л. Талми. Идеи Филлмора оформились в труд под названием «Фреймовая семантика» (Frame Semantics) и в сотрудничестве с другими – в труд «Структурная грамматика» (Construction Grammar: Fillmore 1988). Дж. Лакофф / Лаков хорошо известен своей работой по метафоре и метонимии (Lakoff, 1981;

1987). Идеи Р. Лангакера развились в подробно разработанную теорию сначала известную как «Грамматика пространства» (Space Grammar), а затем – «Когнитивная грамматика» (Cognitive Grammar) (Langacker, 1988). Л. Талми опубликовал ряд работ по системам лингвистического воспроизведения изображения (linguistic imaging systems) (Talmy, 1985a, b; 1988). К этому времени Ж. Фоконье под влиянием работ О. Дюкро разработал теорию ментальных пространств (Mental Spaces), которая позднее в совместной работе с М. Тернером стала теорией концептуального сочетания / концептуальной контаминацией (Conceptual Blending)⁴.

К началу 90-х гг. XX в. наблюдается рост исследований в области КЛ в Европе и Северной Америке. В 1989–1990 гг. было основано Международное когнитивное лингвистическое общество (the International Cognitive Linguistic Society) и журнал «Когнитивная лингвистика» (Cognitive Linguistic)⁵. Таким образом, можно говорить о периодизации КЛ в Европе и Северной Америке, которая включает 3 этапа: I. 1970–1980 гг. – ранние исследования (США); II. 1980–1990 гг. – распространение исследований (Европа: Бельгия, Голландия, Германия); III. 1990 гг. – по наши дни – образование Международного когнитивного лингвистического общества (the International Cognitive Linguistics Society) и журнала «Когнитивная лингвистика» (Cognitive Linguistics); дальнейшее бурное развитие и распространение.

Следовательно, «ее (КЛ – Л. П.) формирование как самостоятельного направления начинается во второй половине 70-х гг., а окончательное оформление относится к 90-м гг. XX в.»⁶.

КЛ сегодня, по признанию В. Эванс, одна из самых стремительно распространяющихся школ теоретической лингвистики с процветающими международными когнитивными лингвистическими сообществами и национальными когнитивными ассоциациями во многих странах по всему миру. Благодаря своей междисциплинарной природе, это одна из самых волнующих областей исследования в рамках когнитивной науки⁷. В тоже время, исследовательница отмечает тот факт, что КЛ (Cognitive Linguistics (CL)) (наряду со своими двумя подобластями (такими как когнитивная семантика (cognitive semantics) и когнитивные подходы к грамматике (cognitive approaches to grammar) – Л. П.) представляют скорее подход к изучению языка (language), сознания (mind) и воплощенного опыта (embodied experience),

а не одну четкую теорию. В доказательство приводится весомый аргумент следующего характера: поскольку с момента опубликования в 1980 г. основополагающего (как принято считать – Л. П.) труда Дж. Лакоффа / Лакова и М. Джонсона «Metaphors We Live By» по КЛ прошло более трех десятилетий, существует широкий круг отличных друг от друга теоретических разработок, которые по своей природе являются когнитивными, и при этом каждая содержит свои собственные термины и вокабуляр⁷. Интересно, что В. Эванс использует варианты названий когнитивной грамматики: *cognitive grammar* (когнитивная грамматика) и *cognitive grammar enterprise* (область когнитивной грамматики)⁸.

Проведем краткий обзор теорий КЛ, выполненных авторитетными зарубежными учеными. Теория концептуального сочетания / концептуальной контаминацией (Conceptual Blending), разработанная Ж. Фоконье и Л. Талми, происходит из двух традиций в рамках когнитивной семантики (*cognitive semantics*): теория концептуальной метафоры (*Conceptual Metaphor Theory*) и теория ментальных пространств (*Mental Spaces Theory*). Согласно данной теории конструкция значения (*meaning construction*) включает интеграцию структуры, которая дает начало большему, чем совокупность его частей⁹. Механизм, содействующий этому процессу, называется концептуальная интеграция (*conceptual integration*) или контаминация (*blending*). Данный механизм – это главная и основная когнитивная операция, которая является центральной по отношению к тому, каким образом мы думаем. Недавние исследования показывают, что контаминация является центральной к мышлению и воображению человека и это обстоятельство обнаруживается не только в языке человека, а также в широком ряду других сфер человеческой деятельности – ритуалы, искусство, производство и использование инструментов. Так, Ж. Фоконье и Л. Талми утверждают, что способность выполнять концептуальную интеграцию или контаминацию, возможно, является ключевым механизмом оказания помощи в развитии поведения человека на продвинутом уровне и полагается на комплексные символические способности (*complex symbolic abilities*)⁹. Помимо термина *Blending Theory* (теория контаминации) встречаются дублиеты: *Conceptual Blending Theory* (теория концептуальной контаминации), *Conceptual Integration*

Theory (теория концептуальной интеграции), Many Space Model (модель множественного пространства).

Дж. Лакофф и М. Джонсон разработали *теорию концептуальной метафоры (Conceptual Metaphor Theory)*. Исходным условием теории является то, что *метафора (metaphor)* – это не просто стилистическая черта языка, а то, что сама мысль является метафоричной по природе. Согласно такой точке зрения, концептуальная структура организована при помощи *междоменных отображений (cross-domain mappings)*¹⁰. Заметим, что теория концептуальной метафоры была впервые представлена Лакоффом и Джонсоном в 1980 г. в работе «*Metaphors We Live By*». Теория концептуальной метафоры была одной из самых первых теоретических разработок применительно к когнитивной семантике (cognitive semantics) и обеспечила многое из ранних теоретических стимулов к этому подходу к отношению между языком (language), сознанием (mind) и воплощенным опытом (embodied experience).

Теория простой метафоры (Primary Metaphor Theory) Дж. Грейди. Существует два вида метафоры: *простая метафора (primary metaphor)* и *сложная метафора (compound metaphor)*. Простые метафоры являются основополагающими, а сложные метафоры состояются из объединения (unification) простых метафор посредством процесса концептуальной интеграции (conceptual integration). Ключевым моментом является утверждение Дж. Грейди, что простые метафоры условно ассоциируются с концептами, которые одинаково являются «основными» в том смысле, что и те и другие и опытные, и воспринимаемые. Это означает, что Грейди отвергает позицию, что отличие между целью и источником метафорического междоменного отображения (cross-domain mapping) относится к абстрактным, а не к конкретным концептам. Вместо этого автор теории простой метафоры придерживается мнения, что отличие между целью и источником относится скорее к «степени субъективности».

Ч. Филлмор и его соавторы разработали теорию грамматики под названием *Конструкционная грамматика (Construction Grammar)*. Так, Ч. Филлмор и П. Кей сформулировали некий *символический тезис (symbolic thesis)* в качестве основы для теории грамматики¹¹. Данная теория гласит, что определенные сложные грамматические конструкции (com-

plex grammatical constructions), в частности идиоматические выражения (*idiomatic expressions*), имеют такое значение, которое невозможно предсказать на основе их частей и, следовательно, оно хранится в памяти как единое целое.

Конструкционная грамматика (Construction Grammar) А. Голдберг представляет собой модель, сфокусированную на конструкциях глагольного аргумента (*verb argument constructions*). Одним из достижений А. Голдберга было внедрение в конструкционную грамматику полученных из когнитивной семантики (cognitive semantics) идей полисемии (*polysemy*) и метафоры (*metaphor*). Такой подход обнаруживает, что грамматика представляет такого же рода явления, как и другие лингвистические единицы, например, слова¹².

Теория концептуальной метафоры (Conceptual Metaphor Theory) оперирует таким понятием, как *отображения (mappings)*. Отображения такого рода удерживаются в долговременной памяти и служат для структурирования одного концептуального домена (conceptual domain), так называемого *целевого домена (target domain)*, в терминах другого домена – *домена источника (source domain)*. *Междоменные отображения (cross-domain mappings)* призваны обеспечить один из ключевых способов, по которому организована *концептуальная система (conceptual system)*¹³.

Воплощенная конструкционная грамматика (Embodied Construction Grammar) – теория конструкционной грамматики, недавно разработанная Б. Бергеном и Н. Чанг. В этой модели акцент сделан на обработке языка, в частности на понимании и осмыслении языка. Данная модель принимает за должное осмысление языка непосредственно в процессе (*on-line processing*): конструкции образуют основу лингвистического знания и дальше эта модель сосредотачивается на том, как конструкции продвигаются в ходе осмысления языка¹⁴. Данная модель сосредотачивается на том, как конструкции данного языка относятся к «*воплощенной*» *когниции (embodied cognition)* в процессе понимания языка и как конструкции языка вызывают воспроизведение (simulation).

Теория лексической репрезентации и семантической композиции – теория LCCM (LCCM Theory), разработанная В. Эванс, придерживается руководящих принципов когнитивной семантики (*guiding principles of cognitive semantics*) и руководящих принципов когнитив-

ных подходов к грамматике (guiding principles of **cognitive approaches to grammar**). Свое название теория получает от двух центральных феноменов, на основе которых она строится: форма слова *лексического концепта* (*lexical concept*) и *когнитивная модель* (*cognitive model*). Позволим себе подробнее описать теорию В. Эванс, поскольку в литературе на русском языке она практически не упоминается. В теории LCCM (LCCM Theory) значение (meaning) ассоциируется с высказыванием (utterance). Дело в том, что существует фундаментальное отличие между *лексическими концептами* (*lexical concepts*) и *значением* (*meaning*)¹⁵. В то время как лексические концепты основывают семантические единицы, ассоциируемые с лингвистическими формами, и образуют неотъемлемую часть индивидуальной ментальной грамматики языка пользователя, значение является свойством скорее высказывания, нежели индивидуальных слов или лингвистических единиц. Таким образом, значение трактуется не как непосредственно функция языка, а является результатом использования языка. Данная теория развивает значимость происхождения лексических концептов и энциклопедического знания, к которому лексические концепты обеспечивают доступ. Важными являются и механизмы *интеграции лексического концепта* (*lexical concept integration*): *отбор лексического концепта* (*lexical concept selection*) и *синтез* (*fusion*), который способствует тому, как лексические концепты интегрируются для того, чтобы служить в качестве подсказок в процессе *концептуализации* (*conceptualisation*). Понимание достигается благодаря процессам *интеграции лексического концепта* (*lexical concept integration*), управляемыми *контекстом* (*context*) и процессами *скрытой когниции* (*backstage cognition*).

Теория *ментальных пространств* (*Mental Spaces Theory*) разработана прежде всего Ж. Фоконье. Это теория конструирования

динамического значения: когда мы думаем и говорим, мы устанавливаем ментальные пространства. *Ментальное пространство* (*a mental space*) служит для того, чтобы формировать временную структуру, как из контекста, так и из долговременной памяти с помощью процесса, известного как *введение схемы* (*schema induction*)¹⁶.

Таким образом, в широком смысле КЛ – это когнитивная семантика (cognitive semantics) и когнитивные подходы к грамматике (cognitive approaches to grammar). В более узком понимании, исследования по КЛ в работах зарубежных исследователей представляют собой ряд оригинальных теорий в области семантики и грамматики. При этом не во всех теориях наблюдается разграничение последних.

Примечания

¹ Evans, V. A Glossary of Cognitive Linguistics. Edinburgh, 2007. 252 p.

² Сусов, И. П. История языкознания. М., 2006. С. 263.

³ <http://krugosvet.ru>

⁴ <http://www.cogling.org/frconfs.shtm>

⁵ Evans, V. A Glossary of Cognitive Linguistics... P. vi.

⁶ Пименова, М. В. Концептуальные исследования. Введение : учеб. пособие / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. М., 2011. С. 16.

⁷ Evans, V. A Glossary of Cognitive Linguistics ... P. vii.

⁸ Там же. С. 32.

⁹ Там же. С. 12.

¹⁰ Там же. P. 34–35.

¹¹ Там же. P. 43.

¹² Там же. P. 44.

¹³ Там же. P. 52.

¹⁴ Там же. P. 67.

¹⁵ Там же. P. 120.

¹⁶ Там же. P. 135–136.

Н. А. Разливинская

КОГНИТИВНО-ОБРАЗНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ИНТЕРСЕМИОТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА ФРЕЙМ-СЦЕНАРИЯ «РОК» (на материале пьесы «Отелло» и кинотекста Д. Миллера)

Проводится когнитивное исследование механизмов интерсемиотического перевода пьесы «Отелло». Выделяется инвариантная образная структура вербального текста, которую можно представить в виде фреймов-сценариев, определяющих построение кинотекста. Детальное изучение ассоциативно-образных цепочек позволяет выявить особенности восприятия сюжетной линии и интерпретации данного фрейма посредством иконико-символических знаков при интерсемиотическом переводе.

Ключевые слова: кинотекст, сценарий, фрейм, интерсемиотический перевод, образ.

В фокусе нашего исследования находятся механизмы перевода вербального текста в кинотекст, который является примером поликодового текста. На протяжении последнего столетия появилось немало специфических поликодовых систем, построенных на соединении текстов различной семиотической природы. Сначала кинематограф, затем телевидение стали неотъемлемой частью жизни современного общества, что позволяет сделать вывод о заметном повышении роли смешанных вербально-изобразительных поликодовых форм в культуре нового тысячелетия.

Проблема корреляции художественного текста и кинотекстов привлекала внимание многих ученых (Р. Барт, Ж. Делез, Р. Якобсон, Ю. М. Лотман, Г. Г. Слышкин, У. Эко, А. Г. Соин). Чтобы перевести художественный текст в кинотекст, необходимо создать его концептуальную модель, которую возможно будет реализовать в кинотексте. При решении исследовательских задач для моделирования концептов предпочтительнее использовать единицы когнитивистики (фреймы, гештальты, скрипты, сценарии и так далее), обладающие более жесткой, нежели концепт, структурой. Фреймы-сценарии вырабатываются в результате интерпретации текста, когда ключевые слова и идеи текста создают тематические («сценарные») структуры, извлекаемые из памяти на основе стандартных, стереотипных значений, приписанных терминальным элементам [4. С. 187].

Н. Н. Болдырев определяет фрейм-сценарий как «динамически представленный фрейм, разворачиваемую во времени определенную последовательность этапов, эпизодов» [3. С. 37].

Вслед за этими исследователями фреймы-сценарии, или «скрипты», определяются нами

как когнитивные структуры, описывающие нормальную последовательность событий в частном контексте, в нашем материале в контексте драматического произведения У. Шекспира.

Кинотекст является продуктом творческой переводческой интерсемиотической деятельности, так как в широком смысле перевод можно представить как сложную системную деятельность, способную интерпретировать знаки одной семиотической системы знаками другой. В случае перевода художественного произведения в кинотекст мы имеем дело с интерсемиотическим переводом, впервые выделенным в отдельный вид перевода известным лингвистом Р. Якобсоном. «Перевод интерсемиотический – передача данного содержания не средствами того же или другого естественного (“словесного”) языка, а средствами какой-либо несловесной семиотической системы, такой как хореография, музыка и т. п., с одной стороны, и информационно-логические языки – с другой» [1. С. 317]. Следовательно, визуальный образ, получившийся в результате интерпретации лексической и семантической репрезентации, является значимым фактором, влияющим на представление всей семантической макроструктуры произведения. Значимость иконической информации обуславливается природой поликодового текста. «Именно содержание рисунка определяет структуру семантической сети, но с началом семантической обработки вербального текста концепты, совпадающие с базовыми, усиливаются, в то время как не согласующиеся с базой концепты преимущественно ингибируются» [6. С. 36].

Задача данной статьи – рассмотреть механизм перекодирования вербального текста с помощью интерсемиотического перевода в ико-

У

О

Х

ническо-символическую образную структуру кинотекста, особенности репрезентации основных фреймов-сценариев в поликодовом пространстве и механизм проецирования образно-семантической системы исходного текста.

При интерсемиотическом переводе смысловое пространство текста делится на определенные логические составляющие, причем компоненты и отношения между ними можно изобразить в виде схемы (рис.).

Такой схемой, по мнению С. А. Алексеева, является ассоциативно-образная структура (АОС), «гипотетическая структура, иллюстрирующая систему отношений вербального, визуального и понятийного уровней художественного текста. В основе нее лежат представления, образы, связанные с вербальным уровнем при помощи ассоциаций, для каждого текста структура уникальна, а главное – сопоставление структур оригинала и перевода позволяет определить эквивалентность перевода» [2. С. 8].

Мы разделяем точку зрения Д. В. Псурцева, который предлагает следующий алгоритм для анализа образности. Сначала устанавливается линейная ОАС на «структурно-семантическом» уровне – имеется в виду семантическое сходство отдельных единиц, разбросанных по тексту. Далее рассматриваются те единицы текста, которые выделяются из общего пространства «в первом приближении» («промежуточно-надлинейное выдвигание») [5. С. 97]. При составлении образа с точки зрения текста как единого произведения мож-

но говорить о надлинейных образно-ассоциативных связях на уровне построения смысла текста, где значимую роль играют символическо-иконические образы, которые оперируют семантическими представлениями и находятся на более высоком уровне репрезентации макросмысла текста. Связи и отношения между элементами трех планов образной структуры текста (вербальный, визуальный, понятийный) отображаются при помощи соединительных линий, коннекторов.

Общий образ роковой предначертанности событий является типичным для творчества У. Шекспира, исследование которого может дать релевантный материал для изучения шекспировского творческого наследия. Образная структура фрейм-сценария «Рок» в вербальном тексте пьесы «Отелло» может быть представлена в виде следующей схемы, где на оси ОХ выстраивается количество элементов языковой экспликации в тексте, тогда как на оси ОУ мы приблизительно отмечаем границу между качественно различными уровнями: вербальным, визуальным и понятийным:

В представленном выше фрейм-сценарии мы можем встретить следующие коннекторы: ассоциативно-образные коннекторы (рок – знамения – смерть);

структурно-семантические коннекторы *fortune, fate; wretched – ill – cursed – unblest; tezaray-* русские коннекторы *die, bode, weep, moon, mind* лексико-семантического поля «Дурные знамения»; коннекторы аналогии (судьба служжан-

ки Барбары – She was in love, and he she loved proved mad And did forsake her – переключается с судьбой Дездемоны).

Общий образ роковой предначертанности эксплицируются и в пространственно-временных отношениях текста. Поспешные действия персонажей репрезентируют концепт «Опрометчивость», что находит свое выражение и в лексической экспликации фрейма, с помощью лексемы *rash* (*Sir, he is rash and very sudden in choler; Why do you speak so startlingly and rash?; Where is this rash and most unfortunate man?*). В репрезентации образа «Дурные знамения» значительную роль играют культурно закрепленные плохие приметы, несущие отрицательную прагматическую окраску – завывание ветра, положение луны, упоминание о покойниках. С помощью них автор эксплицирует влияние судьбы на поведение персонажей, что создает образ предначертанности событий, усиливающий концепт «Трагедия», важный для жанровой отнесенности произведения. Проведя когнитивно-образный анализ экспликации фрейма-сценария «Рок», мы выделили семантически-образную макроструктуру исходного текста – концепты «судьба», «несчастье», «предначертанность», «дурные знамения».

При переводе представленного выше фрейма в поликодовый текст (кинотекст) образная структура остается неизменной, изменяется только количественное наполнение основных системообразующих концептуально-категориальных признаков. Наблюдается значительное развертывание фрейм-сценария «Рок» в кинотексте Д. Миллера благодаря включению в контекст повествования иконической репрезентации большого количества дурных примет, выражающих концепт «Рок», например, череп на столе у Дездемоны, актуализирующий признаки данного концепта благодаря коннекторам аналогии – смерть – дурная примета – судьба. Развертыванию подвергается репрезентация природных примет «(DESDEMONA) Hark! who is't that knocks? (EMILIA) It's the wind...», где добавляются удары грома, функционирующие как предзнаменование беды, благодаря ассоциативно-образным коннекторам *ветер – буря – гром – беда* нужный эффект возникает вследствие влияния культурно-закрепленной метафоры «Буря – несчастье – проявление сверхъестественных сил».

Проанализировав особенности интерсемиотического перевода при экспликации фрейм-сценария «Рок», мы пришли к следующим выводам. Фрейм-сценарии исходного текста пере-

даются как вербальными, так и иконическими средствами, причем символично-иконическое пространство служит для более яркой и запоминающейся экспликации наиболее значимых образов, представленных в исходном художественном тексте. Изобразительно-знаковая составляющая кинотекста представляет собой результат интерсемиотического перевода вербальной репрезентации фреймов, где смыслы исходного текста актуализируются и интерпретируются ассоциативно-образным способом, что является проявлением индивидуальных особенностей когнитивной переводческой деятельности автора кинотекста. Следовательно, интерсемиотический перевод является важным инструментом интерпретации глубинной семантической структуры текста, позволяющий адекватно перевести когнитивно-образную структуру исходного текста в кинотекст.

Список литературы

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М., 2004. 576 с.
2. Алексеев, С. А. Когнитивные модели как средство сопоставления образности в оригинале и переводе // Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та. 2004. Вып. 488. Перевод и стилистические ресурсы языка. С. 5–20
3. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика : курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2001. 123 с.
4. Демьянков, В. З. Фрейм / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой // Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой. М., 1996. С. 187–189
5. Псурцев, Д. В. Смыслоформирующий аспект образно-ассоциативных компонентов художественного текста (на материале англоязычной художественной литературы) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 187 с.
6. Сонин, А. Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Электронный ресурс]. М., 2006. 44 с. URL: <http://psycholing.narod.ru/auto/sonin-auto2.htm>.

Список источников

1. Shakespeare, W. Play Script – Text Romeo and Juliet [Electronic resource]. URL: <http://www.william-shakespeare.info/script-text-romeo-and-juliet.htm>.

ИЗОБРАЖЕНИЕ БОЕВОГО КОНЯ В РУССКИХ БОГАТЫРСКИХ БЫЛИНАХ

Рассматривается вопрос о среде формирования русского героического эпоса. На примере того, как в былинах показан богатырский боевой конь, приводятся аргументы в пользу профессиональной военной принадлежности их создателей.

Ключевые слова: *богатырские былины, защитный комплекс, боевой конь, информация, информационная доминанта, информационный след, социальная среда, вооружение.*

Вопрос происхождения русского героического эпоса является одним из наиболее сложных в отечественной фольклористике. Его контекст включает в себя и проблему среды формирования богатырских былин. Длющийся уже на протяжении полутора веков спор выявил два основных варианта ее решения: сторонники первого рассматривают былины Киевского цикла как продукт творчества дружинных и придворных певцов (аристократическая теория), их оппоненты настаивают на версии крестьянского происхождения героического эпоса. При этом для последних одним из наиболее весомых аргументов является тот факт, что былины были записаны именно в крестьянской среде, к тому же еще и географически оторванной, а то и изолированной от территорий, на которых возникла и развивалась Киевская Русь и где действительно существовали княжеские и богатырские дружины. Однако важно отметить, что среда бытования фольклорного произведения и среда его формирования не всегда совпадают. Фольклористика знает немало примеров, когда текст, отражающий мироощущение одной социальной группы становился популярным в среде, не имеющей к его созданию никакого отношения. И здесь самое время вспомнить известный тезис В. Г. Белинского о том, что не все народно, что бытует в народе.

При решении вопроса происхождения фольклорного произведения гораздо важнее оказывается не от кого оно было записано, а чье мировоззрение и мироощущение выражает, какой жизненный опыт нашел в нем свое отражение. И в этом отношении богатырские былины никак не подходят под определение крестьянского творчества. Их информационная доминанта явно указывает на то, что крестьянство не могло быть создателем данных произведений. Русские богатырские былины демонстрируют потрясающую осведомленность своих создателей во

всем, что касается подготовки конного воина, то есть представителя того рода войск, который в средневековом обществе комплектовался исключительно профессионалами. Героический эпос несет в себе информацию о стратегии и тактике оборонительного и наступательного боя конных отрядов, особенностях разных видов поединка (между тяжеловооруженными рыцарями, между легковооруженными рыцарями, между рыцарем и степняком). Его создатели точно описывают вооружение и защитный комплекс конного воина. Если учесть, что рассматриваемые былины создавались в XI–XIII вв., то есть в тот исторический период, когда социальные низы перестали играть в государстве какую-либо военную роль и, следовательно, уже не обучались воинскому искусству, то подобная осведомленность в военном деле вызывает удивление, но только в том случае, если рассматривать богатырский эпос как продукт крестьянского творчества. А вот если видеть в качестве его творцов дружинных певцов, то тогда все встает на свои места.

Рассмотрим все вышесказанное на примере того, как в былинах Киевского цикла описывается важнейшая составляющая богатырского вооружения – боевой конь. Интересно, что былины много и подробно рассказывают о процессе седлания коня, но ничего не говорят о его защите, о конских боевых доспехах. В связи с этим важно отметить, что некоторые исследователи истории русского оружия (например, М. В. Горелик¹) высказывают сомнения в том, что на Руси вообще применялись конские доспехи, другие же (А. Ф. Медведев², А. Н. Кирпичников, Е. В. Черненко³) говорят об их ограниченном применении в борьбе с кочевниками и активном использовании в столкновениях с европейским рыцарством. Представляется, что сторонники конского доспеха все же правы. И печенеги, и половцы защищали своих коней,

поэтому вряд ли русские всадники выходили на бой с ними без должной защиты своих скакунов. Это означало сделать их легкой мишенью для вражеских стрел и дротиков и тем самым заранее обречь себя на поражение. Другое дело, что тяжелая броневая защита здесь была непригодна. Это было связано не только с высокой маневренностью печенежских и половецких отрядов (тяжелая защита русского коня делала бы его малоподвижным), но и с природно-климатическим фактором: многие походы русских князей в степь продолжались несколько дней, а то и недель, при этом коней даже не расседывали, так как в случае внезапного нападения кочевников всегда нужно было иметь возможность вскочить в седло и вступить в бой. Очевидно, именно этим и объясняется тот факт, что в былинах богатырь седлает коня только тогда, когда отправляется из дома в «чисто поле», но если говорится о пребывании витязя на приграничной территории или территории врага (в поле), то ни о каком седлании речь уже не идет: богатырь, даже после долгого сна, просто вскакивает на «своего добра коня», а это означает, что конь уже оседлан и готов к бою, как мы это видим в былинке «Бой Добрыни с Дунаем»:

*Пробуждался наш Добрыня от крепкого сна,
Он легко-скоро скакал да на резвы ноги,
Закричал он, зазычал громким голосом:
Уж ты, конь мой, конь да лошадь добрая!
Ты топерице бежи, конь, из чиста поля...»
Услыхал во чистом поле его добрый конь.
Он бежал к ему да скоро-наскоро.
Скакал тут Добрыня на добра коня,
Да поехали богатыри на три поприща...*

(Григорьев⁴, II, № 21)

Поэтому легко себе представлять, что было бы в степи в летнюю жару с животными, облаченными в тяжелые пластинчатые доспехи европейского типа, сколько бы под ними скапливалось пота, какое бы раздражение на коже и какие раны это вызвало и как бы это все отразилось на состоянии коня. Следовательно, если в степном походе и использовался конский доспех, то, очевидно, предельно облегченный, наподобие тех, что применяли сами кочевники.

Все это дает основание предположить и то, что если у богатырей в степи кони не оседланы, это означает их демонстративное нежелание сражаться, как мы это видим в былинке «Илья Муромец и Калин-царь», где богатыри во главе с Самсоном Самойловичем сначала отказыва-

ются бить поганых вместе с Ильей Муромцем, а затем, предварительно оседлав коней, приходят ему на помощь.

Вообще, судя по существующим исследованиям, Русь не была родиной конского доспеха. Здесь использовались боевые комплекты, разработанные как на Востоке (степной вариант), так и на Западе (европейский вариант). Возникает вопрос: пользовались ли былинные богатыри конским доспехом, если никакого его описания, а равно как и описания процесса облачения в него боевого коня эпические песни не дают? Очевидно, все же пользовались, и следы этого в дошедших до нас былинах все же сохранились, хотя их информационный след крайне слаб и расплывчат. Вероятно, это объясняется тем, что былины сохранила для нас социальная среда, предельно далекая от той, в которой складывался богатырский эпос. Для крестьянина, который в лучшем случае запрягал свою лошадь в телегу или в плуг и жил спустя столетия после описанных событий, процесс подготовки боевого коня был, конечно, абсолютно непонятен, поэтому информация, связанная с ним, передавалась механически, неосмысленно и вследствие этого подвергалась активной диффузии. В конечном итоге это привело к полномасштабному информационному сбою. Поэтому былины практически утратили сведения о конском доспехе. Но поскольку полностью информация исчезнуть все же не может, попытаемся отыскать ее следы в дошедших до нас эпических песнях.

Во-первых, хоть и смутное, но упоминание о конском доспехе в былинах все же есть. Так, в былинке «Застава богатырская» Илья Муромец говорит:

*Ох вы ой еси, русские богатыри!
Вы седлайте-уздайте да коня доброго,
Вы кладите всю сбрую да лошадиную,
Кладите всю приправу богатырскую.*

(Ончуков⁵, № 1)

Очевидно, упомянутая здесь «приправа богатырская» и есть конский доспех, который, действительно, надевался в последнюю очередь. Еще один подобный пример находим в былинке «Добрыня Никитич и Василий Казимирович»:

*Как из далеча, далеча, из чиста поля
Два коня бегут, да два могучие
Со всею сбруюю богатырскую.*

(Гуляев⁶, № 10)

Другим косвенным свидетельством наличия у русских богатырей конских доспехов является описание процесса седлания боевого коня. Как правило, в былине это выглядит так:

*Стал добра конь он заседывать:
На коня накладывает потничек,
А на потничек накладывает войлочек...
А на потничек подкладывает подпотничек,
На подпотничек седелко клал черкасское...
И подтягивал двенадцать подпругов
шелковых,
И шпилечки он втягивал булатные,
И стремяночки покладывал булатные,
Пряжечки покладывал он красна золота...
(Гильфердинг⁷, II, № 75)*

*Седлал Бурка в седлышко черкасское...
Он на потнички да клал войлочки,
Клал на войлочки черкасское седлышко,
Всё подтягивал двенадцать тугих подпругов.
Он тринадцатый клал да ради крепости...
Подпруги были шелковые,
А шпеньки у подпруг все булатные...
(Гильфердинг, II, № 148)*

Как видим, процесс седлания богатырского коня в таком изображении вызывает одно лишь недоумение. Прежде всего обращает на себя внимание довольно странное седло, в котором не то 12, не то 13 подпруг, тогда как у обычного (в том числе и крестьянского) седла их всего одна или две, и только у так называемых ковбойских седел, предназначенных для родео, число подпруг может достигать до четырех. Во-вторых, под седлом мы видим какой-то слоеный пирог из потников, подпотников и войлоков, что тоже не соответствует технологии седлания. Получается, что исполнители былин (крестьяне!) понятия не имели о том, как оседлать коня, если в итоге нарисовали такую фантазмагоричную картину. Вряд ли это так: ведь в тех местах, где были записаны былины, лошади в крестьянских хозяйствах использовались, да и верховая езда там тоже практиковалась.

Тогда в чем же дело? А скорей всего в том, что процесс седлания боевого коня в домонгольской Руси был настолько сложен и настолько отличался от простого крестьянского варианта Нового времени, что произошел очевидный информационный сбой. В итоге крестьянские исполнители пытались свести его описание к процессу, более им понятному, а неизвестные детали экипировки или отбрасывали,

или «приспосабливали» по своему разумению. На самом деле, конечно, никакого «слоеного пирога» под богатырским (рыцарским) седлом не было: сначала на спину лошади накладывался потник, а затем устанавливалось седло. Правда, иногда, в случае использования тяжелой защиты воина, когда масса последнего значительно возрастала, чтобы не сбить спину коня, приходилось использовать дополнительный амортизатор, помещаемый между потником и седлом. Очевидно, он и имеется в виду, когда в былинном тексте говорится о «подпотничках». Кстати сказать, этот дополнительный амортизатор чаще всего упоминается именно в связи с Ильей Муромцем – самым могучим и, следовательно, самым тяжелым из русских богатырей.

Что касается упоминаемых в былинах войлоков, то они помещались не под седлом, а укладывались на него для того, чтобы воину было удобнее и соответственно мягче сидеть. Это называлось подкладом. Чаще всего для него использовался именно войлок, реже в этой роли выступала кожаная подушка, наполненная шерстью или пухом. В домонгольский период удобство посадки и большую устойчивость всаднику обеспечивал также «живец» – кожаная полоса, натянутая между луками седла. Скорей всего, часто упоминаемая в былинах тринадцатая дополнительная подпруга и есть упомянутый «живец»:

*Да застегивал двенадцать тугих подпругов,
Да тринадцатый тянул через хребетную
стену, –
Да не ради бы басы, да ради крепости,
Еще ради бы опоры богатырского.
(Григорьев, II, № 233)*

При этом остается вопрос: что же тогда имеется в виду под остальными десятью подпругами? Ясно, что в таком количестве никакого отношения к креплению седла они иметь не могли, и только крестьянская фантазия приписала им это назначение. Очевидно, речь идет о конском доспехе, представлявшем собой комплекс из нескольких деталей с индивидуальным креплением. К сожалению, в древнерусских письменных источниках нет описания конского доспеха, но с большой долей уверенности можно говорить, что доспехи, применяемые в сражениях с кочевниками, мало чем отличались от традиционного восточного защитного комплекта, описание которого дает,

например, Джованни дель Пано Карпини⁸: «Прикрытые лошади они делят на пять частей: с одной стороны одну, а с другой стороны другую, которые простираются от хвоста до головы и связываются у седла и позади седла на спине и также на шее; также на крестце они кладут другую сторону там, где соединяются связи двух сторон; в этом куске они делают отверстие, через которое вставляют хвост, и на грудь также кладут другую сторону. Все части простираются до колен или до связок голеней; и перед лбом они кладут железную полосу, которая с обеих сторон шеи связывает с выше-названными сторонами»⁹. Таким образом, восточный конский доспех представлял собой систему из двух боковин с нагрудником, нижний край которых опускался ниже колен лошади, накрутника, нашейника и сплошной конской маски, которая закрывала всю голову животного, за исключением глаз и рта. Итого пять деталей с парой креплений каждая, то есть в сумме мы получаем искомые десять подпруг (а в данном контексте крепежных ремней). Итак, 10 ремней доспеха плюс 2 ремня седла и дают те самые 12 (ремней) подпруг, о которых постоянно говорится в былинах (плюс «живец» – тринадцатая подпруга).

Еще одним подтверждением того, что русские былинные богатыри используют в степи легкие конские доспехи, является использование ими плети как средства конновождения. Тяжелая броневая защита делала плеть абсолютно бесполезной, и ее заменяли шпоры. Кстати сказать, еще одна причина использования плети крылась в особенностях седла, применяемого в степном бою. Для того чтобы в условиях скоротечного маневренного боя всадник был более подвижным и мог легко поворачиваться в седле и стрелять из лука или наносить удары, оно снабжалось низкими луками, которые в свою очередь определяли короткие, но широкие стремена. Это давало возможность воину, приподнявшись на них и удерживаясь только шенкелями (шенкель – внутренняя, обращенная к лошади часть ноги от колена до щиколотки), балансировать корпусом и, амортизируя ногами, вести прицельную стрельбу из лука в любую сторону. Удобство заключалось в том, что воин избавлялся от тряски во время скачки: стоя на коротких стременах он сохранял корпус в относительном покое даже на быстрых аллюрах. Но при такой посадке использовать шпоры было опасно, так как они могли серьезно поранить коня, поэтому всадники применя-

ли нагайку. Очевидно, поэтому богатырские былины ничего не говорят о шпорах, но при этом не забывают упомянуть стремена и плеть:

*И берет он плетку шелкову в белы руки,
А он бьет коня да по крутым ребрам...*
(Гильфердинг, II, № 75)

Бил Илья коня по крутым ребрам...
(Ончуков, № 26)

*Брали молодцы коней за шелков повод,
И вставали в стременишки голяшине...*
(Гуляев, № 10)

Ставал во стремя вальцатое...
(Кирша Данилов¹⁰, № 26)

Кстати сказать, золотые пряжки и голяшные, вольчатые (то есть точеные, резные, красиво отделанные) стремена не являются большим преувеличением. Их роскошь и цена являются не столько эпической гиперболой, сколько отражают реальное положение вещей. Дорогая упряжь и дорогой защитный комплект, которыми пользовались как князья и бояре, так и высшие дружинники, действительно, представляли собой высокие образцы средневекового украшенного оружия, при отделке которых использовались и драгоценные металлы, и художественнаяковка.

Привлекает в былинах внимание и тот факт, что богатыри часто сами запрягают своих коней и сами облачают их в боевые доспехи. Это не случайно. Рыцарский кодекс предписывал воину, самому готовить коня перед сражением («во все вникать самому», как писал Владимир Мономах в своем «Поучении»), чтобы быть уверенным, что в ответственный момент твой конь тебя не подведет. Поэтому мы и видим, как в былинах Добрыня Никитич сам седлает коня перед сражением со Змеем, Илья Муромец – перед битвой с царем Калином, Потап Артамонович – перед битвой с войском Скурлы-царя. Но при этом Константин Леонидович, отправляясь в дальнюю поездку (то есть не собираясь сражаться), сам коня не седлает. Это менее ответственное дело всегда поручалось слугам:

*Выходил на крылечко на красное:
«Конюхи, приспешники!
Оседлайте скоро мне добра коня...»*
(Кирша Данилов, № 26)

Таким образом, даже в условиях сильнейшего информационного сбоя, вызванного длительным хранением былин в изначально чуждой им социальной среде, эпические тексты все же сохранили следы информации, отражающей жизненный и профессиональный опыт дружинно-рыцарского сословия, что явно указывает на него как на наиболее вероятного создателя этих произведений.

Примечания

¹ Горелик, М. В. Оружие Древнего Востока. М., 1993.

² Медведев, А. Ф. К истории пластинчатого доспеха на Руси // Совет. археология. 1959. № 2. С. 119–134.

³ Кирпичников А. Н. Конское боевое наголовье первой половины XIII в. из Южной Киевщины / А. Н. Кирпичников, Е. В. Черненко // Славяне и Русь. М., 1968.

⁴ Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. Т. II. Прага, 1939.

⁵ Печорские былины. СПб., 1904.

⁶ Былины и песни южной Сибири. Новосибирск, 1952.

⁷ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Т. I–III. М.–Л., 1949–1951.

⁸ Джованни дель Плано Карпини, член ордена миноритов (одно из подразделений ордена францисканцев), вместе с францисканцами Бенедиктом из Польши и Стефаном из Чехии был послан папой Иннокентием IV к великому хану Гуюку. Формальная цель этой поездки – попытка обращения монголов в христианство, а фактически это была хорошо подготовленная разведывательная миссия.

⁹ Джованни дель Плано Карпини. История монголов. М., 1997.

¹⁰ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М. ; Л., 1958.

КОНТАКТИРОВАНИЕ ЛИНГВЕМ КАК ОТРАЖЕНИЕ ДИНАМИКИ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЙ СИСТЕМЫ УРАЛО-ПОВОЛЖСКОГО РЕГИОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассматривается проблема построения функциональной языковой макромоделли Урало-Поволжского региона через базовые понятия «языковая ситуация» и «социально-коммуникативная система». Социолингвистическое описание гетерогенной динамической системы Урало-Поволжья и контактных явлений, отраженных в идиомах, компонентах социально-коммуникативной системы, представляется как возможный способ описания функционирования взаимодействующих языков.

Ключевые слова: билингвизм, идиомы, социально-коммуникативная система, языковая ситуация.

Этноязыковое многообразие регионов Российской Федерации находится в центре внимания исследователей-социолингвистов и подвергается тщательному анализу. Одним из способов описания языковой жизни социума является возможность охарактеризовать ситуацию через процесс языкового взаимодействия, который сопровождается билингвизмом, а также посредством определения причин и результатов такого взаимодействия.

Социальные факторы вносят изменения в объем функционирования того или иного языка. Выбор языка/ языков, интенсивность их взаимодействия, направленность развития билингвизма/ полилингвизма социально обусловлены [1]. Обозначенные процессы входят в содержание понятия «языковая ситуация», которое используется в последние десятилетия активно, но не однозначно. Делаются попытки описания языковой ситуации политологами, этнологами, социологами. Количество публикаций по данной проблеме постоянно увеличивается. В связи с этим следует отметить специфику социолингвистической проблематики, ориентированной на различение функциональной и субстанциональной сторон языка в соответствии с микро- и макроаспектом исследования. Но и в рамках социолингвистического направления изучение языковой жизни регионов Российской Федерации еще не завершено. Одной из причин, согласно мнению российских социолингвистов В. А. Виноградова, В. Ю. Михальченко, является использование разных подходов и различного понятийного аппарата [3].

Языковая ситуация Урало-Поволжского региона Российской Федерации имеет характер-

ные особенности, которые представляют научный интерес в целях определения функциональной значимости контактирующих лингвем и анализа разнообразных факторов, влияющих на состояние и динамику социально-коммуникативной системы в целом. Описание особенностей языковой ситуации Урало-Поволжского региона Российской Федерации в общих чертах включает ряд положений, отражающих сложность и неоднозначность рассматриваемых явлений, среди которых, например, характеристика численности этносов по региону в целом и в каждой отдельной административно-территориальной единице, не совпадает со статусной характеристикой этнической общности. Эмпирические данные о смене языка, собранные в ходе социолингвистического обследования, показывают неоднозначность сложившихся ситуаций. Например, А. И. Кузнецова свидетельствует, что «каратаи, терюхане и шокша – общности, сохранившие свое этническое самосознание несмотря на смену языка. Первая группа мордвы (каратаи) – с татарским языком, вторая группа (терюхане) – с русским, третья группа (шокша) – с эрзянским самосознанием, но с языком, испытавшим большое влияние мокшанского» [10. С. 27]. Наличие или отсутствие собственной языковой среды у контактирующих этнических групп существенно влияет на процесс коммуникации, в результате происходит смена не только языка, но и самоидентификации. В ходе полевых исследований в этнически смешанных поселениях Урало-Поволжья обнаружена замена этнической идентичности ее носителей с удмуртской на татарскую [7]. Межъязыковое понимание возможно лишь при непосредственном речевом общении

на одном из взаимодействующих языков с помощью билингвов, владеющих этими языками.

Для описания контактологических явлений обратимся к термину «билингвизм», употребляемому в научной литературе не менее активно. В кратком словаре В. М. Панькина и А. В. Филлипова «Языковые контакты» содержание термина «билингвизм» раскрывается через два определения: «владение двумя языками каким-либо лицом (билингвом)» и «одновременное массовое пользование двумя языками со стороны населения» [15. С. 16–17]. Такое понимание явления билингвизма ведет к целесообразности различения его типов: национального и регионального, массового и индивидуального. Однако в пределах языкового сообщества могут быть различные модификации. В рамках национального и регионального типа билингвизма имеют место случаи массового владения тремя и более языками. В словаре социолингвистических терминов билингвизм (двуязычие) определяется как «владение, наряду со своим родным языком, еще одним языком в пределах, обеспечивающих общение с представителями другого этноса в одной или более сферах коммуникации, а также практика использования двух языков в одном языковом сообществе» [17. С. 31]. Такая дефиниция дана на основе ряда критериев (первичность/ вторичность усвоения языка, функциональная значимость языка, признак этнической принадлежности) и сформулирована с позиций, что функционирование двух/ трех и более языков в пределах территориальной общности коррелируется с определенной сферой общения. Финно-угорские этнические общности, проживающие, например, в республиках Приволжского федерального округа Российской Федерации, где титульным языком является язык тюркского этноса, владеют не только родным языком, федеральным государственным языком (русским), но и республиканским государственным языком (татарским или башкирским). Необходимость изучения процесса билингвизма в социолингвистическом ракурсе и выявления социальных факторов, детерминирующих языковую жизнь полиэтнической общности, очевидна.

Экстралингвистическая сторона сущности языковой ситуации является доминирующей, под ее воздействием происходят внутроструктурные изменения в лингвемах, находящихся в процессе постоянного функционального взаимодействия в рамках разноязычного социума.

Под лингвемой понимается относительно целостное языковое образование, функционирующее в специфических социальных условиях (Ю. Д. Дешериев, В. К. Журавлев) [9. С. 12].

В словаре социолингвистических терминов термин «лингвема» объясняется через идиом (родовое понятие для различных языковых образований – литературного языка, диалекта, иных форм существования языка). Следует обратить внимание на базовые идиомы (литературный язык и диалекты), обладающие системным характером. В социолингвистических исследованиях, посвященных изучению русского языка отмечается существование таких идиомов, как регионально окрашенные разновидности русского литературного языка (исследования Т. И. Ерофеевой) и региолекты (исследования Е. В. Ерофеевой), которые образуют промежуточные варианты [8]. Поэтому задача социолингвистического описания функционирования того или иного языка осложняется ввиду того, что имеется многообразие его вариантов, сформированных в условиях гетерогенного разноязычия.

Совокупности языковых систем и подсистем (различных языков и форм их существования) в условиях дву- и многоязычия, используемые тем или иным языковым коллективом, составляют социально-коммуникативные системы (термин введен в научный оборот социолингвистом А. Д. Швейцером) [17. С. 203]. Их состояние и динамика являются главным объектом социолингвистического исследования. Изучение контактных явлений, отраженных в языковых системах и его подсистемах, позволяет выявить направленность взаимодействия разнообразных лингвем, сосуществующих в пределах одного региона. Контактирование в Урало-Поволжском регионе происходит в различных направлениях, что подтверждается исследованиями И. С. Насипова, определившего типы контактов: прямые, устойчивые, маргинальные, неродственные, двусторонние [13]. Кроме того, в современных мордовских языках обнаружено около четырехсот лексем тюркского происхождения, в марийском языке – более трех тысяч, в удмуртском языке – около двух тысяч татарских лексических единиц (исследования диалектологов Н. В. Бутылова, Н. И. Исанбаева, И. В. Тараканова). Так, Бавлинский говор периферийно-южного диалекта удмуртского языка (диалект, распространенный за пределами Удмуртской Республики), распространенный в Бавлинском рай-

оне Республики Татарстан и в Еркееевском районе Республики Башкортостан, по мнению И. В. Тараканова, «... не мог быть свободным и от влияния извне. Появление таких языковых особенностей, как озвончение этимологически глухих согласных, происходящее в интервокальном положении, наличие переднерядного *a* в говорах двух селений, нельзя объяснить ничем иным, как влиянием татарского языка. Наибольшее влияние татарского языка обнаруживается в области лексики и словообразования бавлинского диалекта» [18. С. 18–19]. В исследованиях диалектолога Е. Н. Поляковой отмечается, что в Верхнем Прикамье русские говоры сохраняют некоторые особенности коми фонетики, в их лексике немало заимствований из коми диалектов [10. С. 181]. Ценность собранного диалектного материала состоит в том, что позволяет социолингвисту разработать более полное и удовлетворительное описание диалектного или языкового континуума.

Структуралистская процедура к языковому материалу, например, иллюстрируемая в исследовании Г. Х. Гилазетдиновой, Т. Г. Фоминой, по мнению которых «тюркские лексемы, входя в акцентную систему русского языка, испытывали сложный процесс адаптации на уровне неоднократной перестройки просодической модели... Низкая частотность употребления и восточная окраска лексем влияли на сохранение у тюркизмов постоянного ударения на основе» [5. С. 39], демонстрирует не только особенности процессов вхождения иноязычных элементов на каком-либо из уровней языковой системы, последствия взаимодействия двух лингвем, но и динамику лингвистического процесса, зависящего от экстралингвистических факторов. Исходный материал следует модифицировать социолингвистическим подходом, определяющим неучтенность фактов действительности при построении модели функционирования языка.

Изучение диалектов, анализ заимствований любого лингвистического материала в соотношении с фактами реальной действительности, с целью установления регулярных соответствий между языковой и социальными структурами, имеет значимость для социолингвистического рассмотрения исходной проблемы. Следует обратить внимание на ряд важных положений.

Во-первых, переход из статуса языка-акцептора в статус языка-донора, определяемый как существенный факт в отношении лексических изменений (Э. Ф. Володарская) [4. С. 45], мож-

но рассматривать в качестве изменения функционального характера на микро- и макроуровне, в процессе внутригрупповой и межгрупповой интеракции.

Во-вторых, тезис о необходимости оценивать различные явления не в зависимости от их своеобразия, а в соответствии с их ролью в общей системе языка, высказанный чешским ученым В. Скаличкой, лежит в основе типологического подхода (этот подход наиболее разработан в лингвистике и используется в исследовании структуры языка), необходимого и для понимания макропроцессов в аспекте рассмотрения результатов взаимодействия разноструктурных и гетерогенных систем. Так, в плане нашей проблематики уместно обратиться к мнению исследователя А. Н. Куклина, который считает, что «финно-угорские и тюркские языки Урало-Поволжья имеют ряд общих черт (сингармонизм гласных, отсутствие категории рода и др.), поэтому определенные совпадения в их структуре, имеющие параллельные явления в их системе, могут считаться типологическими схождениями или результатами конвергентных языковых изменений, вытекающих главным образом из типологических параметров» [11. С. 273].

В-третьих, ориентация на изучение объектов (от единиц и категорий языка до функций единиц языка в соотношении внеязыковым контекстом, функций языка в соотношении со структурой социальной среды его использования) определяет принцип классификативного построения, обозначает необходимость создания социолингвистической типологии, по мнению В. А. Виноградова, А. И. Коваль, В. Я. Порхомовского, функциональной макротипологии, имеющей на данный момент только общие контуры [2. С. 7]. Многомерность исследуемых явлений, сложность обозначенных проблем предполагает поиск способов описания функционирования языков, имеющих не одинаковую функциональную нагруженность в рамках социально-коммуникативной системы.

В-четвертых, распределение языков по сферам их использования, отражающее современное состояние социально-коммуникативной системы, обуславливает функционально-языковую доминацию. Под функционально-языковой доминацией понимается «функционирование одного из языков, являющихся компонентами социально-коммуникативной системы, с большей интенсивностью и в большем числе

сфер общения» [17]. Для установления функционально-языковой доминанции необходимо сопоставление демографических и коммуникативных мощностей взаимодействующих языков. Количественные показатели дают информацию об объемах протекающих процессов в социально значимых сферах: научно-технической, управленческой, судопроизводстве, искусстве, средствах массовой информации, книгопечатании, образовании. Как справедливо отмечает Э. Ф. Володарская, «сегодня Интернет – это не только технология, но и социально-культурная и экономико-политическая сферы развития» [4. С. 50]. В последнее десятилетие эта сфера активно разрабатывается, формируется информационное пространство на языках народов Российской Федерации [12]. С учетом всех внешних факторов социолингвистическому описанию подвергаются литературные варианты национальных языков. У национального языка (титульного) есть возможность развиваться и расширять социальные функции в рамках своего административно-территориального объединения, так как этому способствует его юридический статус. Но локальные особенности, определяемые местоположением и историческими путями развития, существенно сказываются на компактности-дисперсности расселения этноса, на степени владения и использования языка/ языков. Приведем в качестве примера сведения по признаку «язык обучения», «язык изучается как предмет».

Так, в тюркоязычных республиках соотношение городских и сельских школ, где преподается государственный республиканский язык, имеющий законодательную поддержку, показывает определенную несбалансированность: в Республике Башкортостан на государственном башкирском языке осуществляется обучение в городских школах (6,5 %) и в сельских (93,5 %), изучается как предмет – в городских школах (22,4 %) и в сельских (77,6 %) от общего их числа (775/ 1561), где используется государственный республиканский язык; в Республике Татарстан на государственном татарском языке осуществляется обучение в городских школах (17,5 %) и в сельских (82,5 %), изучается как предмет – в городских школах (42 %) и в сельских (58 %) от общего их числа (1437/ 1041), где используется государственный республиканский язык; в Чувашской Республике на государственном чувашском языке осуществляется обучение в городских школах (0,8 %) и в сельских (99,2 %), изучается

как предмет – в городских школах (65,5 %) и в сельских (34,5 %) от общего их числа (357/ 180), где используется государственный республиканский язык.

В финно-угороязычных республиках соотношение городских и сельских школ, где преподается государственный республиканский язык, имеющий законодательную поддержку, выглядит так: в Республике Марий Эл на государственном марийском языке осуществляется обучение в городских школах (0,9 %) и в сельских (99,1 %), изучается как предмет – в городских школах (25 %) и в сельских (75 %) от общего их числа (112/ 243), где используется государственный республиканский язык, в Республике Мордовия на государственном мордовском языке осуществляется обучение в городских школах (0 %) и в сельских (100 %), изучается как предмет – в городских школах (13 %) и в сельских (87 %) от общего их числа (191/ 404), где используется государственный республиканский язык; в Удмуртской Республике на государственном удмуртском языке осуществляется обучение в городских школах (0 %) и в сельских (0 %), изучается как предмет – в городских школах (12 %) и в сельских (88 %) от общего их числа (0/ 314), где используется государственный республиканский язык [6. С. 20–21]. Наблюдается общая тенденция: использование государственный республиканского языка (его литературного варианта) в сфере образования смещается (больше в сельской местности, чем в городской) как по признаку «язык обучения», так и по признаку «язык изучается как предмет».

Демографические показатели, основанные на статистических сведениях о владении языками по субъектам Российской Федерации (нами приводятся только те, которые больше 1 %), характеризуют функциональное соотношение компонентов, а также разнонаправленность процессов взаимодействия. Например, в Республике Башкортостан (владеют башкирским 26 % от общей численности населения в республике, татарским – 34 %, чувашским – 2,4 %, марийским – 2,3 %); в Республике Татарстан (владеют татарским – 53 % от общей численности населения в республике, чувашским – 3 %); в Чувашской Республике (владеют татарским – 3 % от общей численности населения в республике, чувашским – 61 %); в Республике Марий Эл (владеют татарским – 6 % от общей численности населения в республике, марийским – 37,5 %); в Республике Мордовия

(владеют татарским – 5 % от общей численности населения в республике, мордовским – 28 %); в Удмуртской Республике (владеют татарским – 6 % от общей численности населения в республике, удмуртским – 22,6 %) [14]. Количество владеющих русским языком в обозначенных республиках – в диапазоне от 96 % до 99 %. Демографический параметр и распределение языков по сферам использования являются главными в описании языковой ситуации.

Различия в демографических и коммуникативных мощностях языков определяют характер функционально-языковой доминанции (в каждом конкретном административно-территориальном объединении), обуславливают направленность донорно-акцепторных связей, происходящих между лингвемами. Переход из статуса языка-акцептора в статус языка-донора возможен при изменении функциональной нагрузки и социальной базы языков (показатель не только количественный, но и качественный).

Таким образом, создание функциональной макромоделли полиэтнического региона основано на положении о целесообразности социолингвистического описания, сочетающего форму и функцию. Социально-коммуникативная система Урало-Поволжского региона Российской Федерации представляется как гетерогенная динамическая система, как теоретическая модель, описывающая особенность ее образования через процесс интеракции.

Список литературы

1. Аюпова, Л. Л. Языковая ситуация: социолингвистический аспект. Уфа, 2000. 156 с.
2. Виноградов, В. А. Социолингвистическая типология / В. А. Виноградов, А. И. Коваль, В. Я. Порхомовский. М., 2009. 136 с.
3. Виноградов, В. А. Энциклопедия «Язык и общество» / В. А. Виноградов, В. Ю. Михальченко, // *Вопр. филологии*. 2008. № 2 (29). С. 6–10.
4. Володарская, Э. Ф. Языковая изменчивость: лингвистические и экстралингвистические аспекты. Инновационные процессы в современном английском языке // *Вопр. филологии*. 2004. № 2 (17). С. 35–51.
5. Гилязетдинова, Г. Х. Акцентная адаптация тюркизмов в русском языке / Г. Х. Гилязетдинова, Т. Г. Фомина, // *Филология и культура. Philology and culture*. 2012. № 2 (28). С. 36–39.
6. Горячева, М. А. Сфера образования как объект исследования социолингвистики: цели и методы // *Вопр. филологии*. 2008. № 1 (28). С. 15–23.
7. Данилко, Е. С. Татары в этнически смешанных поселениях Урало-Поволжья: особенности межкультурного взаимодействия // *Этнограф. обозрение*. 2010. № 6. С. 54–65.
8. Ерофеева, Т. И. Аспекты исследования культурно-речевой ситуации города // *Современные проблемы культурно-языковой регионалистики : материалы межвуз. науч. конф.*, Пермь, 26–28 ноября 2012 г. / отв. ред. И. А. Подюков. Пермь, 2012. С. 80–85.
9. Журавлев, В. К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. 2-е изд., доп. М., 2004. 336 с.
10. Кузнецова, А. И. Старые социолингвистические материалы и возможность их нового прочтения (к вопросу об изменении интерпретаций в социолингвистике) // *Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции*. М., 2000. С. 18–33.
11. Куклин, А. Н. Взаимодействия языков полиэтнического Урало-Поволжья в Евразийском контексте // *Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum Piliscsaba*, 9–14. VIII. 2010. Pars IV. Dissertationes sectionum: Linguistica. Piliscsaba, 2011. P. 272–276.
12. Многоязычие в России: региональные аспекты / под ред. Е. И. Кузьмина. М., 2008. 136 с.
13. Насипов, И. С. Финно-угорские заимствования в татарском языке: синопсис и таксономия : дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2010. 42 с.
14. Национальный состав и владение языками, гражданство [Электронный ресурс] // *Всероссийская перепись населения 2002; Всероссийская перепись населения 2010*. URL: <http://www.perepis2002.ru>; <http://www.perepis2010.ru>.
15. Панькин, В. М. Языковые контакты: крат. слов. / В. М. Панькин, А. В. Филлипов. М., 2011. 160 с.
16. Полякова, Е. Н. Коми наследие в лексике русских говоров Пермского края // *Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии : материалы и исследования* / отв. ред. И. И. Русинова. Пермь, 2009. Вып. 3. С. 180–194.
17. Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М., 2006. 312 с.
18. Тараканов, И. В. Фонетические особенности бавлинского диалекта удмуртского языка (в свете экспериментальных данных) : автореф. ... канд. филол. наук. Тарту, 1959. 22 с.

М. А. Сафьянова

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСЕМ ТЕМАТИЧЕСКИХ ГРУПП «ОРУДИЕ ТРУДА» И «БЫТОВОЙ ПРЕДМЕТ» В ПОЛЕ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА (на материале ассоциативного эксперимента)

Исследуются отражения материальной культуры русского народа в картине мира современного носителя языка. При помощи метода заданного ассоциативного эксперимента выявляются основные особенности функционирования лексем тематических групп «Орудие труда» и «Бытовой предмет» в поле устойчивых выражений современного русского языка.

Ключевые слова: материальная культура русского народа, языковая картина мира, паремии, ассоциативный эксперимент.

Изучая традиционную бытовую культуру русских и ее отражение в языковом сознании носителей языка, в качестве основного источника информации мы выбрали паремии. Наш выбор неслучаен. Будучи фольклорным жанром, паремии представляют собой один из богатейших источников, позволяющих глубже проникнуть в духовный мир народа, в мир его образов и представлений [1. С. 30]. Как отмечает во вступительной статье к сборнику «Фольклор и этнография» Л. В. Чистов, «фольклор – не только существенный элемент народного быта, в нем подчас сохраняются драгоценные свидетельства о социальном строе, общественных институтах, верованиях, социальной психологии и материальной культуре прошлых эпох, не зафиксированные в источниках иного рода – письменных документах или археологических памятниках» [6. С. 5].

Выбрав в качестве предмета исследования компоненты-наименования «Орудие труда» и «Бытовой предмет», мы подробно рассмотрели их знаковую функцию в контексте паремий (см. нашу статью «Имя как знак: семиотические функции наименований вещей в контексте пословиц и поговорок» [4]). При этом основной акцент был сделан на восприятии традиционной бытовой культуры традиционным же языковым сознанием (которое, по единогласному мнению лингвистов, фольклористов и других исследователей, в значительной степени находит свое отражение именно в пословицах и поговорках).

Мы также предположили, что, хотя некоторые из называемых анализируемыми лексемами предметов устарели и уже не используются в повседневной жизни русского человека, они по-прежнему играют важную роль в создании языковой картины мира, актуализируя те или

иные особенности восприятия как традиционного, так и современного народного быта. Чтобы подтвердить (или опровергнуть) нашу гипотезу, мы прибегли к экспериментальным лингвистическим методам, в частности, к ассоциативному эксперименту, который, как замечает Л. В. Сахарный, «дает надежную лингвистическую и психолингвистическую информацию» [5. С. 94].

Одна из поставленных нами задач заключалась в том, чтобы выяснить, насколько широко лексемы, называющие предметы традиционной русской культуры, входят в поле устойчивых выражений языка, способны ли они вызывать в памяти современного носителя языка различные паремии, фразеологизмы и т. п. Для этого мы применили метод заданного ассоциативного эксперимента. 170 испытуемым (в возрасте от 15 до 66 лет) было предложено 17 слов-стимулов, на каждое из которых им необходимо было дать реакцию, заданную определенными параметрами. В нашем случае – это устойчивое (воспроизводимое) выражение, выраженное словосочетанием или предложением: фразеологизм, пословица, поговорка, строчка из стиха или песни и т. п. В качестве основного критерия отбора лексем-стимулов мы выбрали частотность их употребления в пословицах «Школьного словаря живых русских пословиц» под ред. В. М. Мокиенко [3], так как эксперимент в контрольной группе испытуемых показал, что выборка лексем на основе частотности их употребления в традиционном пословицном материале (в частности, в пословицах и поговорках из словаря В. И. Даля [2]) не дает достаточных стимульных реакций.

В ходе эксперимента мы получили следующие виды реакций:

1. Паремии. К ним мы отнесли пословицы, поговорки, фразеологизмы, в том числе усеченные или не совсем точно воспроизведенные, а также современные пословицы и поговорки, в том числе шуточные. Данный вид реакций в случае с большинством стимулов оказался основным.

2. Приметы. К данному виду мы отнесли различного рода выражения, связанные с суеверными представлениями о том или ином предмете.

3. Детский фольклор: считалки, загадки и т. п.

4. Строчки их стихотворения, песни, рекламы, фильма (в частности, телевизионного сериала).

5. Народный фольклор и детские сказки (в том числе авторские). К этому виду мы отнесли сказочные фразы и заголовки, в составе которых содержится лексема-стимул.

Рассмотрим каждую из лексем-стимулов по порядку.

Лексема-стимул **топор** в общей сложности, во всех группах испытуемых, дала 120 реакций, из них основную часть (84 единицы) составили реакции типа *Каша из топора* и различные ее трансформации, например, *Каши из топора не сварить*, *Топор кашу сварил* и др. Собственно пословичных изречений было дано 23 (из них 14 разных), например: *Что написано пером, то не вырубишь топором* (6) (здесь и далее в скобках указано количество повторений данной реакции), *Зарыть топор войны* (2), *Плавает как топор* (1) и др.

Кроме того, среди реакций на данный стимул можно отметить фразу из детского сериала «Ералаш» *Наточил я свой топор, головешек полон двор* (8), строчку из стихотворения Н. Некрасова *В лесу раздавался топор дровосека* (2), а также элемент детского фольклора – *Топор, топор, сиди как вор и не выглядывай во двор* (1).

Лексема-стимул **нож** также отмечена большим количеством разнообразных ответов – в общей сложности их было дано 104. Собственно пословичных реакций на данную лексему было дано 77 (при этом 15 – разных), из них наиболее частотными были паремии *Нож в спину* (29), *Ножом по сердцу* (14), *Как нож сквозь масло* (8); кроме того были даны и такие устойчивые выражения как: *Острый как нож* (3), *Без ножа зарезал* (2), *Тому, кому ты доверяешь, ты даешь нож в руки* и др.

Также лексема-стимул **нож** отмечена стихотворными и песенными реакциями, в част-

ности – *Цветок и нож* (название песни группы ВиаГра) (6), *В руке его блистает нож, ну что ж...* (У. Шекспир «Лукреция»), *Поэты ходят пятками по лезвию ножа и режут в кровь свои босые души* (В. Высоцкий); а также реакцией-считалкой – *Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана* (6), реакцией-приметой – *Не ешь с ножа – злым будешь* (6) и современной каламбурной поговоркой – *В здоровом теле здоровый нож*.

Лексема-стимул **ложка**, на которую было дано в общей сложности 116 ответов, представлена, в основном, двумя пословичными реакциями: *Дорога ложка к обеду* (40) и *Ложка дегтя в бочке меда* (47). Среди других реакций-паремий, общее количество которых вместе с названными выше составило 107 (из них – 9 оригинальных), можно отметить следующие: *Ложкой по лбу* (7), *Один с сошкой, семеро с ложкой* (2), *Большой ложке рот радуется* и др.

Кроме того, указанная лексема представлена и другими видами реакций: строчкой из песни – *Антошка, Антошка, готовь к обеду ложку* (7) и *Ложкой снег мешая*; и детского стихотворения (автор – В. Берестов) – *А у нас есть ложка, волшебная немножко*; а также приметой – *Примета – упала ложка*.

В общей сложности на лексему-стимул **горшок** было дано 69 реакций, из них 35 связаны с пониманием лексемы *горшок* как туалетного (детского) горшка. Собственно пословичных изречений с лексемой *горшок* в исконном понимании немного – их всего 8 (из них оригинальных – 4), в частности: *Хоть горшком меня назови, только в печь не ставь* (5), *Горшок – угодник*, *Горшки побили*, *Битый горшок*.

В то же время данная лексема представлена большим количеством «сказочных» ассоциаций, которые связаны, во-первых, с образом горшка с маслом из сказки про Красную Шапочку – таких реакций 3, например: *Отнеси бабушке пирожки и горшочек масла*, *Горшочек масла*; во-вторых, с образом горшка с медом из рассказа про Винни-Пуха – таких реакций 7, в частности: *Горшочек меда*, *Вот горшок пустой, он предмет простой, он куда не денется*; и, в-третьих, с образом горшка с кашей из сказки «Горшочек каши» – таких реакций 10, в том числе: *Горшочек с кашей*, *Горшочек, вари!*

Лексема-стимул **иголка** представлена большим количеством ответов (в общей сложности их 132), среди которых преобладают пословичные во главе с пословицей *Искать иголку в*

стоге сена (104). Среди других реакций-паремий можно отметить пословицы *Куда иголка, туда и нитка* (с модификациями) (14), *Иголка мала, а весь мир одевает, С иголки одета, Язык как иголка* и некоторые другие.

Кроме того, реакции на данную лексему представлены также строчкой из песни – *Прошлась по коже иголка, иголочка...* (М. Шуфутинский), а также ассоциациями с образом иглы, на конце которой смерть Кощея Бессмертного, в таких примерах как: *Смерть Кощея на конце иглы, А в яйце том иголка, Смерть Кощея в игле*.

На лексему-стимул *ведро* было дано относительно небольшое количество реакций (в общей сложности их 57), причем основу их составляют реакции-приметы типа *Встретить бабу с пустыми ведрами – к несчастью* (29).

Среди пословичных реакций на данную лексему можно отметить следующие: *Льет (Дождь) как из ведра* (12), *Гремит как ведро с гвоздями* (8), *Грех с орех, ядро с ведро*.

Единичными примерами представлены строчки из стихотворения Светланы Сухаревой – *Ведро дождя плеснуло в мир безмолвный, пригоршня звезд примолкших задрожала* и из стихотворения Н. Рубцова – *Матушка возьмет ведро, молча принесет воды*.

Надо отметить, что реакции-приметы в случае с лексемой-стимулом *ведро* в основном были характерны для молодых испытуемых (в возрасте от 15 до 23 лет), в то время как взрослая часть респондентов чаще давала пословичные реакции.

Лексема-стимул *гвоздь* также представлена небольшим количеством ответов – в общей сложности их 51. В основном это пословичные реакции, в частности, фразеологизмы *Гвоздь программы* (31), *Забить гвоздь* (в значении наплевать на что-либо) (2); поговорки *Гремит как ведро с гвоздями* (2), *Гвоздь забить не может*, пословицы *Гвоздь забить не море переплыть, Не забив гвоздя, избы не построишь*, а также современные пословицы – *На работе ты не гость, унеси хотя бы гвоздь, Ты здесь хозяин, а не гость – на стройке нужен каждый гвоздь*. Всего таких реакций 47, их них оригинальных – 14.

Кроме того, лексема *гвоздь* вызывает реакцию в виде загадки – *Два кольца, два конца, посередине гвоздик*, а также строчку (ставшую крылатым выражением в современном языке) из баллады Н. Тихонова – *Гвозди бы делать из этих людей*.

Привести пример устойчивого выражения с лексемой-стимулом *кузов* смогли немногие респонденты – всего 40 человек, причем в основном это работающие респонденты старше 28 лет (15 реакций) и студенты тюменских вузов (19 реакций). Преобладающей реакцией стала пословица *Назвался груздем – полезай в кузов* (36).

Отмечена также ассоциация названного предмета со сказкой «Маша и медведь», которая представлена такими примерами, как *Вставай на пенек, полезай в кузов, Маша и медведь*.

Несмотря на то, что на лексему-стимул *коса* было дано большое количество реакций (всего их 123), почти половину из них (52) составляют ответы с лексемой со значением «женская прическа».

Среди остальных реакций преобладают пословичные, в частности пословица *Нашла коса на камень* (57), *Коси, коса, пока роса (Коси, коса; Коси, коса, во все края)* (8), *Смерть с косой (Смерть уже точит косу)* (6).

Лексема-стимул *самовар* представлена преимущественно сказочными реакциями (24 из 53), связанными со сказками К. Чуковского «Муха-Цокотуха» и «Федорино горе», например: *Пошла муха на базар и купила самовар* (11), *Купила муха самовар* (7), *Муха-Цокотуха* (2), *Муха-Цокотуха купила самовар; Я хочу напиться чаю, к самовару подбегаю, Федорино горе, Самовар убежал*.

Кроме того, надо отметить пословичную реакцию *В Тулу со своим самоваром не ездят*, а также паремии *Пыхтеть как самовар* (4), *Самовар кипит, уходить не велит*. В общей сложности данный вид ассоциаций представлен 21 реакцией.

В ответах респондентов старше 28 лет представлена также реакция-строчка из песни Л. Утесова *У самовара – я и моя Маша* (2).

Ассоциативное поле устойчивых выражений, связанных с лексемой-стимулом *шило*, образовали три паремии: *Менять шило на мыло, Шила в мешке не утаишь, Шило в попе*. В общей сложности количество реакций на данную лексему составило 124, при этом каждая из указанных выше трех пословиц представлена соответственно 74, 40 и 10 примерами.

Ассоциативное поле устойчивых выражений с лексемой-стимулом *метла* представлено 56 реакциями. Основную часть паремий с указанной лексемой составляют пословицы *Новая метла по-новому метет* и *Каждая метла по-*

своему метет, представленные 25 примерами, основную часть которых (18) дали респонденты старше 28 лет. Среди других пословичных реакций можно отметить следующие (всего 14, из них 7 оригинальных): *Поганой метлой выметать (7)*, *Новая метла чисто метет (2)*, *Как ведьма на метле, Метла метет – проходу не дает, Не с той ноги встала, не на ту метлу села, Как метлой метет, Метлой снега не накопишь.*

Кроме того, ассоциативное поле анализируемой лексемы отмечено реакциями-строчками из песен: группы Каста – *Мети, метла, мети (9)* и С. Трофимова – *Дворник маленький таджик с метлой по двору кружит (2)*, – и детского стихотворения: *Метла мела да песню пела*; а также ассоциациями со сказкой про бабу-ягу: *Летать на метле, Баба-яга схватила свою метлу, Я летала на метле и была навеселе, и приметой – Нельзя мусор вечером мести.*

Минимальным количеством ответов представлена лексема-стимул *соха* – всего 23 (из которых 15 принадлежат респондентам старше 28 лет). Все реакции на данную лексему – пословичные. Основную часть составил фразеологизм *Мелкая (Малая) сошка (10)*. Кроме того, отмечены также такие реакции, как *Один с сошкой, семеро с ложкой (7)*, *От сохи недавно отошел (3)*, *Соха не плуг, приятель не друг (2)*, *Соха кормит*. За исключением последней, все пословицы представлены в ответах группы испытуемых старшего возраста.

Общее количество ответов на лексему-стимул *посуда* составило 54. Из них большую часть занимают реакции-приметы типа *Бить посуду – к счастью*, представленные в ответах наших испытуемых 21 примером.

Среди пословичных реакций можно отметить следующие: *Бей посуду – я плачу (7)*, *Слон в посудной лавке (4)*, *Битая посуда два века живет (2)*, *Хороша не посуда, а повар, не фотоаппарата, а фотограф, Чем наполнена посуда, то и выльется оттуда, Не пью из мелкой посуды, От крепкого уксуса и посуда трескается* – всего 17 реакций (из них 7 оригинальных).

Кроме того, в ассоциативном поле данной лексемы встречаются также строчки из песен и стихов, в частности: *Белые обои, черная посуда* (гр. Бумбокс) (6), *Я хочу побить посуду, я хочу – а значит, буду* (гр. Чи-Ли и Г. Куценко), *Вроде бы откуда новая посуда* (О. Митяев), *Я с посудой осторожна, ведь разбить посуду можно* (детское стихотворение); а также об-

раз убежавшей посуды из сказки К. Чуковского «Федорино горе»: *Убежала вся посуда, И посуда убежала от меня.*

Ассоциативное поле устойчивых выражений с лексемой-стимулом *решето* состоит из 63 реакций, представляющих разные виды паремий. Наиболее частотной является поговорка *В решете воду носить (39)* с различными модификациями. Среди других реакций можно также отметить фразеологизмы *Как решето* в таких контекстах, как *Память как решето, Голова как решето, Весь в дырах как решето, Дырявое как решето, Карман как решето* и т. п. – всего 9 реакций, и *Чудеса в решете (11 реакций)*; а также поговорки *Превратить в решето* (с вариантом *Расстрелял в решето*) и *Пропустить через решето (2)*.

Лексема-стимул *бочка* представлена 94 реакциями устойчивых выражений, основу которых составляет пословица *Ложка дегтя в бочке меда* с вариантами (81). Кроме того, можно отметить такие пословичные ответы, как *Бочка без дна (Бездонная бочка) (4)*, *В каждой бочке затычка (3)*, *Не кати бочку (2)*, *Толстая как бочка, Раздулся как бочка, Деньги на бочку.*

Что касается ассоциативного поля устойчивых выражений лексемы-стимула *чаша*, то здесь надо выделить несколько основных видов пословичных реакций (всего их 95). Во-первых, это реакции, связанные с полной чашей как образом достатка. Они выражены такими устойчивыми выражениями, как *Полная чаша (24)*, *Дом – полная чаша (12)*. Во-вторых, это ответы, связанные с образом переполненной чаши, в частности такие: *Чаша терпения (2)*, *Чаша терпения переполнена, Чаша полна* и др. – всего 15 реакций. В-третьих, примеры, связанные с образом чаши как символа правосудия и справедливости, например: *Чаша весов (4)*, *Чаша правосудия* и др. – 6 реакций. В-четвертых, реакции, в которых отражается восприятие чаши как вместиллица каких-либо благ человеческой жизни, например: *Чаша жизни (3)*, *Чаша мудрости, Чаша любви и согласия* и др. – всего 13 реакций. В-пятых, это реакции, связанные с евангельским образом чаши страданий, которую надо испить до дна: *Испить чашу до дна, Испить из чаши* и др. – 5 реакций.

Кроме того, некоторые респонденты приводят в качестве ответа на лексему-стимул *чаша* строку из рекламы – *Золотая чаша, золотая (13)*, а также строчку из стихотворения Б. Окуджавы – *Море Черное, словно чаша вина (1)*.

Итак, в ходе анализа результатов нашего эксперимента мы выявили, что, помимо собственно пословичных реакций, испытуемые активно приводят в качестве устойчивого контекста для анализируемых лексем приметы, строчки из современных песен и стихов, в том числе детских, различные сказочные образы. При этом на разные лексемы даются разные виды реакций. Так, паремии преобладают в случае с лексемами-стимулами *нож, ложка, иголка, шило, коса, решето, бочка, посуда*. Значительным числом сказочных реакций представлены лексемы *горшок, самовар, топор*. Такие ответы возможны в том случае, если названный предмет является важной составляющей сюжета той или иной сказки.

Некоторые лексемы, например, *метла, посуда*, довольно широко представлены в контекстах современных песен, где, однако, преимущественно актуализируются те же свойства предметов, что и в пословицах (метла – метет, посуда – бьется).

Следует отметить, что характер тех свойств, которые получают актуализацию в приводимых респондентами пословичных контекстах, достаточно традиционен. Так, в случае с лексемой *нож* актуализируются острота и опасность, в случае с лексемой *ложка* – ее полезность в определенное время, в случае с лексемой *игла* – маленький размер и острота, лексема *посуда* отражает способность легко ломаться и разбиваться, лексема *решето* характеризует предмет как нечто дырявое, а лексема *чаша* – как нечто заполненное.

В ответах испытуемых очень наглядно показала себя возможность пословиц трансформироваться и видоизменяться, сохраняя при этом свое основное значение. Особенно это заметно на примере максимально сжатых, до уровня словосочетания, пословиц, которые, тем не менее, понятны (например, *Тульский самовар, Ложка дегтя*). В ряде случаев можно говорить о пословицах-реликтах, поскольку мы предпо-

лагаем, что испытуемым было бы достаточно сложно восстановить полный вид пословицы или объяснить ее смысл по таким реакциям как *Коси, коса; Горшок – угонник*.

Надо также отметить некоторые особенности реакций испытуемых разных возрастных групп. Максимальное число ответов дали респонденты в возрасте старше 28 лет, при этом их ответы были разнообразнее и преимущественно представляли собой различные виды паремий. Для более молодых респондентов характерно большее количество реакций-примет, а также сказочных ассоциаций.

Практически все предложенные испытуемым лексемы-стимулы вызвали у них разнообразные реакции, причем не только в виде пословиц, поговорок и фразеологизмов, но и в виде примет, считалок, сказочных образов, строк из стихов, песен, рекламы, фильмов. Многообразие реакций свидетельствует о том, что, как и прежде, наименования бытовых предметов способны создавать яркие и запоминающиеся языковые образы, а элементы традиционной культуры не утратили своей актуальности для современного общества.

Список литературы

1. Герд, А. С. Введение в этнолингвистику. СПб., 2001. 456 с.
2. Даль, В. И. Пословицы русского народа. М., 1997. 614 с.
3. Мокиенко, В. М. Школьный словарь живых русских пословиц. СПб. ; М., 2002. 352 с.
4. Сафьянова, М. А. Имя как знак: семиотические функции наименований вещей в контексте пословиц и поговорок // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2013. № 1. Филология. С. 151–158.
5. Сахарный, Л. В. Введение в психоллингвистику. Л., 1989. 184 с.
6. Чистов, Л. В. Фольклор и этнография // Фольклор и этнография / под ред. Б. Н. Путилова. Л., 1970. С. 3–15.

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РЕАЛИЗАЦИИ НЕМЕЦКИХ ПАРЕМИЙ В РЕЧЕВОМ ОБЩЕНИИ

Раскрывается специфика немецких паремий с позиций прагмалингвистических особенностей их функционирования в речевом взаимодействии. Выявляются и анализируются особенности реализации паремий с учетом структуры речевого акта. Автором предлагается собственная прагмалингвистическая модель реализации немецких паремий в речевом общении.

Ключевые слова: немецкие паремии, речевое общение, прагмалингвистическая модель функционирования паремий в речевом общении.

Основанием для построения прагмалингвистической модели реализации паремий в речевой коммуникации являются структурные компоненты речевого общения.

Человек, будучи по своей природе существом социальным, не может жить вне связи с другими людьми: он должен советоваться, делиться мыслями, чувствами, впечатлениями, сопереживать, искать понимания и так далее. Каналом связи с другими людьми является **общение**.

В современных научных исследованиях по философии (Л. П. Буева), логике (Д. П. Горский, А. И. Кондаков, В. Н. Переверзев), юриспруденции (Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Россинская, П. С. Сергич), психологии (Б. Г. Ананьев, А. А. Леонтьев), социальной психологии (Г. М. Андреева), педагогике (А. А. Бодалев, О. М. Казарцева) общение в самом общем смысле понимается как обмен информацией между динамическими системами, способными принимать информацию, хранить ее, преобразовывать и воздействовать с помощью нее. Тот, кто посылает информацию, именуется отправителем, а принимает – получателем.

Общение возникает тогда, когда необходимо установить или поддержать целенаправленный, прямой или опосредованный контакт, позволяющий организовать определенную деятельность, изменить ее протекание или завершить. Следовательно, основная цель общения – установление, поддержание или завершение контакта между носителями информации.

Обмен информацией выступает как основной мотив вступления коммуникантов в процесс речевого общения: недостаток в информации, желание получить нужные сведения (совет), готовность поделиться известиями с другими людьми и др. побуждает человека к общению.

Общение, осуществляемое с помощью языковых средств, – это **речевое общение**.

В процессе речевого общения человек использует разные языковые единицы, среди которых особое место занимают паремии как родовое наименование пословиц и поговорок. Тенденции развития фразеологической науки – антропоцентрический подход к языку, обращение к достижениям теории речевых актов, прагмалингвистики, теории дискурса – переносятся в сферу паремиологии.

Коммуникативно-прагматические аспекты функционирования паремий, их воздействующий потенциал в речевом взаимодействии вызывают оживленный интерес ученых (О. Б. Абакумова, Л. П. Борисова, Л. М. Гриценко, Б. И. Караджев, И. Ю. Моисеева, Е. В. Чудина, Н. Р. Ойноткинова, Л. Б. Савенкова, Н. Н. Семенов, С. В. Сидорков, Г. Д. Сидоркова, В. Н. Телия, А. В. Федорюк, С. И. Хун и др.). Паремия, будучи единицей коммуникации, реализует свое значение и коммуникативно-прагматический потенциал в рамках речевого общения.

Речевое общение является предметом научного изучения в **прагмалингвистике**. Прагмалингвистика – отрасль языкознания, которая изучает выбор оптимальных из имеющихся в языке средств для успешного воздействия на слушающего или читающего, для эффективного достижения намеченной цели в конкретных обстоятельствах речевого общения.

Прагмалингвистика изучает речевое общение, исходя из трех основных составляющих речевого акта: отправитель – текст – получатель. Прагмалингвистика представлена двумя направлениями: функциональной и скрытой прагмалингвистикой.

Область *скрытой прагмалингвистики* является активно развивающимся современным

направлением. Ее исследователи занимаются проблемами неосознаваемого речевого воздействия как результата привычного выбора оптимальных языковых единиц в типичных речевых ситуациях для достижения/ недостижения эффективного речевого общения (Г. Г. Матвеева, Л. А. Моисеенко, Н. Ю. Чигридова и др.). При этом изучаются скрытые воздействующие стратегии.

Предметом изучения *функциональной прагмалингвистики* являются осознаваемое, мотивированное, целенаправленное отношение человека к языковым знакам, зафиксированным в языке (Н. Д. Арутюнова, Л. А. Киселева, Ю. С. Степанов, Н. И. Формановская и др.), а также продуманный выбор наиболее уместных единиц для производства высказываний, с помощью которых говорящий достигает поставленных целей. Здесь исследуются также условия использования языковых средств коммуникантами в актах речевого общения.

Настоящее диссертационное исследование проводится в рамках функциональной прагмалингвистики, так как паремии являются единицами осознанного выбора в соответствии с условиями коммуникативной ситуации. А в речевом общении паремии функционируют как устойчивые структурно-семантические целостные комплексы, которые не трансформируются до неузнаваемости.

Для анализа методикой скрытой прагмалингвистики требуются связные тексты некоторой длины, например, как минимум сто малых синтаксических групп, а паремия равна одному высказыванию. И именно на анализе текстов можно достичь цели исследований скрытой прагмалингвистики, в частности, создать фрагменты идентификации речевых портретов говорящих (по критериям актуализации грамматических категорий), или изучить способы регуляции поведения получателей текста (по критериям таких текстуальных категорий, как акцентуации, анафоро-катафорических средства)¹.

Речевое общение представляет собой двустороннюю **речевую деятельность**, которая включает говорящего и слушающего. В лингвистических исследованиях речевая деятельность традиционно рассматривается через призму оппозиции «язык – речь». Так, В. фон Гумбольдт, Ф. де Соссюр и Л. В. Щерба считали, что язык и речь составляют две полярные формы существования речевой деятельности.

Такое разграничение языковых явлений С. Д. Кацнельсон считал несколько искус-

ственным, так как эти аспекты (процессы говорения и понимания, языковая система и языковой материал) тесно взаимосвязаны и взаимозависимы. Они составляют две разные стороны (адресант и адресат, говорящий и слушающий) единственно данной в опыте речевой деятельности.

Реализация речевой деятельности в процессах понимания и говорения представляет собой языковую систему в действии, функционирование языка². На необходимость рассмотрения в исследовании речевой деятельности позиций говорящего и слушающего указывается в работах М. М. Бахтина³.

Если рассматривать речевое общение как сложный многоплановый процесс установления контакта между отправителем и получателем, который осуществляется с помощью средств языка, то любой акт общения относительно его направленности на то или иное изменение субъективных характеристик получателя может быть определен как **речевое воздействие**. Проблема речевого воздействия разрабатывается учеными давно. О речевом воздействии писал Аристотель. Проблемой речевого воздействия в разное время занимались А. Н. Баранов, Р. Дилтс, Б. Зандиг, Г. Г. Матвеева, И. А. Стернин, Е. Ф. Тарасов, Н. А. Безменова, Л. Г. Лузина и др.

В настоящее время лингвистические исследования проблем речевого воздействия представлены несколькими школами: теорией аргументации (С. К. Абачиев, А. Н. Баранов, П. Б. Паршин, М. С. Кунафин), теорией речевых жанров (М. М. Бахтин, Б. В. Томашевский), теорией речевого воздействия (М. Р. Желтухина, С. И. Недашковская, Е. В. Шелестюк⁴ и др.).

В процессе речевого общения люди взаимодействуют друг с другом, координируя свое речевое поведение с условиями конкретной ситуации, а также с собственными намерениями и потребностями. Говорящий воздействует на слушающего для того, чтобы слушающий занял определенное место, позицию в совместной или индивидуальной деятельности коммуникантов. Слушающий руководствуется, в первую очередь, собственными намерениями и поэтому не всегда бывает готов вести себя в полном соответствии с планами говорящего.

Для того чтобы обеспечить согласование деятельности вступающих в коммуникацию субъектов с собственными интересами, избежать простого вовлечения себя в планы говорящего и подчинения себя его воле, слу-

шающий ограждает себя и свои интересы так называемым защитным барьером. Преодоление этого барьера говорящим и влияние на сознание и поведение адресата, осуществляемое на основе вербальных знаковых систем, и есть, согласно теории речевого воздействия, речевое воздействие.

В ситуациях речевого взаимодействия паремии являются прагматически ориентированными высказываниями, так как обладают заведомо специализированным функциональным статусом⁵. Одни из них преимущественно выступают как **советы** (*Man soll die Bärenhaut nicht verkaufen, bevor man den Bären hat*⁶; *In Rom ist nicht gut mit dem Papst zu streiten; Erst besinnen, dann beginnen*), другие как **поощрения** (*Morgenstunde hat Gold im Munde*), третьи – как **утешения** (*Armut ist keine Sünde; Geduld bringt Rosen; Auf den ersten Schuß fällt keine Festung*) и так далее. Это позволяет владеющему ими человеку умело манипулировать собеседником или аудиторией, то есть воздействовать на них.

Отправитель паремиологического высказывания организует свое речевое воздействие в соответствии с определенной стратегией. В подавляющем большинстве такие коммуникативные стратегии с участием паремий можно охарактеризовать как аргументативные: они подкрепляют, усиливают, обосновывают позицию или мысль говорящего, высказываемую по какому-то поводу.

В связи с этим, по-нашему мнению, паремии можно выделить в особый вид единиц речевого воздействия и назвать аргументативными средствами языка. Аргументация с помощью паремии сопровождается в таком случае словами: «... das Sprichwort sagt», «nach dem alten Sprichwort», «wie das Sprichwort sagt» и др.

Пример 1. Es ist gerade der fragile Charakter der Freundschaft, der sie immer wieder auch verächtlich gemacht hat ...: *Freunde in der Not gehen tausend auf ein Lot, wie das Sprichwort sagt* (Weltbühne, 4.06.2004).

Пример 2. Franziska habe recht getan, das Bild an alter Stelle zu lassen; *man solle nach dem alten Sprichwort alte Bäume nicht verpflanzen* (Th. Fontane, Effi Briest, S. 135).

Поскольку в процессе речевого общения цели отправителя могут быть прямыми, косвенными и скрытыми, то и речевое воздействие также принято разделять на прямое, косвенное и скрытое.

Прямое речевое воздействие соответствует прямым (открытым) целям или намерениям

отправителя. В процессе речевого общения прямое воздействие характеризуется быстрым наступлением ответной реакции получателя на авторское высказывание, непосредственно побуждающее к действию.

Прямое речевое воздействие будет оказано, например, при речепотреблении паремии *Erst die Arbeit, dann das Vergnügen* в ситуации нежелания выполнить задание/ работу с целью побудить совершить данное действие. Намерения отправителя паремии очевидны, так как содержат призыв, который предполагает ответную реакцию получателей – не уклоняться от выполнения работы или каких-либо обязанностей.

Косвенное речевое воздействие осуществляется автором, когда помимо явных призывов к действию и оцениванию (ср. *Blinder Eifer schadet nur*) речевое общение содержит косвенные оценивание и призывы. При косвенном речевом воздействии реализуется переносный смысл паремии. Употребляя паремию, говорящий иносказательно совершает какое-либо речевое действие, а не говорит об этом дословно. Так, о критическом оценивании действий адресата (*So geht das einfach nicht ...*) **можно судить по употреблению паремии** *Einmal hü, einmal hott*:

Пример 3. **So geht das einfach nicht ...**, Stefan! *Einmal hü, einmal hott* und so weiter ... (Der Spiegel, 5.04.2005).

Понятие косвенного речевого воздействия тесно связано с понятием «непрямой коммуникации». Под «непрямой коммуникацией» в данном случае понимается содержательно осложненная коммуникация, в которой понимание содержания того или иного высказывания (в нашем случае паремий) восходит к пониманию смыслов, не содержащихся собственно в высказывании, и требует дополнительных интерпретивных усилий со стороны получателя, будучи несводимо к простой идентификации (узнаванию) знака.

В теории речевого воздействия также выделяют **скрытое речевое воздействие**, которое не осознается ни получателем текста, ни его отправителем. Тем не менее, оно присутствует в тексте в виде речевых сигналов грамматических и текстуальных категорий. Их частотность свидетельствует о наличии так называемых «скрытых» значений грамматических единиц⁷. Эти значения, будучи зафиксированными и интерпретированными, могут сообщить дополнительную информацию об авторе текста.

При реализации паремий скрытое речевое воздействие не реализуется отдельно, а оно может быть выявлено в тексте. Но не существует таких текстов, которые состояли бы только из паремий. Скрытое речевое воздействие связано с актуализацией речевых сигналов грамматических категорий лица, наклонения, времени и так далее. Паремия функционирует в речевом общении как устойчивые структурно-семантические целостные комплексы. Под структурно-семантической целостностью понимается невозможность сколько-нибудь существенной трансформации ее структурной организации без ущерба для общего содержания. Для паремий структура и содержание представляют собой неразрывное целое. Например, структурную организацию паремии *Klein, aber fein* нельзя трансформировать в *Fein, aber klein*, в результате этого искажается смысл данной паремии. Как мы видим, подобные формальные преобразования ведут к семантическому разрушению паремии.

Само по себе речевое общение как процесс распадается на отдельные речевые действия. Целенаправленное речевое действие, которое совершается коммуникантом в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, называется **речевым актом**⁸. Традиционно принято выделять внутреннюю и внешнюю структуру речевого акта.

Внутренняя структура речевого акта состоит из трех этапов: локутивного, перлокутивного и иллокутивного. Внутренняя структура речевого акта на примере паремий выглядит следующим образом.

Локутивный этап речевого акта представляет собой речевое действие, акт говорения вообще. Локутивный уровень имеет сложную структуру, включая в себя произнесение звуков, слов, принадлежащих определенному словарю в соответствии с грамматическими правилами (акт фокации), снабжение высказывания смыслом и референцией (акт референции) и приписывание этим объектам тех или иных свойств и отношений (акт предикации). Таким употреблением может быть сам процесс реализации паремии в речевом общении.

На *иллокутивном этапе* локутивному акту придается целенаправленность, связанная с выражением намерения говорящего. Так, реализуя паремию в речевом общении на иллокутивном этапе высказывания, говорящий выражает намерение, которое имеет определенную внеязыковую цель, например, совета, предостережения,

критики, упрека, урезонивания и так далее.

Пример 4. *Man muß sich stellen mit den Leuten, eine Hand wäscht die andere, mit dem Kopf kann man nicht durch die Wand* (B. Brecht, *Mutter Courage und ihre Kinder*, S. 35).

В данном примере говорящий реализует намерение совета, апеллируя к реальности и здравому смыслу для восстановления душевного спокойствия адресата. А для большей убедительности употребляет две паремии *Eine Hand wäscht die andere* и *Mit dem Kopf kann man nicht durch die Wand*.

Перлокутивный этап речевого акта связан с достижением определенных эффектов, предполагающих воздействие на адресата. Так, приведенный ниже пример демонстрирует, как реализация вариативной формы паремии *Man muss den Ast nicht absägen, auf dem man sitzt* говорящим вызывает эффект у слушающего, который отражен в его реплике о predetermined судьбе говорящего:

Пример 5. Der Rotbäckige lächelte: „Ich habe das deutlich Gefühl, dass diese Zukunft an den Ast sägt, auf dem ich vorerst noch sitze“. Schorlekey denkt: „Ein komischer Vogel, ein Rotbäckiger, und an dem Ast, darauf er sitzt, wird gesägt, das weiß ich angeblich“ (W. Steinberg, *Der Einzug der Gladiatoren*, S. 234).

Рассмотрев внутреннюю структуру речевого акта, все компоненты которой реализуются при употреблении паремических высказываний в речевом общении, обратимся к внешней структуре речевого акта.

В современной лингвистике параллельно сосуществует множество моделей **внешней структуры речевого акта**: В. Г. Гака, Г. Г. Матвеевой, Ю. В. Павловой, Д. Х. Хаймса, Р. О. Якобсона. История выделения компонентов речевой ситуации восходит к К. Бюлеру, который определил три ее компонента: отправитель, получатель и предмет речи. Все последующие исследования учитывали и включали эти три основных компонента. Однако о полном их наборе и характеристиках до сих пор нет единого мнения.

Так, Д. Х. Хаймс выделяет семь компонентов речевого акта: отправитель, получатель, форма сообщения, канал связи, код, тема и обстановка. В. Г. Гак уточняет эту модель, представляя структуру речевого акта следующим образом: говорящий, адресат, исходный материал высказывания (пресуппозиция говорящего), цель сообщения, внутренняя организация

речевого акта, контекст и ситуация общения.

По Р. О. Якобсону внешняя структура речевого акта состоит из следующих компонентов: адресант, адресат, сообщение, код, контекст, контакт.

Г. Г. Матвеева к компонентам речевого общения относит следующие: отправитель, получатель, сообщение, канал связи (вид речевой деятельности), код (язык и норма словоупотребления), тема (функциональный стиль, подъязык), пресуппозиция.

Ю. В. Павлова объединяет отправителя и получателя в одну группу, выделяя в ряду составляющих речевого акта участников сообщения (адресанта и адресата), экстралингвистическую ситуацию, текст, коммуникативную цель, пресуппозиции, понимание. Во всех представленных моделях присутствуют такие компоненты речевого акта, как отправитель и получатель, которые вступают в речевое общение.

Употребление паремий в речевом общении также можно структурировать, опираясь на рассмотренные выше варианты структуры речевого акта. В этой связи можно говорить о прагмалингвистической модели реализации паремии в речевом общении. Однако данная модель соответствует шестикомпонентной структуре речевого акта. Первые четыре ее компонента являются общепринятыми: отправитель и получатель паремиологического

высказывания, ситуация реализации паремии в речевом общении, коммуникативные стратегии и тактики намерения изменить поведение получателя паремиологического высказывания. Мы же добавляем два новых компонента: ожидание изменений в поведении получателя паремиологического высказывания и изменение/ неизменение поведения получателя паремиологического высказывания.

Так, пример ситуативного употребления паремии *Eine Hand wäscht die andere* наглядно демонстрирует, как функционирует модель реализации паремиологического высказывания в речевом общении.

Пример 6. „**Eine Hand wäscht die andere!**“ – „So“, sagte Münchmann gedehnt, „ich wußte nicht, dass Sie mein Retter waren, und, offen gestanden, mir will es nicht recht einleuchten. Was das waschen der Hände angeht, lieber Schneewindt, so halte ich von der Methode der Gegenseitigkeit nicht allzuviel“ (W. Steinberg, *Der Einzug der Gladiatoren*, S. 156).

В приведенном примере присутствуют все компоненты внутренней и внешней структуры речевого акта, состоящей из шести компонентов. Здесь реализуется ситуация речевого воздействия на адресата с целью регуляции (изменения) его поведения. Отправитель паремиологического высказывания (Schneewindt) применяет в отношении адресата (Münchmann)

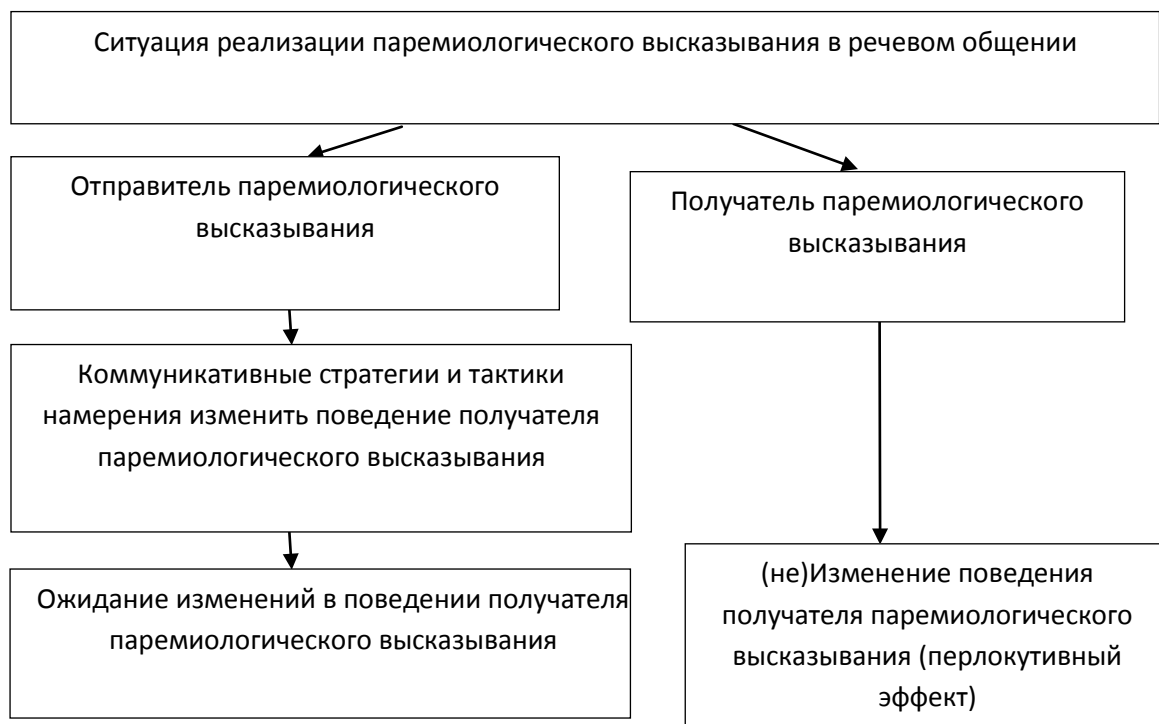

Рис. 1. Прагмалингвистическая модель реализации паремиологического высказывания в речевом общении

коммуникативную стратегию побуждения к активности в деле с помощью паремии «Eine Hand wäscht die andere».

Такой речевой акт можно классифицировать с точки зрения иллокутивного этапа внутренней его структуры как косвенный директив, связанный с тактическим намерением изменить поведение адресата и подстегнуть его также помочь адресанту, как это сделал он ранее. Об этом свидетельствует предыдущий контекст.

Данная речевая ситуация содержит также и перлокутивный акт, в котором отражены последствия произнесенного паремиологического высказывания и реакция адресата на речевое действие адресанта. Однако перлокутивный эффект не достигнут и намерение не реализовано, так как говорящему не удалось побудить своего слушателя к изменению поведения (Was das waschen der Hände angeht, ..., so **halte ich** von der Methode der Gegenseitigkeit **nicht allzuviel**).

Рассмотренная внешняя и внутренняя структура речевого акта на примере речупотребления паремии «Eine Hand wäscht die andere» представляет собой прагмалингвистическую модель реализации паремиологического высказывания в речевом общении, которая представлена ниже (рисунок 1).

Основываясь на построенной прагмалингвистической модели реализации паремиологического высказывания в речевом общении, можем дать рабочее определение паремий как единиц речевого общения. Паремия как единица речевого общения – это особая единица языка, представляющая собой воспроизводимый в речи оборот воздействующего характера, который в содержательном плане шире предложения, так как в дополнение к структурно-семантической схеме предложения паремия обладает коммуникативно-прагматическим потенциалом, который раскрывается в речевом общении коммуникантов.

Прагмалингвистическая специфика реализации паремий отправителем текста в речевой

деятельности состоит в его стремлении выразить свое отношение к ситуации, факту действительности, событию или поступку и тем самым оказать речевое воздействие на адресата с целью изменить его поведение, ход мыслей, жизненную установку, отношение к ситуации, факту действительности, событию или поступку.

Таким образом, рассмотрение структурных компонентов речевого общения (речевая деятельность, речевое воздействие и его виды, понятие и структура речевого акта) дали основание для построения оригинальной прагмалингвистической модели реализации паремиологического высказывания в речевом общении. Данная модель отражает структуру речевого акта и состоит из шести компонентов.

Примечания

¹ Матвеева, Г. Г. Диагностирование личностных свойств автора по его речевому поведению. Ростов н/Д., 1999. С. 209.

² Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление. М., 2002. С. 102.

³ Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров // Собр. соч. Т. 5. М., 1997. С. 159–206.

⁴ Шелестюк, Е. В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования : монография [Электронный ресурс]. Челябинск, 2008. URL: https://mail.rambler.ru/m/redirect?url=http%3A//shelestiuk.narod.ru/publications/Shelestiuk_Rechevoye_Vozdeistvie_1-1.pdf&hash=c1e40bb5162e47472b8326fe4c7bd8fe.

⁵ Сидоркова, Г. Д. Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия : монография. Краснодар, 1999. С. 6.

⁶ Здесь и далее приводятся примеры из: Байер, Х. Немецкие пословицы и поговорки : сборник / Х. Байер, А. Байер. М., 1989. 392 с.

⁷ Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление. М., 2002. С. 83.

⁸ Арутюнова, Н. Д. Речевой акт // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М., 1998. С. 412–413.

КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ ПАРАМЕТРЫ ГИПЕРССЫЛОК

Сделан краткий обзор существующих классификаций гиперссылок, проанализированы типичные основания для их классификаций. Затронут вопрос об оптимизации навигации в сайтовом гипертексте при помощи гиперссылок. Приводится разработанная на материале сайтовых гипертекстов американских медицинских учреждений классификация гиперссылок с позиций их предъявления в гипертексте.

Ключевые слова: гипертекст, сайтовый гипертекст, гиперссылка, нелинейность.

В современных научных дискуссиях¹ все чаще звучат вопросы, связанные со способами организации электронного гипертекстового пространства, возможностями навигации внутри него². По нашему мнению, это обуславливает актуальность анализа такого структурного элемента сайтового гипертекста, как гиперссылка, и установления специфики навигации при его помощи. Оптимизации навигации, по-видимому, может способствовать не только различное маркирование и выделение гиперссылок в гипертексте, но и, как нам кажется, специфичное предъявление гиперссылок в сайтовых гипертекстах по отношению друг к другу, что, по нашему мнению, также позволяет адресату легче ориентироваться в информационных массивах гипертекстов. Перед изучением особенностей предъявления гиперссылок в сайтовом гипертексте и составлением собственной классификации гиперссылок нами был сделан обзор научной литературы, посвященной типологиям и классификациям гиперссылок. Как было установлено, критерии дифференциации гиперссылок очень разнообразны. Это отчетливо видно по ниже приведенным классификациям.

Так, А. А. Калмыков выделяет гиперссылки только по графическому оформлению. По мнению автора, «присутствие ссылки внутри текста указывает на определенный смысловой акцент точно так же, как типографические элементы: курсив, выделение жирным, изменение шрифта и т. п. Но, в отличие от них, гиперссылка предлагает читателю покинуть данное текстологическое пространство, то есть не только разрывает процесс восприятия, но и завершает его»³.

Клочкова Е. С.⁴ и Стройков С. А.⁵ подразделяют гиперссылки на: однонаправленные/двухнаправленные (перекрестные) и внутренние (внутритекстовые)/внешние (межтекстовые).

Т. И. Рязанцева выделяет гиперссылки:

1) по степени близости (характеру отношений) между исходным и последующим гипотекстом и типом реализуемых ассоциативных связей: листовые и навигационные;

2) по выполняемой дискурсивной функции: логические операторы – синтаксическая пунктуация; композиционные операторы – сверхсинтаксическая пунктуация; риторические операторы;

3) по авторству: внутренние и внешние, адгерентные и ингерентные⁶.

Л. В. Назарова также выделяет гиперссылки по:

1) графическому оформлению;

2) графически-композиционному аспекту⁷.

М. И. Беляев не дифференцирует четко, на какие группы можно поделить гиперссылки, но, исходя из указанных им требований к созданию и организации гиперссылок, можно сделать вывод о том, что правомерно выделять гиперссылки согласно следующим критериям:

1) с позиций вербального оформления – гиперссылки, активируемые одним, двумя, тремя словами и фразами;

2) основываясь на графическом оформлении – гиперссылки, оформленные другим цветом, другим шрифтом, нежели гипотекст, в котором они даны, с подчеркиванием, курсивом, жирным шрифтом, или всеми вышеперечисленными комбинациями;

3) основываясь на функциональных особенностях – гиперссылки поясняющие «(если тема затронута в тексте, но не раскрыта, гиперссылка должны вести на ресурс с более детальной информацией) и композиционно-навигационные»;

4) по композиционно-графическому основанию – «гиперссылки, обозначенные в гипертекстовой структуре текста числами, графическими элементами и маленькими рисунками»⁸.

По нашему мнению, Зыкова Е. В. предлагает одну из самых детальных классификаций гиперссылок. Так, ученый дифференцирует гиперссылки на:

I) графически маркированные и графически немаркированные;

II) внутритекстовые и вынесенные за пределы вербальной части текста;

III) релевантные, нерелевантные и частично релевантные гиперссылки;

IV) продуктивные и непродуктивные с позиций их навигационных особенностей;

V) адаптированные и неадаптированные гиперссылки⁹.

Проведенный обзор научной литературы, посвященной исследованию типологии гиперссылок, позволил, во-первых, выявить, что на сегодня наблюдается уклон в сторону анализа функционального, структурно-композиционного и технического аспекта гиперссылок. Это также позволило подтвердить актуальность составления классификации гиперссылок на основании специфики их предъявления в гипертексте относительно друг друга с позиций оптимизации навигации в сайтовых гипертекстах. Для построения классификации привлекались гиперкаркасы следующих сайтовых гипертекстов:

<http://www.hscpediatriccenter.com>; <http://www.gwhospital.com>; <http://www.downtownhospital.org>; <http://www.marywashingtonhealthcare.com>; <http://www.dimensionshealth.org>; <http://www.whcenter.org>; <http://www.childrenhospital.org>; <http://www.beverlyhospital.org>; <http://www.bmc.org>; <http://www.dmc.org>; <http://www.emersonhospital.org>; <http://steward.org/Good-Samaritan>; <http://www.winchesterhospital.org>; <http://www.orthohospital.org>; <http://www.rwmc.org>; <http://www.alegentcreighton.com/immanuel-medical-center>.

Итак, согласно проведенному исследованию, гиперссылки сайтовых гипертекстов американских медицинских учреждений могут быть подразделены на комплексные и простые.

Комплексные гиперссылки сайтового гипертекста – комплексы или объединения гиперссылок, находящихся в пределах сайта или на его границе, которые:

1) всплывают при активации заглавной гиперссылки в виде списка или таблицы;

2) как правило, относятся или к определенной тематической рубрике сайта, или к актуализации определенной функции гипертекста;

3) неоднородны в разрезе маркированности/ немаркированности их сцеплений вербальным кодом;

4) располагаются только на гиперкаркасе сайтового гипертекста и доступны адресату при прочтении всех гипотекстов, кроме тупиковых. Под тупиковыми гипотекстами в данном исследовании мы понимаем гипотексты, в массиве которых отсутствуют гиперссылки.

В свою очередь комплексные гиперссылки мы подразделили на:

– комплексные гиперссылки, имеющие заглавную гиперссылку, которая только раскрывает список гиперссылок по определенной тематике;

– комплексные гиперссылки, имеющие заглавную гиперссылку, которая номинирует тематику всего списка объединенных гиперссылок, но при этом она сама активна и позволяет пользователю получить доступ к гипотексту с определенной информацией. Как установлено, в раскрываемом ею списке гиперссылок содержится одноименная гиперссылка, которая также отсылает реципиента к тому же гипотексту, что и заглавная гиперссылка;

– комплексные гиперссылки, открывающие список гиперссылок с заглавием или с вводным поясняющим текстом;

– комплексные гиперссылки, открывающие список гиперссылок по определенной тематике, сразу переводящих пользователя к искомому гипотексту, и одну тематически обобщенную гиперссылку, которая выводит на гипотекст, содержащий полный список гиперссылок на требуемые гипотексты по тематике;

– комплексные гиперссылки, открывающие список гиперссылок; некоторые из них, имея графические пометы в виде стрелок, в свою очередь, выводят для пользователя добавочные списки гиперссылок на требуемые гипотексты по тематике. При этом нажимая на гиперссылку со стрелкой, реципиент может выйти на гипотекст, содержащий все гиперссылки второго (добавочного) списка, активировав которые, попадет на требуемый гипотекст. Если пройти по гиперссылкам этих двух списков, можно попасть сразу на требуемый гипотекст;

– комплексные гиперссылки, раскрывающие сцепленные с ними гиперссылки, относящиеся к одной тематике, у которых нет заглавия, и все гиперссылки активны, то есть переводят пользователя на определенные гипотексты;

– комплексные гиперссылки, всплывающие в виде креолизованных списков, то есть списков, в которых информация дана несколькими кодами передачи информации.

Простые гиперссылки – гиперссылки, которые не имеют сцепленных с ними других гиперссылок и не открывают списки гиперссылок, а сразу переводят пользователя на гипотекст. Например, в сайтовом гипертексте «Mary Washington Health Care» гиперссылка «Professional Services» переводит пользователя на гипотекст «Laboratory Services for Physicians and Medical Facilities»; гиперссылка «Surgery» – на гипотекст «Regional Cancer Center – Surgery».

Проведенный анализ показал, что соотношение комплексных гиперссылок и простых в сайтовом гипертексте составляет 1:57 (из 5384, т.е. 100 % гиперссылок, 94 (1,7 %) являются комплексными, а 5290 (98,3 %) – простыми). Кроме того, было установлено, что комплексные гиперссылки могут располагаться только на гиперкаркасе гипертекста сайта определенного медицинского учреждения и могут иметь в своем составе от 2 до 40 гиперссылок.

В заключение отметим, что гиперссылки сайтового гипертекста могут предьявляться одиночно или в соединениях с другими гиперссылками и позволяют реципиенту эффективнее определять последовательность прочтения/ прослушивания/ просмотра гипотекстов сайтового гипертекста или осуществлять переход на другой сайтовый гипертекст. Подобная презентация гиперссылок позволяет оптимизировать коммуникационные процессы в целом и навигацию по информационным блокам сайтов в частности.

Примечания

¹ См.: Злобина, Ю. И. Лингвистические особенности взаимосвязи художественных гипертек-

стов в пространстве иной культуры : автореф. ... дис. канд. филол. наук. Пермь, 2011.

² См.: Ильина, И. А. Проблемы изучения и восприятия гипертекста в мультимедийной среде Интернет : автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 2009.

³ См.: Калмыков, А. А. Интерактивная гипертекстовая журналистика в системе отечественных СМИ. М., 2009.

⁴ См.: Клочкова, Е. С. Субстантивные гиперссылки как средство расширения тезауруса и создания ассоциативного поля // Гипертекст как объект лингвистического исследования. Самара, 2010.

⁵ См.: Стройков, С. А. Основные понятия лингвистической концепции электронного лексикографического гипертекста // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 12, № 5 (3). Самара, 2010.

⁶ См.: Рязанцева, Т. И. Теория и практика работы с гипертекстом (на материале английского языка) : учеб. пособие. М., 2008.

⁷ См.: Назарова, Л. В. Гипертекст и интернет дискурс // Текст – Дискурс. Гипертекст – Интернет-дискурс : сб. науч. ст. СПб., 2010.

⁸ См.: Беляев, М. И. Принцип реализации структуры гипертекста – один из основных принципов создания электронных учебников // Вестн. Российс. ун-та дружбы народов. 2012. № 3. Информатизация образования.

⁹ См.: Зыкова, Е. В. Организация гипертекста в сети Интернет (на материале англоязычных сайтов) : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006.

К. Л. Фёдорова

СТРУКТУРНЫЕ МОДЕЛИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТАМИ-МЕТЕОНИМАМИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Проанализированы синтаксические модели фразеологизмов с компонентами-метеонимами в русском языке, принадлежащих к различным семантико-грамматическим классам: предметному, процессуальному, качественно-обстоятельному, призначному, количественному, модальному и релятивному. Среди синтаксических моделей выявлены наиболее и наименее продуктивные типы семантических структур, выявлена связь между принадлежностью фразеологической единицы к семантико-грамматическому классу и синтаксической организованностью фразеологизма. Проанализирован компонентный состав единиц.

Ключевые слова: фразеологизм, компонент, метеоним, структурная модель.

Предметом нашего исследования являются структурные модели фразеологизмов с компонентами-метеонимами в русском языке. Под *метеонимами* (от греч. «метео» – первая составная часть сложных слов, соответствующая по значению слову «метеорологический» и лат. «номен» – название, наименование) мы понимаем имена существительные, которые обозначают разнообразные состояния природы, такие, как изменение погоды (осадки, ветер, температура и так далее) и стихийные явления (огонь, вода, пар и т. п.).

Вслед за представителями Челябинской фразеологической школы мы полагаем, что компоненты – это лексемы, относящиеся к любой части речи и претерпевшие качественные и количественные семантические и грамматические изменения [6. С. 17–32]. Материалом для исследования послужила составленная нами картотека, насчитывающая 243 русских фразеологизма с компонентами-метеонимами.

Изучение синтаксических моделей является актуальным направлением в современной лингвистике. Фразеологизмы русского языка разнообразны по своей синтаксической организации.

Понятие фразеологической модели было введено в лингвистическую науку относительно недавно. В. В. Мокиенко понимает под фразеологической моделью «структурно-семантический инвариант устойчивых сочетаний, схематически отражающих относительную стабильность их форм и семантики» [2. С. 53].

Согласно определению А. М. Чепасовой, взятому нами для данного анализа за основу, модель (от фр. «modele» от итал. «modello» – образец) в языкознании – это схема или образец какой-либо языковой единицы, показывающие

последовательное расположение составляющих ее частей [4. С. 32]. Данный ученый определяет фразеологическую модель как синтаксическую схему «с разнообразным компонентным составом, «намертво» закрепленную в каждом отдельном случае сочетания» [6. С. 32].

1. Среди **предметных фразеологизмов с компонентами-метеонимами в русском языке** значительную часть составляют единицы, в которых главным компонентом выступает имя существительное.

Более 80 % исследуемых фразеологизмов построено по модели субстантивного словосочетания «прилагательное + существительное». Например, *живая вода, летошний снег, золотой дождь*. Морфологическая категория падежа в данных единицах выражена дважды – флексией грамматически главного и флексией грамматически подчиненного компонентов.

В составе предметных фразеологизмов с компонентами-метеонимами русского языка находятся компоненты-имена: существительные, прилагательные, местоимения, числительные, а также служебные части речи – предлоги. Основная масса данных фразеологизмов включает в свою структуру существительное в качестве фразообразующего и/ или подчиненного компонента. Синтаксически предметные фразеологизмы организованы или как словосочетания с подчинительной связью между компонентами, или как сочетания слов с сочинительной связью.

Нами выявлены следующие наиболее продуктивные структурные синтаксические модели предметных фразеологизмов с компонентами-метеонимами русского языка:

– прилагательное + существительное (55 % от общего числа структурных моделей): *звезд-*

ный дождь, зеленый туман, вольный ветер, божий свет, злая водица, новый свет, винные пары, старый свет и др.;

– существительное + существительное (35 % от общего количества моделей исследуемых фразеологизмов): *гроза дворов, капля воды (в море), дым коромыслом* и др.

Кроме того, используются и другие менее представленные модели исследуемых единиц, включающие компоненты-предлоги:

– существительное + предлог + существительное (8 % от общего числа структурных моделей): *выход в свет, место под солнцем*;

– существительное + предлог + существительное + существительное (1 % от числа исследуемых моделей): *буря в стакане воды*;

– числительное + существительное + предлог + существительное (1 % от общего количества единиц): *седьмая (десятая) вода на киселе*.

Данные фразеологизмы предметной семантики могут состоять из различного числа компонентов: от 2 до 4. Наиболее многочисленна группа единиц, состоящих из 2 компонентов (55 % от общего числа фразеологизмов): *зеленый туман, вольный ветер, звездный дождь* и др.

2. Процессуальные фразеологизмы с компонентами-метеонимами русского языка построены по модели глагольного словосочетания.

Состав процессуальных фразеологизмов образуют компоненты-глаголы, существительные, наречия, прилагательные, местоимения. Большинство единиц построено по сложной синтаксической модели словосочетания с подчинительной связью между компонентами (60 % от общего числа исследуемых фразеологизмов). Например, *делать погоду, парить бока, выйти сухим из воды* и др. 40 % проанализированных единиц построено по модели простого, чаще двучленного предложения: *тучи сгущаются, гроза собирается, вихорь занес (кого)* и др. Например:

Накануне последнего года пятилетки, четвертого года, вокруг нашего Советского Союза очень крепко сгустились тучи, главным образом на Востоке (С. М. Киров, Ленинградские большевики...).

Выявлены 7 процессуальных фразеологизмов русского языка с компонентами «как», «будто», «словно»: *как в воду канул, как ветром сдуло, будто затмение нашло (на кого), как в (темном) лесу, как водой смыло, как (буд-*

то, словно) в воду глядел, словно ветром выдувало. Например:

– *Батя, откуда у вас гречишная мука?*

– *Мука?..*

Выражение благожелательства и превосходства как водой смыло с отцовского лица... Лицо вмиг утратило свою значительность, обострилось, обтянулось, стало маленьким (Г. Николаева, Жатва).

Данные фразеологизмы могут иметь в своем составе различное число компонентов: от 2 до 5. Например, единица *увидеть белый свет в клеточку* насчитывает 5 компонентов, а фразеологизм *напускать туману* состоит из 2 компонентов. Наиболее распространенный тип моделей включает 2, 3 компонента: *как ветром сдуло, выходить в свет, полететь на воздух, грянет гром, вихорь занес, свет стоит* и др.

3. Класс **качественно-обстоятельственных фразеологизмов с компонентами-метеонимами в русском языке** преимущественно представлен немотивированными единицами. Наиболее продуктивная морфологическая структура исследуемых фразеологизмов – формы родительного, творительного и предложного падежей. Наиболее продуктивные предлоги – «без», «с», «от», «до» с формой имени в родительном падеже; «в», «на» – с винительным; «за», «под» – с творительным: *до (белого) света (свету)*; *на чем свет (стоит)*; *от темна до темна*; *под солнцем*; *с ветру* и др.

Проанализированные качественно-обстоятельственные фразеологизмы русского языка состоят из компонентов-существительных, наречий, глаголов в разных формах, прилагательных, местоимений, числительных. Служебные части речи (предлоги, союзы и частицы) также входят в состав единиц.

Синтаксически данные единицы могут быть организованы по-разному. Они могут быть построены по следующим структурным моделям:

– словосочетание с подчинительной синтаксической связью (60 % от общего числа единиц): *на белом свете; не ближний свет*;

– генетически придаточное предложение (24 %): *как (будто, словно, точно) ветром сдуло (сдунуло) (кого, что)*; *как с гуся вода*;

– объединения однокоренных слов в различных предложно-падежных формах – тавтологические (6 %): *от светла до светла; от темна до темна*;

– падежная форма с существительным с определяющим словом или без него (10 %): *до (белого) света (свету)*.

Синтаксическая структура многих единиц данного класса замкнута, не допускает перестановки компонентов внутри фразеологического целого, не допускает включения слов-компонентов. Например, *как гром среди ясного неба, на ветер, чем свет, с ветерком*.

Количество компонентов в составе единиц может быть различным: от 2 до 6. Например, фразеологизм *с ветерком* образован двумя компонентами, единица *капля в каплю* содержит 3 компонента, а фразеологизм *темна вода во облацех небесных* состоит из 5-ти компонентов. Преобладают двухкомпонентные модели исследуемых единиц (62 %): *на ветер, чем свет, с ветерком, под солнцем* и др.

4. Призначные фразеологизмы с компонентами-метеонимами русского языка отличаются большим разнообразием своих структурных моделей. Нами выявлены следующие синтаксические модели:

- предлог + числительное + существительное (*в два света*);
- прилагательное + существительное (*чистойшей воды*);
- предлог + существительное + предлог + существительное (*с ветерком в голове; с пылу с жару*);
- существительное + существительное (*туча тучей*);
- генетически придаточное предложение (*как рыба в воде; один, как ветер в поле*);
- отглагольное прилагательное + существительное (*рожденные бурей*);
- предлог + существительное (*в тени*).

Глагол «быть» – довольно частая связка, выступающая оформителем синтаксического времени данных фразеологизмов. Например, *(быть) как в воду опущенным*.

Синтаксическая структура большинства исследуемых призначных фразеологизмов замкнутая (80 % от общего числа единиц). Однако некоторые единицы допускают постановку лексически факультативного компонента или перестановку компонентов: *подбитый ветром – подбитый ветерком – ветром подбитый*.

Количество компонентов в данных единицах может быть разным: от 2 до 6. Наиболее распространены трехкомпонентные фразеологизмы (60 %): *в два света, с того света, ветер на уме* и др.

5. Количественные фразеологические единицы с компонентами-метеонимами русского языка в свой состав включают компоненты-существительные, прилагательные,

глаголы, местоимения, предлоги, союзы, частицы. Синтаксически количественные фразеологизмы с компонентами-метеонимами организованы по-разному:

- предложно-падежные конструкции (80 %): *капля воды в море, на маковую росинку и др.*;
- модели однородных членов предложения (20 %): *дым да копоть* и др.;

Среди исследуемых фразеологизмов выявлены единицы с компонентом «что» (10 %), например, *что грязи*.

Количественные фразеологизмы с компонентами-метеонимами имеют замкнутую структуру, не допуская перестановки своих компонентов. Формальные изменения у некоторых количественных фразеологизмов возможны в связи с компонентным или количественным варьированием. Например: *(ни) маковую росинку; на каплю (на капельку); ни на каплю (ни на капельку); капля в море, капля в море (чего), капля воды в море, как (что) капля в море*.

Число компонентов в количественных фразеологизмах – от 2 до 4. Так, в составе единицы *на маковую росинку* находятся 3 компонента, а в составе фразеологизма *тьма тьмущая* – 2 компонента.

6. В состав модальных фразеологизмов с компонентами-метеонимами русского языка входят компоненты, которые генетически восходят к различным частям речи: именам существительным, прилагательным, глаголам, местоимениям и предлогам.

По синтаксической структуре данные фразеологизмы разнообразны:

- предложно-падежные конструкции (*с легким паром*);
- субстантивные словосочетания с согласуемым или управляемым подчиненным компонентом в родительном падеже (*попутного ветра*);
- субстантивные словосочетания с согласуемым или управляемым подчиненным компонентом в творительном падеже (*какими ветрами*);
- простое предложение в повелительном наклонении (*разрази вас (тебя, их, его, ее, меня, нас) гром*).

Синтаксическая структура данных единиц замкнутая, не допускает варьирования компонентов.

7. Среди исследуемых единиц обнаружен 1 релятивный фразеологизм – в свете (чего).

По морфологической структуре данная фразеологическая единица представляет собой объединение простого предложения с именем существительным в предложном падеже. Фразеологизм образован двумя компонентами.

Таким образом, мы рассмотрели структурные модели фразеологизмов с компонентами-метеонимами в русском языке различных семантико-грамматических классов. В ходе анализа выявлено, что наиболее продуктивной синтаксической моделью данных фразеологических единиц является модель словосочетания. Количество компонентов, составляющих фразеологизм, может быть различным: от 2 до 6. Наиболее распространен двух-трехкомпонентный тип моделей.

Список литературы

1. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии : Ист.-этимол. справ. / А. К. Бирих,

В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. СПб., 2001. 78–79 с.

2. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология. М., 1989. С. 53.

3. Телия, В. Н. Большой фразеологический словарь русского языка. М., 2009. 784 с.

4. Чепасова, А. М. Мир русской фразеологии : книга для юношества. Челябинск, 1998. 216 с.

5. Чепасова, А. М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учеб. пособие. Челябинск, 2006. 144 с.

6. Чепасова, А. М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов. Челябинск, 1983. 92 с.

И. К. Феоктистова

ПОВЕСТВОВАНИЯ О БРАТЬЯХ БЕЛОУСОВЫХ (ПО МАТЕРИАЛАМ АЛЕКСАНДРА МИСЮРЁВА)

Впервые рассматривается жанровая принадлежность частей контаминированных повествований о силачах братьях Белоусовых, записанных и опубликованных Александром Мисюрёвым. В текстах также системно проанализированы мифологические и эпические мотивы.

Ключевые слова: фольклорный жанр, повествование, мифологический мотив, эпический мотив.

Александр Мисюрёв, записывая в 1930-е гг. в старинных горнозаводских селах юга Западной Сибири устную прозу потомков закрепощенных рабочих, позднее опубликовал всего два текста о силачах братьях Белоусовых. В связи с этим вряд ли уместно применительно к данному материалу употреблять термин «цикл», однако первое повествование «**Про колыванского змея и братьев Белоусовых**» является контаминированным, состоит из девяти частей, которые могут бытовать самостоятельно: 1) про колыванского змея; 2) как рабочий Вилага прочил помощника управляющего немца Вецеля; 3) история беглеца Тычкина; 4) «как старшой Белоусов на покосе змея убил»; 5) бегство и жизнь на свободе братьев Белоусовых; 6) попытка братьев убить «сударя» – управляющего Лаулина; 7) зверства управляющего Злобина; 8) как пастух Митрий Половинкин отомстил своему «сударю»; 9) попытка Белоусовых отомстить Злобину за смерть рабочего.

Мы рассмотрим с точки зрения жанровой принадлежности те части сводного текста, в которых братья и/или враг всего рабочего люда – змей, символизирующий крепостничество, занимают центральное место, проведем анализ мифологических и эпических мотивов.

Часть «**Про колыванского змея**» представляет собой сочетание поверья о мифическом змее, живущем на Фабричной сопке, с преданием о действии его свиста:

«Колыванский змей очень старый, давнишний. Люди говорят: чешуя у него вроде как рыба, глаза зеленые, навывкате. Глаза – по пятаку. Сам – длинный, с бастрок. Кому покажется – тот человек вскорости помирает» [5. С. 16–17]. Бастрок – «это стяг, которым сено, солома <...> притягиваются на возу» [2. С. 210].

Таким образом, описание змея сделано людьми, которым якобы не повезло его уви-

деть или, что более вероятно, обладающим богатым воображением. Но *слышать* змея, по словам исполнителя, приходилось всем и каждому, поскольку издаваемый звук по силе подходил на фабричный гудок. Излюбленное время свиста – весенние темные ночи.

История о том, «**как старшой Белоусов на покосе змея убил**» [5. С. 19–20], привлекала внимание исследователей из-за наличия яркого эпического мотива «змееборчества». Старший Белоусов, как и русские былинные богатыри, использует в поединке только свою огромную физическую силу. Различие состоит в том, что змей не проявлял никакой агрессии, хотя бы потому что спал, и Белоусов первым напал на него.

Из ноздрей змея, проснувшегося от удара топора Белоусова, полетели искры. Даже когда голова была, наконец, с третьего удара отсечена, тело змея еще жило и пыталось задавить смельчака хвостом. Сбежавшиеся на помощь братья освободили старшего и с песней понесли насаженную на кол змеиную голову в Колывань. В описании размеров головы также используется гипербола – «*аршина три-четыре в ней будет*» [5. С. 19], то есть от двух до трех метров.

По приказу управляющего Лаулина из головы было сделано чучело и выставлено в кабине. Однако управляющему этого показалось мало, он потребовал от братьев убить еще трех таких же змеев, иначе пообещал запороть до смерти. Подобное заведомо невыполнимое требование и послужило причиной бегства.

Далее повествуется об обстоятельствах бегства братьев и житье на свободе. Чтобы уйти от погони, они использовали свою богатырскую силу: поднявшись «*в белки*», то есть на заснеженные вершины – «*на самый камень*», они на арканах сумели поднять и коней. Преследовавшим их казакам такой подвиг ока-

зался не по плечу, и погоня вернулась ни с чем. На свободе братья вели себя как типичные беглецы: они «барантовали», то есть разбойничали, обирая богатых мужиков. Характерный мифологический мотив – неуязвимость:

«Ежели кто в них стрелит – пулю в ладонь ловили, а то – в подол рубахи, через плечо бросали. Бедный народ им не противен, и они не были противны народу. Беглецам от народа уважение было» [5. С. 20].

Здесь налицо сочетание мотивов героического эпоса и предания.

Следующие части также могли бытовать вне целого рассказа: представлена история о неудавшейся попытке братьев убить «сударя» – управляющего Лаулина; изображено зверство управляющего Злобина, который своими действиями полностью оправдывал «говорящую» фамилию, проявляя настоящий садизм: по его приказу «Шипунова Ивана Федорыча задрали до смерти. Дерут, а Злобин сидит на балконе, сигару курит, наблюдает». На просьбы фельдшера прекратить порку управляющий отмалчивался, продолжая курить, и только когда ушел, выбросив окурок, рабочего «на кошмах унесли в лазарет. Пока несли – кончился» [5. С. 20–21].

В этом рассказе отсутствуют ярко выраженные мифологические мотивы, но все же речь идет об особых обстоятельствах смерти, поэтому имплицитно мифологема включена в текст. Именно такие ситуации порождают открытое (борьбу) или пассивное (бегство) сопротивление. Братья Белоусовы представляют собой редкое явление: это не просто беглецы, благородные разбойники, живущие грабежами богатых, они имеют намерения восстановить социальную справедливость: отомстить Злобину за смерть Шипунова, о чем повествует последняя часть.

Ей предшествует история, «как пастух Митрий Половинкин отомстил своему “сударю”» [5. С. 21–22]. Братьям, в отличие от пастуха Половинкина, не удалось физически расправиться со своим врагом, однако они одержали моральную победу: Злобин вначале испытал унижение, поскольку вынужден был отсиживаться в угольном коробе, как ранее Лаулин. В результате стал посмешищем для рабочих: «Мастеровые со смеха животы надорвали: какой вышел закон – управителям в коробе сидеть» [5. С. 22].

Затем управляющий был повержен самим ходом истории, поскольку вышел указ об отме-

не крепостного права – *«Конец обязательному труду»*: Злобин зубами скрипел от переполнявших его чувств, а Белоусовы, как ни странно, *«ушли еще дальше в горы и стопудовый лом в расщелине скалы оставили – в знак памяти. Лом и теперь в той скале. И змеи ушли из этих мест»* [5. С. 22].

Братья уходят, как былинные богатыри, потому что им теперь не с кем бороться, они свободны, враг исчез как таковой. Можно сказать, что и змеи исчезли потому, что они в определенной мере символизировали крепостничество: недаром говорилось, что змей на Фабричной сопке – *«с крепостных времен <...> с обязательного труда»* [5. С. 17].

Правда, в первой части рассказчик использует форму настоящего времени – *«змеи живут»*, но к концу повествования оказывается, что *«змеи ушли из этих мест»* [5. С. 22]. Такого рода противоречия могут встречаться в ходе развертывания большого многосоставного произведения, ведь подобные случаи встречаются даже в эпических песнях, тексты которых гораздо устойчивее прозы.

Как показывает проведенный анализ, в изображении братьев Белоусовых доминируют эпические мотивы, дополненные мифологическими. Полный текст можно охарактеризовать как контаминированное предание, отдельные части которого включают эпические мотивы, в результате чего они получают промежуточный межжанровый характер.

Второй текст назван собирателем **«Камень ворочали»** [5. С. 22–23]. В отличие от первого, здесь в центре предания два главных эпизода – бегство братьев Белоусовых, их пленение и смерть. Основной мотив – гиперболизация физической силы: *«<...> на ногах кандалы по пуду, а каждый вывернет глыбу в сто пудов, на плечо вскинет и прет – с Чарыша в Кольвань»* [5. С. 22].

В Коргоне старший Белоусов оставил память о братьях – *«лом железный воткнул в трещину скалы – на двадцать пять пудов лом.*

– Память вам оставляю про Белоусовых!

Лом и теперь там» [5. С. 22].

Когда братьев с большим трудом поймали, они ушли из тюрьмы, применив свою огромную силу, без какой-либо магии: *«Как ночь пала – ушли Белоусовы. Кандалы унесли, решетки унесли, лошадей увели у начальника»* [5. С. 23]. Взять их смогли только подлым способом: арестовали отца и стали подвергать порке кнутом. Чтобы спасти отца, братья сда-

лись и были запороты насмерть на Пригонной сопке.

О том, что отдельные части сводного повествования могут бытовать самостоятельно, свидетельствует издание 1954 г. «Предания и сказы Западной Сибири» [4]. Здесь текст носит название «Змей убивали и в управителя стреляли», первые три эпизода отсутствуют, остальное опубликовано полностью [4. С. 84–87].

Интересно, что в разных изданиях Мисюрёв менял и расположение текстов. Так, в сборнике 1940 г. вначале идет повествование «Про колыванского змея и братьев Белоусовых», а затем «Камень ворочали».

В сборнике 1954 г. вначале идет текст о гибели Белоусовых, причем преданию составитель дает иное название, которое представляется более обоснованным – «За отца». Следовательно, второе место занимает повествование, где братья вместе со всеми дожидаются «манифеста» и становятся свободными. Такая композиция сборника способствует более оптимистическому восприятию произведений, что, возможно, было продиктовано желанием следовать требованиям времени.

Очевидно, Мисюрёв, следуя своему замыслу, изменил композицию при подготовке издания 1954 г., а затем, в период «хрущевской оттепели» (в 1959 г.) вернулся к предшествующему варианту. Трудно сделать вывод о том, какой порядок является более обоснованным, степень авторского вмешательства составителя можно установить только при сличении публикаций с рукописью.

Это обуславливает закономерный вывод о необходимости обращения ко всем материа-

лам экспедиций Александра Мисюрёва 1930–1950 гг. в южную часть Западной Сибири. Следует учитывать, что, по свидетельству известного фольклориста М. Н. Мельникова, речь идет о тысячах записей [3. С. 172], а опубликовано менее двухсот. Поэтому необходимо провести детальное и объективное исследование совокупности рукописей и издать их в составе нового, желательного полного, научного сборника с соблюдением всех эдических требований. Пояснения автора к ранее опубликованным текстам, носящие популярный характер, сопроводить научными комментариями.

Список литературы

1. Легенды и были. Сказания алтайских мастеровых / А. А. Мисюрёв. Новосибирск, 1938. 220 с.
2. Легенды и были. Фольклор старых горнорабочих Южной и Западной Сибири / А. А. Мисюрёв. Новосибирск, 1940. 232 с.
3. Мельников, М. Поиски сокровищ // Сибир. огни. 1969. № 12. С. 172–173.
4. Предания и сказы Западной Сибири / Записи и коммент. А. А. Мисюрёва. Новосибирск, 1954. 108 с.
5. Сибирские сказы, предания, легенды : сборник / А. А. Мисюрёв. Новосибирск, 1959. 230, [1] с.
6. Словарь металлургических терминов [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academ-ic.ru>

КЛАССИФИКАЦИЯ ВЕРБАЛЬНОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТИ

На основе дистинктивных признаков недостаточности составлена комплексная классификация, вычлняющая 25 форм этого феномена. Классификация предусматривает 4-уровневую градацию по 7 основаниям и позволяет точно дифференцировать ту или иную манифестацию недостаточности. Материалом анализа служат языковые факты вербальной недостаточности в русском и немецком языках, в конфронтации и переводе.

Ключевые слова: классификация, конфронтация, вербальная недостаточность, немецкий язык, перевод, русский язык.

Исходя из значимости типологизации объекта исследования для его познания, представляем опыт комплексной таксономической классификации вербальной недостаточности в одноязычии и двуязычии.

Настоящая работа видится актуальной по нескольким причинам:

– систематизация многочисленных манифестаций этого многогранного и многомерно-го явления позволит осуществить более тонкую дифференциацию форм недостаточности, которые проявляются в вербальной коммуникации синкретично, нелинейно и кумулятивно;

– систематизация недостаточности в открытой классификации позволяет прогнозировать дальнейшие формы недостаточности;

– в статье представлены результаты сопоставительного анализа языковых фактов недостаточности русского и немецкого языков, расширяя языковую палитру и обогащая теоретическую базу языковым материалом в конфронтационном аспекте¹.

Рассмотрение лингвистических форм недостаточности дает основание говорить о ней как об универсальном, всеобщем и вневременном явлении в области языка, подтверждая панхронимический характер предпринимаемого анализа (ограниченного, однако, двуязычной базой – в рамках фактического материала). В работах исследователей недостаточности приводятся примеры различных ее форм в русском, английском, французском, немецком, латинском, греческом языках, а также отмечены языковые факты недостаточности, имеющие отличительные черты на разных этапах формирования национальных языков.

Исследование проводится на материале двух языков: немецкого и русского, – при этом рассматриваются формы вербальной недостаточности как в изоляции (в каждом языке от-

дельно – в одноязычной коммуникации), так и в условиях языкового контакта (в двуязычной коммуникации, при конфронтации языковых фактов и при переводе). Фактический материал ограничен рамками двух национальных языков, однако представленная ниже классификация предполагает возможность дальнейших дополнений в создаваемой таксономии. Потенциальные формы недостаточности могут отсутствовать в настоящей классификации по объективным причинам, в силу их непредставленности в немецком и русском языках. В то же время в ходе анализа иного фактического материала (при исследовании других языков – в условиях одноязычия и/или двуязычия) могут быть обнаружены новые формы недостаточности², которые найдут себе место в продолжении данной классификации. Таким образом, разрабатываемая система является открытой.

В лингвистической литературе представлены комплексные подходы к анализу вербальной недостаточности³, где намечены черты ее классификации по смежным основаниям. В настоящей работе для классификации используются непротиворечивые основания, что позволяет создать перекрестную схему и детально разграничить близкие формы избыточности. Таким образом строится суммативная таксономическая стратификация вербальной недостаточности.

В ходе предшествующего авторского анализа онтологии вербальной недостаточности выявлены следующие ее дистинктивные свойства: субстанциональная и ситуативная детерминированность, большой семантический потенциал, однотипность или одномерность, обязательность или факультативность, большой прагматический запас. В соответствии с ними основания классификации составляют: детерминированность языковой ситуацией; об-

условленность языковыми или внеязыковыми факторами; языковая манифестация; взаимодействие с системой и нормой языка; коммуникативная облигаторность; коммуникативный эффект; реализация. В результате выделены группы форм недостаточности с несколькими уровнями детализации.

(1) **Детерминированными языковой ситуацией** являются формы недостаточности в одноязычной (1.1.) и в двуязычной (1.2) коммуникации. В двуязычной коммуникации недостаточность демонстрирует различные типы соотносительности языка-источника (ИЯ) и языка перевода (ПЯ).

Межъязыковая симметрия (1.2.1) при тождестве языковых фактов недостаточности в ИТ и ПТ обусловлена аналогией в системе, норме и узусе ИЯ и ПЯ: *In höheren Führungspositionen sind sie mit knapp vier Prozent kaum vertreten. Dafür umso häufiger in den so genannten Niedriglohn-Gruppen, aus denen sie auch kaum wieder heraus kommen*⁴. – Менее 4 % из них занимают руководящие должности. И очень часто – низкооплачиваемые должности без перспективы карьерного роста.

Межъязыковая асимметрия (1.2.2) с разными формами в ИТ и ПТ: *Wilhelm von Humboldt sitzt auf seinem steinernen Sessel und blickt stolz auf die Studenten herunter*⁵. – Вильгельм фон Гумбольдт восседает в каменном кресле и гордо глядит на студентов с постамента. Лингвистическая недостаточность ПЯ (отсутствие аналогии немецким дейктическим приставкам в системе русского языка) компенсируется лексически (с постамента), выходя в экстралингвистическую форму.

Коммуникативная асимметрия (1.2.3) с существенно различными формами недостаточности в ИТ и ПТ детерминируется отсутствием соответствия в языковой системе, норме и узусе ИЯ и ПЯ, провоцирует коммуникативную неудачу или переводческие ошибки. *Der Duden steht heute wohl im Bücherregal jeder Familie*⁶ (внутриязыковая недостаточность релевантной информации) – *Пожалуй, нет такой семьи, где бы не было Дудена* (экстралингвистическая недостаточность когнитивного уровня; надо: *Пожалуй, нет такой семьи, где бы не было словаря Дудена*, – чтобы компенсировать социолингвистическую разницу, заключенную в фоновой информации о значении Дудена в истории лексикографии и в целом просвещения Германии).

Нивелируемая недостаточность (1.2.4) без аналогии в системах ИЯ и ПЯ представлена

только в ИТ: *Уважаемые профессора!* Экстралингвистический контекст предполагает присутствие (или гипотетическую возможность присутствия) в академической аудитории лиц и мужского и женского пола. Социокультурная специфика детерминирует недостаточность ИТ, которая вербализуется полной манифестацией в ПТ, так как при переводе необходимо учесть данные различия и эксплицировать скрытую информацию: *Hochgeehrte Professorinnen und Professoren!*

Экстрагируемая недостаточность (1.2.5) представлена только в ПТ: *1880 veröffentlichte das Bibliographische Institut Leipzig das erste Wörterbuch Dudens mit 28000 Stichwörtern*⁷. – В 1880 г. самим Библиографическим институтом в Лейпциге был издан первый словарь Дудена с 2800 словарными статьями. В этом примере экстралингвистическая недостаточность в последнем предложении связана с расхождением преинформационных запасов получателей ИТ и ПТ, так как, очевидно, не все русскоязычные читатели понимают значение реалии *Библиографический институт*.

(2) В соответствии с обусловленностью языковыми или внеязыковыми факторами различаются лингвистическая (2.1) и экстралингвистическая (2.2) недостаточность.

Лингвистическая недостаточность (2.1) определена самой системой языка и имеет две формы выражения: (2.1.1) синтаксическая и (2.1.2) семантическая недостаточность.

Синтаксическая (2.1.1) – недостаточность материальной стороны языкового знака, которая возникает на уровне взаимодействия языковых знаков и обусловлена внутренними законами языка как семиотической системы, например, отсутствие согласования подлежащего и сказуемого:

*И царица хохотать,
и плечами пожимать,
и подмигивать глазами,
и прищелкивать перстами <...>*⁸.

Семантическая недостаточность (2.1.2) идеальной стороны языкового знака возникает на уровне взаимодействия языковых знаков с обозначаемыми понятиями и предметами и обусловлена законами языка как системы отражения духовных образов в сознании субъекта речи, например, неполная презентация сказуемого, очевидного из контекста: *Würde <bringt, verursacht, hat zufolge> Bürde, Всему свое время <назначено, дано, определено и т. п.>*.

Экстралингвистическая недостаточность (2.2) определяется коммуникативными условиями, возникает на уровне взаимодействия языка и субъекта речи.

К **прагматической недостаточности релевантной информации (2.2.1)** относятся реализации особых коммуникативных заданий субъекта речи: *Маша. Но ведь есть другие лошади... (Видя, что отец молчит, машет рукой). С вами связываться... <бесполезно, бессмысленно>*⁹.

Недостаточность нерелевантной информации (2.2.2) имплицитно подразумевает фрагмент содержания без особого коммуникативного задания: *Im Nordwesten <erscheinen> viele Wolken mit nur kurzen Auflockerungen und vereinzelt <gibt es> etwas Regen. Sonst <ist es, bleibt es> meist gering bewölkt oder sonnig und trocken. Höchstwerte <betragen, erreichen> drei bis elf Grad*¹⁰. *Повернулся – и из сада. Львы – за ним*¹¹.

(3) **Языковая манифестация недостаточности** разделяет две основные формы, коррелирующие с иерархической структурой языка (3.1) и с дискурсом (3.2).

Среди форм недостаточности, классифицированных в соответствии с иерархией языка, различается недостаточность на лексико-семантическом (3.1.1), морфемно-морфологическом (3.1.2) и синтаксическом уровне (3.1.3).

Примерами **лексико-семантической недостаточности (3.1.1)** могут служить реалии, аллюзии и коннотации, содержащие семы со сложным многокомпонентным этно- или социокультурным наполнением:

*И в последнем споре возьму тебя – замолчи! – У того, с которым Иаков стоял в ночи*¹².

Морфемно-морфологическая недостаточность (3.1.2) представляет усечения морфем при аббревиации. В данном случае проявляется свойство недостаточности, заключенное в устранении одномерной дискурсивно частотной информации. При известности аббревиатуры всем носителям языка можно говорить о псевдонедостаточности: *ЖКС – жилищно-коммунальный совет; жилищно-коммунальное строительство; желудочно-кишечный стаз*¹³, *eva <Echt voll affig>. IKEA <Ich krieg einen Anfall>*¹⁴.

Синтаксическая неполнота (3.1.3) – нулевая реализация сегментов, формально необходимых в соответствии с языковой нормой, например, автосемантические эллипсис и компрессия в диалогической речи: *Nicht wirklich. Kaum zu glauben. И что <ты, он, она, они сказал (а,*

и), сделал (а, и) >? И что дальше <будет, делать>? И что теперь <делать будем, делать будешь, делать думаешь>?

Выделенные в соответствии с дискурсом формы недостаточности (3.2) далее детализированы как недостаточность части информации (3.2.1) и как непредставленность полного объема информации (3.2.2).

Частная недостаточность (3.2.1), конституируясь различными языковыми средствами, может быть реализована на уровне слова, то есть ограничена рамками одной лексической единицы, классифицируется как **частная словесная недостаточность (3.2.1.1)**: *профессор, доцент, председатель*, демонстрируя андроцентризм русскоязычной культуры, не содержат в себе указания на физиологический гендер, существительные общего рода не характеризуют именуемых лиц по признаку пола: *забияка, неряха, лежебока*. В немецком языке наличествует недостаточность грамматических показателей одушевленности/неодушевленности¹⁵.

Частная фразовая недостаточность (3.2.1.2) характеризуется независимостью от контекста, что позволяет вычленять ее в пределах одной коммуникативной единицы изолированно: *Am Polterabend wird getrunken, getanzt und gescherzt*¹⁶.

Я за книжку, <схватился, взялся>

та – бежать <пустилась, принялась, взялась>

*и вприпрыжку под кровать <убежала, спряталась, метнулась>*¹⁷

Частную сверхфразовую недостаточность (3.2.1.3) отчетливо демонстрирует литература символизма, постмодернизма, концептуализма: Д. И. Пригов, Л. С. Рубинштейн, В. П. Некрасов, К. Kracht¹⁸.

Полная недостаточность (3.2.2), нулевая презентация полного объема информации детерминирует недостаточность особой формы, являясь субстанциональной характеристикой асинхронной коммуникации в условиях двуязычия. Следует подчеркнуть, что недостаточность при этом носит преходящий характер. Временно непереуслышанные тексты, отсутствующие в принимающей культуре, потенциально могут быть переданы на ПЯ.

(4) **Отношение недостаточности к языковой системе и норме**, один из наиболее частых принципов классификации в лингвистической литературе, позволяет выделить формы недостаточности, обязательные (4.1) и факультативные (4.2).

тивные (4.2) в вербальной коммуникации.

Обязательная недостаточность (4.1) детерминируется языковой системой и неизменно проявляется в речи вне зависимости от условий и участников коммуникации, так как является неотъемлемой частью лингвистического кода, например, отсутствие грамматических указаний на одушевленность в немецком языке (на лексическом уровне), отсутствие подлежащего как норма отдельных форм императива в побудительных предложениях в русском и немецком языках (на синтаксическом уровне).

Факультативная недостаточность (4.2) не заложена в системе языка и может быть представлена двумя формами: конвенциональной (4.2.1) и неконвенциональной (4.2.2).

Конвенциональная недостаточность (4.2.1) проявляется как закрепленная языковой нормой традиция в определенных ситуативных и вербальных контекстах: *Чему быть, того не миновать. Andere Jahre, andere Haare. Innen Schmutz, außen Putz.*

Неконвенциональная недостаточность (4.2.2) является идиоформой, так как каждый раз уникальна в речи коммуниканта. При этом она отступает от нормы языка, детерминируясь индивидуальной коммуникативной компетенцией носителя речи и/или ситуацией общения. К таковым следует отнести переспросы в диалогических единствах: *A?.. И?.. Und?.. Wieso?..*

(5) По коммуникативной облигаторности можно выделить коммуникативно значимую (5.1), то есть имеющую особое коммуникативное задание, и не значимую недостаточность (5.2).

Коммуникативно значимая недостаточность (5.1), по результатам предпринятого ранее анализа, имеет несколько форм, служащих для реализации различных коммуникативных заданий в субстанционально и ситуативно детерминированных контекстах. Такие формы недостаточности коррелируют с функциональными стилями, жанрами и типами текста, другими стилистическими особенностями текста¹⁹.

Коммуникативно незначимая недостаточность (5.2) представлена второстепенными, формально-необходимыми элементами в речевой цепи. Это связочные или семантически бедные глаголы (*быть, стать, становиться, sein, bringen, werden*), отсутствующие в пословицах, а также предлоги и союзы: *Ost und West, daheim das Best. Wo Speise, da Mäuse.*

Где жить, тем богам и молиться. Из грязи в князи.

(6) В соответствии с коммуникативным эффектом можно различать позитивную (6.1) и негативную (6.2) формы недостаточности.

Позитивная недостаточность (6.1) способствует оптимизации коммуникации. При этом она служит реализации определенного коммуникативного задания и носит прагматический характер. Или является частью языкового кода, где прагматическая составляющая не столь очевидна коммуникантам, а обнаруживается только в ходе лингвистического анализа.

Негативная недостаточность (6.2) не имеет телеологической заданности, а определяется уровнем коммуникативной компетенции участников общения и посредников. В одноязычной ситуации такая недостаточность провоцирует обилие переспросов, уточнений, запросов на передачу релевантной информации. В двуязычной ситуации такая недостаточность имеет форму неполноты информации социокультурного плана, фоновых знаний, которая требует детализации в описаниях и комментариях, отражая недостаточную компетенцию переводчика. Именно обременение коммуникации служит причиной признания такой формы недостаточности негативной.

(7) Реализуемость недостаточности служит основанием для выделения активной (7.1) и пассивной форм (7.2).

Активная недостаточность (7.1) носит единичный характер в каждом акте вербальной коммуникации и реализуется непосредственно в данных ситуативном и текстовом контекстах. При этом единичность недостаточности этой формы не отождествляется с уникальностью, так как обладает повторимостью и воспроизводимостью, например, в письменной форме коммуникации.

Пассивная недостаточность (7.2) заложена в системе языка на различных уровнях его иерархии и является как следствием внутреннего развития национального языка, так и результатом языковых контактов.

Подводя итоги представленного анализа, следует подчеркнуть выявленные особенности вербальной недостаточности: панхронимический характер ее присутствия в различных национальных языках, универсальный характер ее манифестации в системе языка, а также в различных типах текстов и в различных условиях коммуникации. Недостаточность в силу многомерности, полифункциональности и ва-

риативности манифестаций является объективной проблемой, затрагивающей разделы общего и частного, типологического и сопоставительного языкознания, не нашедшей полного освещения в лингвистической литературе.

Примечания

¹ Считаю необходимым подчеркнуть, что построение классификации (и в целом проведение исследования) как таксономической картины недостаточности видится нам вслед за Л. Л. Нелюбиным принципиальной задачей: Нелюбин, Л. Л. Сравнительная типология английского и русского языков. М., 2007. С. 37.

² Грудева, Е. В. Избыточность текста, редукция и эллипсис (на материале русского языка). СПб., 2008. С. 4.

³ См: Адмони. В. Г. Синтаксис современного немецкого языка. Система отношений и система построения. Л., 1973 ; Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 2004 ; Венедиктова, Ю. Е. СМС-сообщения: опыт типологического исследования (на материале английского и русского языков). М., 2011 ; Грудева, Е. В. Избыточность текста... ; Давыдова, М. М. Прагматические характеристики эллипсисов (на материале современного английского языка). Курск, 2012 ; Дмитриева, И. В. Виды синтаксической имплицитной информации в различных функциональных стилях английского языка. Минск, 1990 ; Есперсен, О. Философия грамматики. М., 1958 ; Комарова, С. С. Семантическая компрессия в прагматике высказывания: на материале немецкоязычной прессы. Самара, 2005 ; Лисник, М. В. Лингвистические признаки речевой компрессии в ситуации искусственного билингвизма (русско-французский языковой контакт). Ярославль, 2005 ; Литвин, С. И. Компрессия художественного текста в двуязычной ситуации (на материале английского и русского языков). М., 2003 ; Маракушина, Г. В. Роль компрессии в лексической номинации (на материале английского, немецкого и русского языков). М., 2008 ; Реунова, О. И. Эллипсис как лингвистическое явление. Пятигорск, 2000 ; Сиротки-

на, Е. С. Русскоязычная смс-коммуникация как объект лингвистического анализа. М., 2012 ; Умирзаков, Қ. Т. К проблеме грамматического и семантического эллипсиса сложноподчиненных предложений с придаточными меры и степени в разносистемных языках [Электронный ресурс]. URL: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/2653-2012-05-21-07-13-32>; Яковишена, Н. Ю. Компрессия номинативных единиц в научно-техническом тексте в когнитивном и функциональном аспектах. Донецк, 2007; Ястреб, О. Ю. Компрессия информации в некоторых текстах делового общения: на примере текстов предложения вакантной должности. Пятигорск, 2006.

⁴ URL: www.dw.de/deutsche-firmen-setzen-auf-familie/a-116810000.

⁵ URL: www.dw.de/dw/article/0,,6080416,00.html

⁶ Richter, M. *Kurz und bündig* / M. Richter, D. Lis-kowa. Leipzig, 1985.

⁷ Там же. С. 31.

⁸ Пушкин, А. С. Сказки. М., 1974. С. 80.

⁹ URL: lib.ru/LITRA/CHENOW/chajka.txt.

¹⁰ URL: www.dw.de/dienstag-26-oktober-2010/a-6151003.

¹¹ Сахарнов, С. Сказки из дорожного чемодана. М., 1979. С. 49.

¹² Цветаева, М. И. Собрание стихотворений, поэм и драматических произведений : в 3 т. Т. 1. М., 1990. С. 320.

¹³ URL: nada25.ucoz.ru/forum/8-5671-1

¹⁴ URL: www.bild.de/digital/technikwelt/lexikon/was-die-handy-geheimsprache-bedeutet-7814672.bild.html

¹⁵ Филиппова, И. Н. Сравнительная типология немецкого и русского языков. М., 2013. С. 98–99.

¹⁶ Richter, M. *Kurz und bündig*... С. 18.

¹⁷ Чуковский, К. И. Чудо-дерево и другие сказки. М., 1975. С. 33.

¹⁸ URL: www.prigov.ru/bukva/azbuka14.php ; URL: www.rvb.ru/np/publication/02comm/33/04rubinstein.htm ; URL: lib.ru/proza/nekrasow/ ; URL: lib.rus.ec/a/6448.

¹⁹ Филиппова, И. Н. Недостаточность в различных типах текста // Перевод и когнитология в XXI в. М., 2011. С. 100–104.

Л. М. Шакирьянов

СТРУКТУРА АНТОНИМИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (на материале специальной лексики)

Анализируется структура антонимии специальной лексики в экономическом дискурсе, исследование которого в таком ключе позволило более комплексно рассмотреть явление антонимии в языке и речи. Необходимость подобного анализа обусловлена тем, что участники данной сферы деятельности помимо парадигматической антонимии широко используют речевую, или контекстуальную антонимию, которая, в свою очередь, является важной составляющей всей системы.

Ключевые слова: антонимия, экономический дискурс, парадигматика, синтагматика, системные, системно-речевые и речевые оппозиции.

Профессионализмы в сфере экономики встречаются в основном в экономическом дискурсе, который как объект изучения уже давно занял свое место среди исследований как лингвистов, так и экономистов. Е. Ю. Махницкая характеризует экономический дискурс как совокупность всех речевых актов, используемых при описании и характеристике экономических реалий. Под экономическим дискурсом автор понимает устные и письменные фрагменты текста и целые тексты, отражающие экономическую практику [1. С. 159]. По мнению Е. Д. Степановой, экономический дискурс – это интерактивное взаимодействие участников общения в сфере финансово-кредитных, налоговых, коммерческих, предпринимательских отношений [3. С. 436].

Экономический дискурс богат всевозможными антонимами, однако если вопрос антонимии на парадигматическом языковом уровне является достаточно изученным, то что касается явления речевой, или контекстуальной антонимии, ее структура, как правило, предстает перед нами весьма смутно.

Одной из недавних попыток разобрать речевую антонимию стала диссертация Ю. О. Новиковой на тему «Речевая антонимия как отражение обыденной картины мира», где автор выдвигает критерии, позволяющие раскрыть речевую антонимию как многомерную структуру. В ней предлагаются классификации антонимических оппозиций на основе выделенных критериев и устанавливаются особенности функционирования антонимов в речи.

Раскрыв речевую антонимию многомерно, в трех измерениях, ученый выделил три критерия, лежащие в основе классификации основных оппозиций, а именно структурно-семантический, метафизический и результативный

[2. С. 17]. Заострив внимание на первом критерии, Ю. О. Новикова говорит о трех основных группах антонимических оппозиций: системные оппозиции, системно-речевые оппозиции и речевые оппозиции.

Как пишет ученый, системные оппозиции в большинстве случаев зафиксированы в лексикографических источниках. Такие пары слов входят в основу лексикона человека, отличаются высокочастотным употреблением в речи и реализацией антонимических отношений вне зависимости от контекста.

Системно-речевая группа располагается в околоядерной зоне антонимической системы, а входящие в нее антонимы имеют двойную референцию к языку и речи. Такие элементы характеризуются более низкой степенью антонимичности и частотности употребления в речи и, в силу своей вариативности, по большей части не фиксируются в словарях.

Последний тип – речевые оппозиции – самая большая, гетерогенная по составу группа находится на периферии антонимической системы. Члены оппозиций, входящие в такую структуру в основном представлены словосочетаниями, предложениями, сверхфразовыми единствами, в результате чего противопоставляются по смыслу, а не по значению [2. С. 18–21].

Отметим, что применительно к своей классификации автор также говорит о том, что каждая вышеперечисленная группа подразделяется на три подгруппы, таким образом, имея такую же сферическую организацию, как и вся система в целом: ядро – околоядерная зона – периферия. Однако в настоящей работе мы коснемся лишь вершины сферы.

Таким образом, Ю. О. Новикова довольно четко описала структуру антонимии, предложив определенный метод анализа, который

может быть применен при исследовании специальной лексики экономического дискурса не только на уровне парадигматики, но и на синтагматическом уровне.

Для целей настоящего анализа был выбран Интернет-ресурс агентства Reuters, которое является одним из крупнейших в мире международных поставщиков новостей и финансовой информации.

С помощью одного из таких примеров с сайта компании разберем структуру антонимии в экономического дискурсе:

Deutsche Telecom rose 13.7 percent and Vodafone Plc (VOD.L) was up 4.2 percent.

But competitor Sprint Nextel Corp (S.N) shares were down 13 percent to \$4.39 before the bell [8].

Экономическая ситуация на рынке сложилась таким образом, что компании Deutsche Telecom и Sprint Nextel Corp. являются на рынке телекоммуникационных услуг прямыми конкурентами, что позволяет говорить о наличии между ними логико-семантического противопоставления или логико-семантической категории контраста [4. С. 249–251]. Именно благодаря ей данные элементы находятся в оппозиции друг к другу a priori.

Еще более явная структурная оппозиция прослеживается при анализе предикатов *rose* и *were down* – на них бы мы хотели остановиться более подробно.

Определение глагола *to rise* – англ. *increase in number, size, amount, or degree*, которое используется в экономическом дискурсе для описания действия подъема цен, акции, других экономических показателей, можно найти на авторитетном ресурсе “Oxford dictionaries” под номером шесть [11]. Согласно тому же словарю, *to be down* определяется как англ. *to or at a lower level of intensity or activity* с последующей конкретизацией дефиниции относительно уже экономических показателей – англ. *to or at a lower price, value, or rank* [7].

Дефиниции глаголов *to rise* – англ. *to increase in size, amount, quality, or strength* [10], и “to be down” – англ. *when something is reduced – a. at or to a smaller amount, lower level etc than before* [5], взятые из словаря “Macmillan Dictionary”, позволяют нам только продолжить общую линию исследования, заявляя о наличии между данными элементами структуры антонимии системной оппозиции.

Интернет-ресурс “Cambridge Dictionaries Online” приводит такую дефиницию глагола *to rise* как англ. *to increase*. На сайте компании

можно найти следующий пример экономического дискурса – англ. *Inflation is rising at/by 2.1 percent a month* [9]. Что касается наречия *down*, которое служит для образования фразовых глаголов *to be down, to go down, to come down*, то оно представлено следующей дефиницией – *in or towards a lower level, a smaller amount, or a simpler state*. В примере речь также идет об инфляции, равно как и в случае с глаголом *to rise* англ. *The rate of inflation is finally going down* [6].

На данном этапе соотнесение вышеуказанных групп слов, выраженных существительными (англ. *Deutsche Telecom / Sprint Nextel Corp.*) и предикатами (англ. *rose / were down*), с классами антонимов Webster’s New Dictionary of Synonyms не является релевантным для исследования: будучи противопоставленными друг другу в логико-семантическом плане, данные слова так или иначе содержат одну из шести видов связей – контрадикторную, контрарную, относительную, комплементарную, реверсивную, контрастную или несочетающуюся. Более важным видится понимание структуры антонимии всего коммуникативного акта, а именно соотнесение соответствующих элементов с видами оппозиций, выделенных ранее.

На наш взгляд, основываясь на вышеизложенном, можно говорить о том, что к системной оппозиции следует отнести структурные антонимы, дефиниции которых можно найти в словарях (англ. *rose / were down*), системно-речевой оппозицией должно быть названо противопоставление двух телекоммуникационных компаний (англ. *Deutsche Telecom / Sprint Nextel Corp.*), речевая же оппозиция представлена противопоставлением показателями изменения акций двух компаний (англ. *13.7 percent / 13 percent*).

Будучи зафиксированными в лексикографических источниках, а также характеризующаясь высокочастотным употреблением в речи и реализацией антонимических отношений вне зависимости от контекста, предикаты из представленного выше примера образуют так называемое «предикативное ядро», выраженное системными парадигматическими антонимами *to rise* и *to be down*.

В свою очередь, отсутствие факта фиксации групп слов *Deutsche Telecom* и *Sprint Nextel Corp.* в словарях, и, как результат, более низкая степень антонимичности между элементами, позволяет говорить о том, что такие антонимы имеют двойную референцию к языку и речи,

образуя тем самым околядерную зону структуры антонимии.

И, наконец, количественные изменения акций телекоммуникационных компаний – *13.7 percent* и *13 percent*, будучи противопоставленными по смыслу, а не по значению, окольцовывают всю систему, и, являясь ее периферийными элементами, делают структуру антонимии полной и завершенной.

В итоге экономические профессионализмы было решено анализировать для более полного исследования антонимии как на парадигматическом, так и на синтагматическом уровне в экономическом дискурсе. В связи с этим мы остановились на работе Ю. О. Новиковой, которая, выделив три основные группы антонимических оппозиций, а именно системные, системно-речевые и речевые, достаточно четко описала структуру всего явления *антонимия*, а мы получили ценный для нас метод анализа специальной лексики экономического дискурса на обоих языковых уровнях.

В ходе анализа было выявлено, что в примере, взятом в агентстве Reuters *Deutsche Telekom rose 13.7 percent and Vodafone Plc (VOD.L) was up 4.2 percent. But competitor Sprint Nextel Corp (S.N) shares were down 13 percent to \$4.39 before the bell (Reuters – Mar 21, 2011)*, системную оппозицию составляют элементы *rose / was up*, системно-речевую – *Deutsche Telekom AG / Sprint Nextel Corp.*, к речевой же относятся *4.2 percent* и *13 percent*.

Кроме того, сделан вывод о том, что, в силу представленности в ней всех трех элементов, а именно ядра, околядерной зоны и периферии, структура антонимии в данном примере экономического дискурса агентства Reuters является полной.

Таким образом, в статье была проанализирована структура антонимии специальной лексики в экономическом дискурсе, исследование которого в таком ключе позволило более комплексно рассмотреть явление антонимии в языке и речи. Необходимость подобного анализа обусловлена тем, что участники данной сферы деятельности помимо парадигматической антонимии широко используют речевую,

или контекстуальную антонимию, которая, в свою очередь, является важной составляющей всей системы.

Список литературы

1. Махницкая, Е. Ю. О современном экономическом дискурсе // Речевая деятельность. Текст : межвуз. сб. науч. тр. Таганрог, 2002.
2. Новикова, Ю. О. Речевая антонимия как отражение обыденной картины мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 25 с.
3. Степанова, Е. Д. Прагматические особенности коммуникативного акта «Кредитный договор» в экономическом дискурсе // Дискурсивный аспект языковых единиц : монография / Г. М. Костюшкина, Е. Д. Степанова и др. Иркутск, 2006.
4. Шакирьянов, Л. М. Логико-семантические отношения контраста в парадигматике и синтагматике // Вестн. Башкир. ун-та. 2012. Т. 16, № 1.
5. Down (Adjective, Adverb, Preposition). Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]. URL: http://www.macmillandictionary.com/the-saurus/british/down#down_50.
6. Down (Adverb). Cambridge Dictionaries Online [Электронный ресурс]. URL: http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/down_1?q=down.
7. Down (Adverb). Oxford Dictionaries [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/down>.
8. Moon, A. US STOCKS-Wall St set for higher open on AT&T, T-Mobile deal [Электронный ресурс]. URL: <http://www.reuters.com/article/2011/03/21/markets-stocks-idUSN2127936820110321>.
9. Rise (Verb). Cambridge Dictionaries Online [Электронный ресурс]. URL: http://dictionary.cambridge.org/dictionary/british/rise_2.
10. Rise (Verb). Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]. URL: http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/rise#rise_29.
11. Rise (Verb). Oxford Dictionaries [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/rise?q=rise>.

Ю. А. Ястремская

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПРЕССЫ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (на примере газет города Шадринска Курганской области)

Впервые предлагается периодизация развития шадринских СМИ, которая включает в себя три периода: досоветский (1913–1919), советский (1919–1988), постсоветский (1988 – н. в.). Детальное внимание в данном исследовании обращено именно на советский период, так как он имеет наибольшую протяженность во времени и обладает отдельными этапами развития.

Ключевые слова: провинциальная пресса, периодизация прессы.

Провинцию обычно понимают как территорию, удаленную от политического центра государства или от политического, экономического, административного центра субъекта РФ. В любом городе России, помимо центральных, издаются одна или несколько местных газет. Под явлением провинциальной печати мы будем понимать печатные периодические издания, которые издаются и распространяются на территории отдельной российской провинции. Такой тип изданий считается актуальным, поскольку в них рассматриваются вопросы политической, экономической, культурной жизни конкретного провинциального города и района.

Шадринск – типичный пример провинции (не только в административном, но и культурологическом и историческом аспектах), СМИ которого и выступают объектом данного исследования. Пока в журналистской науке нет полноценных научных исследований по истории печати Шадринска, хотя актуальность таких исследований несомненна:

- изучение провинциальных СМИ позволяет создать целостную картину образования и функционирования медиа в России на огромном и богатом историческом материале;
- более глубокое изучение истории шадринской прессы даст возможность сопоставления с подобным материалом других регионов и выделения наиболее характерных черт широко распространенного, но неоднозначного сегодня понятия «провинциальная пресса»;
- Шадринск имеет столетнюю историю развития печати.

В историческом аспекте может быть предложена следующая периодизация формирования и развития шадринских СМИ советского периода, применимая к любой российской провинции:

- формирование модели советской газеты (1919–1928);
- развитие модели районной газеты (1928–1943);
- формирование модели городской газеты (1943–1945);
- совместное автономное существование моделей районной и городской газет (1945–1959);
- «даурцевщина» (1959–1982);
- развитие модели официальной провинциальной газеты (1982–1988).

Советский период функционирования и развития шадринской прессы начинается с 1919 г., так как именно 4 августа 1919 г. в городе стабильно установилась советская власть, регулярно стала выходить газета «Рабоче-крестьянская правда». Для этого времени характерна прямая зависимость газет от органов местной власти: партийные органы выступали учредителями городских и районных газет и тем самым контролировали тематическую наполненность газетных полос, активно вносили изменения в состав редакции, позицию газеты. Социальная функция газеты в городе, районе и регионе была зависима от поставленных партийным руководством задач. Шадринской прессе свойственна зависимость от личности редактора или ведущего журналиста. Этапы наибольшей популярности (наибольшего тиража) городской газеты связаны и с нахождением в редакции определенного человека (например, В. Кобелева, Я. Власова, И. Даурцева, Ю. Овсянникова).

Первый этап установления и формирования советской прессы характерен постоянным поиском модели издания. Газеты неоднократно меняли названия, редакторов, тематическую политику, в центре внимания материалов становились каждый раз разные явления жизни.

До этого с января 1918 г. (дата первой попытки установить власть Советов в городе) Шадринск поочередно занимали «белая» и «красная» армии. В 1919 г. город был освобожден от чехословацкого полка. Первый номер новой газеты жители получили лишь 20 ноября. Два раза в неделю стала выходить «Рабоче-крестьянская правда» – орган Шадринского уездного комитета РКП (б) и уездного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Редактором был А. Ослоновский, а с 1920 г. – В. Горохов. В 1920–1921 гг. уездная газета выходила под названием «Деревенский коммунист» (ответственный редактор З. Брискер); а в 1922–1923 – под названием «Трудовая правда» (редактор И. Суворов).

В конце 1923 г. уезд был ликвидирован и город стал центром большого Шадринского округа Уральской области. С начала января 1924 г. стала издаваться окружная газета «Рабоче-крестьянская правда». Ее первым редактором был назначен Кобелев Василий Якимович, который пробыл на этом посту вплоть до своей смерти в 1926 г. Несмотря на большую занятость, редактор сам публиковал множество материалов под псевдонимами Яков Кряж, Брадобрей, Якимович и Зараза, очень много работы проводил с читателями: вел переписку, готовил письма к публикации. В письме к своему брату Василий Якимович так вспоминал работу в редакции: «Сидишь, перед тобой куча писем и статей, в которых жизнь переливается как радуга. Нужно их так обработать для газеты, чтоб они учили, толкали, убеждали, призывали и так далее» [1. С. 325]. Читатели к газете относились очень трепетно: «С газетой никакие преграды не страшны. Она – наша родная помощница и учительница. Она учит нас, как правильно вести сельское хозяйство, помогает нам разбираться в самых трудных и разнообразных вопросах повседневной жизни», – пишут крестьяне из села Канаши [5. С. 4]. «Рабоче-крестьянская правда» была создана большая сеть селькоров, многие передовики считали необходимым для себя сотрудничать с газетой. С 1926 г. редактором газеты «Рабоче-крестьянская правда» стал Власов Яков Пантелеевич. В 1927 г. газета была переименована в «Шадринскую окружную крестьянскую газету».

Первый этап сформировал модель социально активной газеты, в которой нуждается аудитория. Газета выступает как главный орган пропаганды. С помощью печатного слова ау-

диторию убеждали в правильности действий правящей партии, доказывали непогрешимость основных догм большевизма. Основная цель таких публикаций – максимально познакомить аудиторию с понятиями «большевизм», «советская власть», «коммуна».

Второй этап развития советской печати начался в 1928 г., когда газета обрела новое название – «Путь к коммуне» – и устоявшуюся модель. Материалы газеты были сфокусированы на селе и деятельности в области сельского хозяйства, вопросах подъема и развития общественной жизни.

После упразднения округов в 1931 г. газета приобретает статус районной. В марте 1935 г. в Шадринск вернулся Яков Пантелеевич Власов (до отъезда работавший в «Рабоче-крестьянской правде») как собственный корреспондент «Челябинского рабочего», а в 1938 г. он стал редактором районной газеты «Путь к коммуне». Газета неоднократно участвовала в ВДНХ и награждалась серебряными медалями и дипломами [1. С. 572].

В мае 1940 г. начался военный этап развития советской печати. После выделения Шадринска в город областного подчинения, газета «Путь к коммуне» становится районно-городской и остается таковой вплоть до 1943 г. В 1941 г. газета была ежедневной, однако с целью экономии бумаги во время Великой Отечественной войны с 1942 г. выпуск ограничился тремя разами в неделю и всего двумя полосами. Газета большей частью писала о селе и относительно мало уделяла внимания городу. Редактор газеты так писал о работе любимого издания в военные годы: «Коллектив редакции был сведен до минимума: редактор, ответственный секретарь, корректор да счетовод. День в редакции готовил номер, да один-два в колхозе помогал организовывать сев, сенокос, уборку» [1. С. 109].

Тематически этот период можно разделить на две части: возрождение после гражданской войны и героический труд во время Отечественной. Военный вопрос стал главенствующим в газетных материалах, начинает появляться социальная тематика, обращается внимание на уровень жизни населения в это непростое время. Однако территориальным центром освещения военных проблем по-прежнему оставался район, а не город.

Третий этап ознаменовался созданием городской газеты и активизацией процессов формирования тематического и редакцион-

ного пространства нового издания. В октябре 1943 г. секретарь горкома партии вызвал к себе редактора газеты «Путь к коммуне» Я. П. Власова и сообщил, что есть постановление бюро Курганского обкома ВКП (б) об издании газеты «Шадринский рабочий». Некоторые краеведы появление нового издания связывают с образованием в 1943 г. нового субъекта страны – Курганской области, другие считают, что поводом стало слабое внимание газеты «Путь к коммуне» к городской теме и неудавшиеся попытки создать сеть городских внештатных авторов. Таким образом, газета «Путь к коммуне» стала районной, а нишу городского издания занял «Шадринский рабочий», выходявший три раза в неделю на двух полосах. Первый номер газеты вышел 17 октября 1943 г. Редактировать новый печатный орган поручили Я. П. Власову, редактору газеты «Путь к коммуне». До окончания военного этапа в 1945 г. он редактировал и районную, и городскую газеты.

Главной тематической базой двух газет оставались военные вопросы: введение сложного графика работы на заводах и фабриках, преодоление материальных тягот, которые связаны с прибытием в город большого количества жителей, эвакуированных из западных регионов страны. Практически единая редакция двух газет старалась тематически разделять два разные по территории распространения издания.

Четвертый этап ознаменовался явным автономным существованием районной и городской газет. Этого удалось добиться как сформировавшимся тематическим разделением, так и наличием разных редакторов отдельных творческих коллективов. Так, в городской газете «Шадринский рабочий» новым редактором стал молодой журналист Яков Фальков. Он вместе с другими талантливыми репортерами был направлен в Шадринск из Челябинской областной газеты. Следом газетой управлял Аким Антонович Родионов. Далее газета перешла в руки Михаила Виноградова, прибывшего в Шадринск из села Каргаполье, однако уже в 1955 г. он покинул редакцию, так как ему предложили должность директора Шадринского государственного архива. Кроме того, нововведения происходили и в районной газете «Путь к коммуне»: в 1953 г. во главе редакции встал Иван Васильевич Даурцев, а до него газетой руководил Аркадий Панфилович Кошей. В. Юровский, один из ведущих авторов «районки», в своих воспоминаниях так описывает

работу того времени: «В районке всю газету журналисты “от” и “до” писали, за всех авторов... А то ведь до абсурда доходило. Дали мне задание написать от имени доярки о ее трудовом опыте. Я съездил, побеседовал, написал. Вышла целая полоса под ее именем. Потом в деревню снова приезжаю, все хохочут – эта доярка, оказывается, была абсолютно неграмотная и писать совсем не умела, а тут целую полосу накатала, да еще так складно» [8. С. 3].

Общественно-политической проблематике в Шадринской прессе этого периода уделялось много внимания. Практически каждый материал был связан с политическими вопросами. Основа освещения международных отношений – копирование материалов центральной прессы. Однако во многих материалах акцентировалось внимание на мнении Шадринской общественности о происходящих событиях и отношении к ним.

Пятый этап начался в 1959 г., хотя период перемен в центральной прессе обычно датируется 1954 годом. В шадринской прессе новые веяния отодвинулись во времени в связи с территориальной отдаленностью города от Москвы. Период начался с больших перемен – объединения 1 октября 1959 г. районной и городской газет в «Шадринскую правду». Редактором был назначен Иван Даурцев. Штат сотрудников был создан из бывших работников районной и городской газет. Однако это не последние преобразования. В мае 1962 г. произошла ликвидация районных газет и районов области и были образованы зоны в связи с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров по укрупнению районов области. Шадринск вместе с Катайском, Далматово, Шатрово и Каргапольем вошли в состав северной зоны, также был создан новый зональный печатный орган – «Сельская новь». Редактором этой газеты был назначен Иван Даурцев, а на его место в «Шадринской правде» пришел Николай Лихачев. Нововведение не стало долгосрочным, и меньше чем через год административные границы районов были восстановлены, а издававшаяся все это время «Шадринская правда» обрела своего старого редактора. В марте 1965 г. изданию вернули старое название «Шадринский рабочий».

Спустя много лет Иван Васильевич опубликовал в газете свои воспоминания о годах работы: «Газета “Шадринский рабочий” была единственной в области, которая не получала дотаций и содержалась на свои средства... Я

думаю, что чем больше информации о жизни города, тем газета интереснее... Главное – думать каждый день и в каждом номере о читателе, что ему дать интересного, и тогда газета будет востребована людьми» [3. С. 2]. Кроме того, в районе стала выходить газета «Авангард», в разные годы которой руководили П. В. Суровцев, А. Н. Аничков, В. М. Наговицын [2. С. 3].

Этот период развития городской периодической печати можно назвать периодом «даурцевщины» – явления, связанного с редактором городской газеты и характерного исключительно для Шадринска. В этот период редакция газеты на страницах издания умело соединяла политические материалы (официальные, материалы по требованию власти) и публикации, представляющие интерес для аудитории. На первых полосах всегда публиковались новости о деятельности партии, сообщения из других ССР, отчеты с заседаний, собраний и совещаний. Такого рода информация пронизана мотивом поднятия рабочего духа пролетариата.

Тем не менее, газета стремилась быть ближе к своему читателю и старалась оставаться интересной для аудитории. Редакция проводила различные интеллектуальные конкурсы, например, «Знаете ли свой город». В воскресных выпусках газеты велась постоянная рубрика «Страница выходного дня», которая состояла из рецензий (на театральные постановки, кинофильмы, телепередачи, литературные произведения), фельетонов, очерков о людях и профессиях. В просветительских целях в газете велась рубрика «Шадринский следопыт», над которой работал краевед А. Ф. Семенов. Публиковались краеведческие материалы об истории города, интересных и необычных традициях, исторических личностях, оригиналы документов, имеющих историческую ценность. Кроме того, газета активно готовила материалы об откликах на свои публикации – какими событиями сопровождалось размещение тех или иных материалов на страницах газеты «Шадринский рабочий». Все публикации, даже пропагандистского характера, ориентировались в первую очередь на местный материал, максимально приближались к своему читателю.

Шестой этап начался 1982 г., когда Иван Даурцев отправился на заслуженный отдых, и пост редактора занял Юрий Овсянников. Газета стала более официальной. На страницах издания публикуются отчеты об итогах года, конференций, совещаний; доклады, докумен-

ты, комментарии известных в городе людей, руководителей предприятий; репортажи спортивных и культурных мероприятий; пропагандистские материалы (возвращается рубрика «Колонка пропагандиста»); новости о деятельности заводов, больниц, учебных заведений, клубов. Из постоянных рубрик можно назвать «Анонс», «Наши интервью», «XXVI съезду КПСС достойную встречу», периодически появляется «Неделя в блокноте журналиста». Материалы выходят не только под авторством ведущих журналистов, но и значимых в городе людей (например, секретарь исполкома, прокурор, инспектор Господнадзора и так далее). Также публикуются материалы садоводов-любителей, ветеранов войны, работников заводов.

В ноябре 1988 г. начался период перехода от советского периода шадринской прессы к постсоветскому, местная пресса стала отходить от канонов советской журналистики. На это повлияло сразу несколько событий. Во-первых, в ноябре 1988 г. в связи с постановлением бюро Курганского обкома КПСС об упразднении городской газеты «Шадринский рабочий» и районной газеты «Авангард» был создан орган Шадринского горкома КПСС, городского и районного Советов народных депутатов – газета «Шадринская новь». Редакторы старых редакций («Шадринский рабочий» – Ю. Я. Овсянников; «Авангард» – В. М. Наговицын) были освобождены от своих обязанностей.

С учетом результатов опроса общественного мнения, мнения партийного актива редактором вновь созданной газеты был утвержден Наговицын Владимир Михайлович. Первый номер «Шадринской нови» вышел 19 ноября 1988 г. тиражом 35 604 экземпляров. Ее стали получать старые подписчики городской и районной газет. Редакционная политика нового издания сместилась на вопросы рыночных отношений, темы экономических взаимоотношений, а политические вопросы стали рассматриваться в первую очередь с точки зрения новообразований в сфере экономики. Кроме того, практически сразу после образования нового печатного органа началась борьба за политическое влияние на редакцию газеты. В итоге в октябре 1990 г. учредителем издания был признан Совет народных депутатов, о чем сразу сообщила своим читателям газета «Шадринская новь» в номере от 17 октября 1990 г.: «Это победа! Ее мы разделяем с депутатами, читателями, которые в трудные дни оказали необ-

ходимую поддержку коллективу редакции... Газета будет издаваться на народные деньги, которые поступят в основном от подписки и частично из бюджета гор. Совета. Теперь ни одна из действующих и создающихся партий, в том числе и КПСС, не будет определять политическое лицо нашей газеты и одергивать журналистов... Одну из главных задач редакция и Совет видят сегодня в том, чтобы стоять на защите социальных интересов народа, особенно простых людей. В переходный период к рыночным отношениям в стране они не должны остаться без поддержки» [1. С. 337]. В 1991 г. «Шадринская новь» стала беспартийной, и Совет народных депутатов в сентябре 1991 г. принял решение о возвращении газете первоначального исторического названия – «Исеть» (так называлась первая городская газета досоветского периода, издаваемая в 1913 г. социал-революционером Н. В. Здобновым).

Таким образом, шадринские печатные СМИ в советский период прошли шесть стадий формирования и развития различных моделей провинциальной газеты. На первом этапе газета выполняла функции органа пропаганды и просвещала аудиторию в политических вопросах, воспитывала общественно активных граждан. С самого начала образования советской печати в округе сельское хозяйство было в центре внимания журналистики. Вопросы возрождения общества и хозяйства после военных столкновений заняли центральное место в сформировавшейся советской окружной газете. Годы Великой Отечественной войны поставили перед редакцией важную цель – показать героический труд труженика тыла, призвать к самоотверженному труду и милосердному отношению к эвакуированным. Второй предложенной моделью провинциальной газеты стала городская газета, которая по ряду причин возникла в военные годы. Долгое время редакто-

ром районной и городской газет был один и тот же человек, что мешало автономному существованию изданий. Значительное развитие городская газета получила в период так называемой «даурцевщины», когда во главе редакции газеты стоял И. В. Даурцев. Кроме того, очень частые объединения и разъединения районной и городской газет подарили еще одну модель провинциальной прессы – районно-городской. Тематически выдерживать такой аудиторный охват позволяла широкая сеть соборов, которая начала формироваться еще в первые годы развития прессы. Этапность развития прессы в советский период позволяет вычленить модели провинциальных газет, которые формировались под воздействием исторических событий, политических задач и тематических особенностей.

Список литературы

1. Борисов, С. Б. Шадринская энциклопедия : в 2 т. Т. 1 / С. Б. Борисов ; отв. ред. В. Н. Иовлева, А. В. Плотникова. Шадринск, 2010. 575 с.
2. Гаев, И. Местная пресса: от «Исети» до «Исети» // Исеть. 1996. № 4–5 (12104–105). С. 3.
3. Даурцев, И. Профессия – редактор // Исеть. 1998. № 64 (12406). С. 2.
4. Мусихина, Н. Из истории местной печати // Шадрин. правда. 1962. № 89 (6846). С. 4.
5. Первая большевистская // Шадрин. рабочий. 1966. № 106 (4378). С. 3.
6. Печатать повелеваю... Страницы истории печати Зауралья / сост. З. С. Верхотурцева. Курган, 2004. 220 с.
7. Солдатов, В. Ради нескольких строчек // Исеть. 1998. № 64 (12406). С. 3.
8. Юровских, В. Радуюсь за нынешних // Исеть. 1998. № 64 (12406). С. 3.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

И. А. Ибрагимов

ХАРАКТЕРИСТИКИ ВИЗУАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ В АРХИТЕКТУРЕ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-04-18003
«Визуальная устремленность мечетей Ближнего Востока к Мекке: мечети Ирана».

Рассматривается понятие «визуальная динамика», выявляются ее характеристики: приемы в композиции архитектурного объема, за счет которых она достигается. Рассматриваются значения, виды динамики, уровни, на которых должна анализироваться композиция мечети.

Ключевые слова: *визуальная динамика, мечеть.*

Визуальная динамика очень часто имеет место в храмовой архитектуре. В ней она приобретает особый сакральный смысл. Она выражает чувства верующих, помогает им глубже понять Бога и «поддерживает» обращение к Нему. Однако до сих пор не до конца понятно: что она собой представляет? Как проявляется в архитектуре: за счет каких приемов и средств архитектурной композиции? И какие ее разновидности бывают? Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо сначала понять, что такое «визуальная динамика». Понятие «динамика» неотделимо от противоположного ему понятия – «статика». «Динамика» – с греч. «сила, мощь» – и характеризует движение. Статика – с греч. *statikos* – «приводящий к покою» – характеризуется состоянием бездвиженности объекта.

Расшифровка динамики в архитектуре в первую очередь заставляет обратиться к теоретическим разработкам исследователей.

В этом отношении вызывающим интерес является изучение Р. Арнхеймом и К. Дункером темы восприятия визуального движения человеком. В частности, К. Дункер называет зафиксированный в восприятии человека объект, относительно которого осуществляется движение – «фигурой». Р. Арнхейм пишет, что движение возникает когда, например, человек идет по улице: он воспринимает ее (улицу) как неподвижную основу, относительно которой движется он и другие люди и машины. Другой пример: движение на белом полотне кинотеатра при восприятии неподвижности зала, в котором происходит сеанс. Арнхейм также приводит пример театра, когда неподвижной рамой является сцена, на которой танцуют актеры.

Уместно привести еще один пример: в вагоне поезда, стоящего на станции, пассажир

сидит и смотрит в окно, и видит напротив другой поезд, также сделавший здесь остановку. Вдруг в окне начинается движение, но пассажир не может понять: движется его поезд, или противоположный (современные поезда трогаются очень мягко и почувствовать сложно). Он не может определить правильную точку отсчета, соответственно не может определить – едет он, или стоит. Для этого ему приходится выглянуть из окна и посмотреть на землю, о которой он точно знает, что она неподвижна, тем самым, приняв ее за точку отсчета и понять, какой состав в данный момент начал движение (или оба сразу). Другими словами, можно сказать, что ощущение движения формы начинается с точки отсчета. Движение всегда воспринимается относительно какого-то объекта. Это очень важное положение для динамики. Оно говорит о том, что динамика – система координат, в которой, для того чтобы понять движется объект или нет, нужно сравнить его с неподвижным объектом – с точкой отсчета.

Здесь возникает необходимость отделить физическую динамику от визуальной. В физической видно как тот или иной объект движется относительно фона или другого объекта. Например, автомобиль едет по шоссе, или поезд по рельсам. Если смотреть на небо и наблюдать за полетом самолета, но при этом облака тоже будут двигаться, то за точку отсчета придется принять землю, для того, чтобы установить скорость самолета и факт движения. Для автомобиля и поезда точкой отсчета также будет земля (шоссе и рельсы). В визуальном движении физически ничего не движется и точка отсчета находится там, откуда визуальное начинается движение. Обычно она расположена напротив нарастания массы в архитектурном объеме. Без нее не будет достигнута вырази-

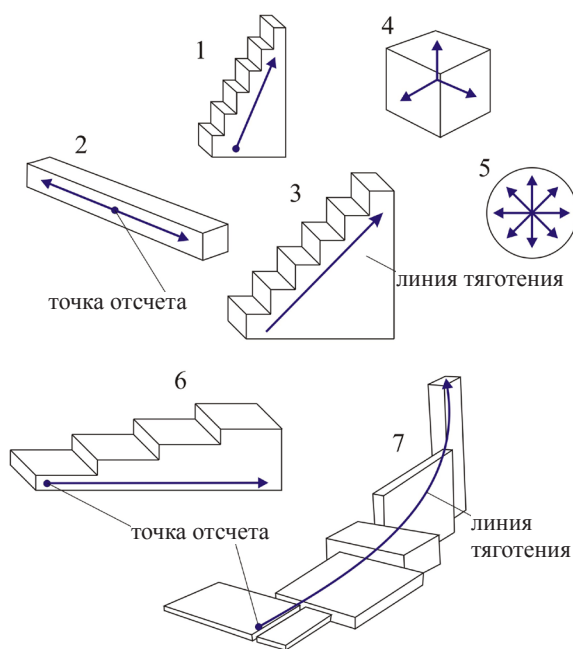

Рис. 1. Динамические и статические формы. Ступенчатость и характер линии тяготения

тельная визуальная динамика, потому что будет не от чего «оттолкнуться», то есть не с чем будет сравнить. Ведь динамика воспринимается через сравнение.

Вот что, к примеру, исследователь Э. П. Пипия пишет о динамике в архитектуре: «Когда в форме начинает преобладать одно из измерений, возникает зрительное движение в направлении этого измерения. Отчетливо оно возникает при восприятии правильных геометрических форм. Это явление называется динамикой; под ним понимается не физическое, а зрительное движение. Динамика возникает не только в направлении преобладающего измерения (в высоту, ширину или глубину), но и в направлении, по которому в зрительном движении человек воспринимает развитие пространства». Необходимо отметить, что движение возникает не только при восприятии правильных геометрических форм. Утверждение Э. П. Пипия докажет пример вытянутого параллелепипеда, в котором нет движения в конкретную сторону, но есть определенная линия, задающая некую траекторию динамических сил, некое поле действия. Это значит, что оба конца параллелепипеда равнозначны. Исходя из этого, можно сделать вывод, что точка отсчета условно находится в середине фигуры и от нее отходят в противоположных направлениях два вектора (см. рис. 1, фигура 2). Относительно динамики, статикой соответственно называется состояние объекта,

при котором он не выражает движения в любую из сторон. Абсолютно статичными можно назвать: куб, шар (см. рис. 1, фигура 4, 5).

Другой исследователь, В. Ф. Вавилин, так характеризует визуальное движение архитектурной формы: «Динамичной принято считать односторонне активно направленную форму». Заметим, что это не всегда так, потому что форма может не иметь четкой направленности только в одну сторону, как в случае с вытянутым по горизонтали параллелепипедом (см. рис. 1, фигура 2).

Известный практик и теоретик архитектуры эпохи советского авангарда И. Голосов, описывая динамику в своей книге «Теория построения архитектурных организмов», применил такое понятие «линия тяготения». Это понятие характеризует направление (траекторию) движения формы. О вытянутом горизонтальном параллелепипеде нельзя сказать, что он имеет линию тяготения в одну конкретную сторону из двух, однако можно сказать, что он имеет просто *линию силы динамики*, которой он подчинен и которую демонстрирует.

«Равенство или нюанс отношений величин по трем координатам пространства характеризует относительную статичность формы. Контраст в отношениях создает динамику как «зрительное движение» в направлении преобладающей величины. Это в равной степени относится как к объемным, так и к пространственным формам», – так пишут в своем исследовании авторитетные ученые В. Ф. Кринский, И. В. Ламцов, М. А. Туркус. Именно контрастная вытянутость параллелепипеда создает определенную линию движения.

Итак, исследования ученых определяют понятие «визуальная динамика» в архитектуре, под которым понимается явление при визуальном восприятии объектов архитектуры, дизайна и др., когда создается иллюзия того, что объект «движется», при этом оставаясь физически неподвижным. Это «движение» исходит из определенных внешних характеристик воспринимаемой формы. Рассмотрим несколько конкретных реальных примеров в подтверждение данной мысли. Первым архитектурным объектом выступит здание автовокзала в городе Хамедан в Иране (рис. 2). Здание имеет крышу в форме волны. Фасад остеклен, что как бы отрывает визуально «волну» от земли и придает еще большее визуальное движение. За счет нарастания архитектурной массы становится понятна линия тяготения.

Рис. 2. Слева направо сверху вниз: здание автовокзала в Хамедане в Иране (фото автора); здание Performing Arts Centre в Абу-Даби (<http://stroyka.mk.ua>); здание организации по транспорту и перевозкам в Тегеране (фото автора); общий вид Привокзального района г. Новоуральска (фото автора).

Следующим примером станет проект Захи Хадид – здание Performing Arts Centre в Абу-Даби (рис. 2). Данный проект интересен своим необычным решением и острым динамизмом. Форма представляет собой как бы некое вещество – текучий материал, который устремляется в заданном направлении. В этой архитектуре, так же как и в предыдущем примере, через нарастание архитектурной массы видна линия тяготения.

Интересным примером достаточно простой, лаконичной, но в то же время динамичной градостроительной композиции, является объемно-пространственное решение «привокзального» района г. Новоуральска (рис. 2), которое представляет собой: расставленные в поддержку воображаемой горизонтальной линии, поднимающейся в гору, жилые здания. Плавность композиции по главной траектории достигается поворотом каждой из жилых секций на небольшой угол и соединением посредством вставки.

В противовес динамичным решениям возникает необходимость привести пример статичной композиции. Этим примером станет здание организации по транспорту и перевозкам в Тегеране (Иран) (рис. 2). Здание представляет собой параллелепипед, немного вытянутый вверх, с горизонтальными и вертикальными

оконными прорезями. Это ленточное остекление не добавляет легкости, а наоборот только подчеркивает массивность, тяжеловесность архитектурного объема. При относительной равности развития этой архитектурной формы по трем направлениям прекрасно демонстрируется статика.

Итак, рассмотренные примеры показывают и доказывают, что динамизм может быть присущ той или иной композиции. Именно такую визуальную (зрительную) динамику рассматривает данное исследование в архитектуре вообще, и в храмовых зданиях и сооружениях разных религиозных традиций, в частности. Примером религиозной архитектуры ислама послужит мечеть Сулеймание в Стамбуле (Турция) (рис. 3). В архитектуре этой мечети ярко проявляется визуальная динамика за счет нарастания архитектурной массы к михрабу (при включении в анализ объема открытого двора), а также за счет противопоставления по форме и направленности всей архитектурной массе мечети взмывающих ввысь минаретов, которые расположены особым образом и являются «точками отсчета» для визуального движения. В христианском зодчестве можно выделить такой шедевр средневекового готического зодчества, как Собор парижской Богоматери. Об

этом соборе написано множество статей, книг и снято много фильмов. Во многих из них авторы пишут о визуальной динамике тела собора ввысь (рис. 3). Точкой отсчета в этой композиции является линия земли, из которой «вырастает» тело собора.

Рис. 3. Слева направо сверху вниз: мечеть Сулеймание в Стамбуле (фото автора); Собор парижской Богородицы в Париже (фото автора); внешняя стена мечети Калян в Бухаре (фото автора).

Динамику любого архитектурного объекта можно рассмотреть, анализируя общую композицию здания, которую во многих случаях можно без помех визуально воспринять с одного или нескольких ракурсов. В случае с мечетью ислама существуют свои особенности. Общая композиция мечети дает представление о динамике, однако ее (композицию) довольно сложно увидеть иногда в реальных объектах. Это осуществимо только с высоты птичьего полета или с рядом находящейся высокой точки. Сказанное имеет большее отношение к исламскому зодчеству, чем к христианскому. Очень часто композиция распластана по земле и не выделяется среди прочего окружения. Иногда полному восприятию мешают рядом находящиеся различные объекты или деревья. Еще одной проблемой при восприятии является

принцип, используемый в исламском зодчестве, который заключается в отношении к религиозному зданию как к «жемчужине». К примеру, авторитетный советский исследователь в области архитектуры А. В. Иконников пишет, что для мусульманской архитектуры характерна интровертность, то есть, обращенность вовнутрь себя. Другими словами, красота мечети во многих случаях раскрывается, когда зритель находится внутри, а не снаружи здания. Особенно это характерно для средневековых построек, экстерьер которых ничем не отличается от рядовой застройки и порой представляет собой обычную стену, как например, в мечети Калян в Бухаре (рис. 3).

В большинстве мечетей, особенно средневековых, всегда есть открытый внутренний двор, который предваряет вход в молитвенный зал. В этом дворе (не считая интерьера мечети) и раскрывается «жемчужина». Именно принцип сокрытия сущности от посторонних глаз лежит в основе исламского религиозного здания. Архитектура раскрывается только посвященным, только своим. Отношение к архитектуре, и в частности, к мечети как к тайне, пронизывает все исламское зодчество. Поэтому кроме анализа общей композиции, возникает необходимость рассмотрения мечети изнутри, то есть находясь во дворе (если двор есть), который ориентирован на зрителя и раскрывает все богатство отделки и архитектурного решения. Именно в нем зодчие старались больше, чем над общим внешним видом. Удивительно в таких примерах то, насколько продуманно зодчие подходили к проектному решению. Они ориентировали здание на восприятие с высоты человеческого роста. При этом не нужно забывать о примерах, в которых экстерьер экстравертен, то есть ориентирован на восприятие снаружи. Таковы, например, турецкие центрально-купольные мечети.

К сказанному необходимо добавить о важности анализа градостроительной значимости мечети или/ и ее минарета. В архитектурной среде мусульманских городов ориентирами в пространстве выступают минареты, как наиболее высокие элементы архитектурной композиции. Помимо них также выделяются объемы куполов над молельным залом, реже объемы самих залов мечетей. Во многих случаях минареты замыкают перспективу улицы, превращая ее в завершение.

Исходя из вышесказанного, любую мечеть следует анализировать с четырех основных позиций:

- виды сверху (вид с птичьего полета), вид со стороны – с высоты человеческого роста – общая объемно-пространственная композиция;
- виды из внутреннего двора;
- виды интерьера молитвенного зала и других помещений мечети;
- градостроительное значение мечети и/ или ее минарета в пространственной структуре города;

Безусловно, необходимо сделать небольшое отступление и сказать о том, что характер динамики композиций архитектурных объектов, например, в одной стране, разных исторических эпох, может быть совершенно разным. Зодчие средних веков, к примеру, не обладали настолько развитыми умениями и познаниями о возможностях композиционного моделирования как современные архитекторы. Они не были настолько свободны в формообразовании с современной точки зрения, в сравнении, например, с работами таких архитекторов как Заха Хадид, Френк Гери, Даниель Либерскинд и других. Это отчасти происходило потому, что технологии строительства и уровень развития техники в целом не позволяли осуществлять смелые решения, которые доступны сегодня. Ведь архитектор обязан отталкиваться от возможностей строительства. При таких темпах развития строительных технологий и современных архитектурных решениях с оглядкой на этапы развития прошлого, стоит только представить себе возможности архитектуры в недалеком и далеком будущем. Формы современной архитектуры все чаще перестают быть правильными и приобретают очертания природных, многосложных объектов.

Помимо всего вышесказанного, необходимо отдельно рассмотреть вертикальную и горизонтальную динамику. Вертикальная динамика прежде всего направлена в небо. Здание обычно приближено к форме пирамиды или вытянутого параллелепипеда в общем виде. Такой объект не направлен в определенную точку, он ориентирован и «движется» только лишь в заданную сторону. Однако это не влияет на ее яркое проявление в композиции здания. В большинстве религиозных традиций мира (по утверждению В. В. Евсюкова) боги живут наверху, то есть на небе. Это естественное направление отправления молитвы для человека. Человек всегда оставлял себе мир реальный, видимый, осязаемый, а Богам отдавал мир невидимый, домысливаемый, тайный, который находился по представлениям древних людей

выше человеческого. Психологически то, что выше, всегда обладало для человека большей, чем он сам силой, вызывало боязнь, уважение и, соответственно, требовало преклонения.

К этому необходимо добавить, что вертикаль – это противопоставление земной горизонтали (горизонту) – линия, контрастирующая с ней. Очень точно об это пишет К. Норберг Шульц: «... направления по горизонтали обозначают мир собственных действий человека; в известном смысле все направления по горизонтали уравниваются между собой и образуют плоскость, равномерно простирающуюся во все стороны. Простейшей моделью человеческого существования будет, таким образом, горизонтальная плоскость, проколота вертикальной осью». Человек – существо вертикальное. Вертикаль в его понимании – активность, соотношение с себе подобным. Это что-то противостоящее будничной рутине. Вертикальное движение в архитектуре достигается достаточно просто: для этого необходимо поставить несколько объемов друг на друга. Даже не сокращая объемы кверху, при визуальном восприятии снизу вверх, фасад воспринимается, как уходящий в перспективу, то есть сокращающийся. Другими словами, при таком восприятии получается усеченная пирамида, остротой своей устремленная ввысь и имеющая точку отсчета в основании. Другой прием создания вертикальной динамики заключается в разбиении стены фасада на несколько горизонтальных ярусов с добавлением элементов, устремленных ввысь (лопатки, пилястры, колонны), которые также дадут сокращение и визуальное движение ввысь. Вообще внесение вертикальных линий в композицию фасада делает его устремленным в небо.

Горизонтальная динамика имеет свой характер. В первую очередь горизонталь не является естественным сакральным направлением для человека. Горизонталь – это бытие человека, это земной мир со всеми его недостатками и достоинствами. Однако горизонтальная визуальная динамика проявляется в контрастной вытянутости архитектурного тела параллельно линии горизонта. В этом уже видится некое горизонтальное движение, которое не имеет конкретного тяготения. Свою направленность форма приобретает тогда, когда получает нарастание архитектурной массы в определенную сторону (напомним, что в вертикальной динамике это происходит за счет сокращения). Нарастание архитектурной массы прекрасно

проявлено, к примеру, в лестнице, которая, как известно, воспринимается в некоторых религиозных традициях, как путь вверх. В случае с лестницей необходимо более четко отделить один вид движения от другого (рис. 1). Лестница, в которой длина подступенка относится к длине проступи как 1/1, 2/1 и больше, будет восприниматься человеком как «путь вверх». Лестница, в которой отношение подступенка к проступи составляет 1/3, 1/4 и меньше, будет восприниматься зрителем как движущаяся горизонтально. Однако если такая лестница имеет много ступеней, то отношение к ней, как направленной горизонтально начинает меняться в противоположную сторону. Следует отметить, что при промежуточных значениях длины проступи и подступенка все также зависит от количества ступеней, которое, в конечном счете, определяет вектор тяготения. Помимо вертикальной и горизонтальной линии тяготения можно в этих промежуточных значениях выделить диагональные линии тяготения.

Диагональная динамика больше присуща светской архитектуре и в религиозной почти отсутствует. Это происходит потому что в храмовых зданиях динамике всегда сопутствует глубокий смысл обращения к Богу исключительно в вертикальном или горизонтальном направлении, в отличие от светского здания. Даже если форма имеет диагональный вектор тяготения, как в случае с лестницей, то конечное направление подразумевается вертикальное.

Не во всех примерах архитектурных объектов, предназначенных для отправления культа, присутствует динамика. Причины этого могут быть самые разные: личные предпочтения архитектора, характер самой религии, в которой, например, не зафиксированы пространственно-ценностные ориентиры. Помимо этого существует множество других факторов, которые могут стать причиной отсутствия визуальной динамики. При всем этом данное исследование

отталкивается от следующей главной мысли: человек приходит в дом Божий, он обращается к Богу, он движется к Нему духовно и физически, и это движение получает выражение в религиозной архитектуре.

Итак, рассмотрены исследования ученых в области визуальной динамики, проанализированы примеры архитектурных объектов, наглядно показывающие и доказывающие, что динамика существует и имеет разные виды. Определены характеристики динамики, уровни, на которых следует анализировать архитектуру в этой теме.

Список литературы

- ¹ Философский энциклопедический словарь / Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. М., 2002. С. 137.
- ² Там же. С. 436.
- ³ Арнхейм, Р. **Искусство и визуальное восприятие** / пер. с англ. В. Н. Самохина ; под общ. ред. В. П. Шестакова. М., 1974. 386 с.
- ⁴ Пипия, Э. П. **Введение в архитектурную композицию (методика познания основ композиции)**. Тбилиси, 1988. С. 24.
- ⁵ Вавилин, В. Ф. **Композиционные принципы архитектурного проектирования** / В. Ф. Вавилин, В. В. Вавилин, В. А. Моисеенко, В. А. Федин. Саранск, 2005. С. 41.
- ⁶ Хан-Магомедов, С. О. **Илья Голосов**. М., 1988. С. 219–223.
- ⁷ Кринский, В. Ф. **Элементы архитектурно-пространственной композиции** / В. Ф. Кринский, И. В. Ламцов, М. А. Туркус. М., 1967. С. 23.
- ⁸ Иконников, А. В. **Архитектура // Архитектура и градостроительство : энциклопедия** / гл. ред. А. В. Иконников. М., 2001. С. 37–51.
- ⁹ Евсюков, В. В. **Мифы о вселенной**. Новосибирск, 1988. 177 с.
- ¹⁰ Арнхейм, Р. **Динамика архитектурных форм** / пер. с англ. В. Л. Глазычева. М., 1984. С. 27.

А. С. Рыжинский

СПЕЦИФИКА ФАКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ВОКАЛЬНЫХ ПЬЕСАХ ЛУИДЖИ НОНО 1960 г. («НА VENIDO: CANCIONES PARA SILVIA», «SARÁ DOLCE TACERE»)

Рассматриваются сочинения Луиджи Ноно, созданные в 1960 г. Анализ данных работ демонстрирует поиск оригинальных способов тембровой организации, ставших типичными для поздних сочинений композитора. Ноно здесь не использует ресурсы электроники, воплощая пространственные эффекты исключительно силами вокальных голосов. В этих сочинениях композитор приходит к созданию новых типов хоровой фактуры.

Ключевые слова: современная музыка, хоровая фактура, тембровые эксперименты, Дармштадтская школа, *Klangfarbenmelodie*, А. Бергсон, Л. Ноно.

1960 г. занимает узловое место в творческой эволюции Луиджи Ноно. В один год с сочинением, продолжающим линию «политического *Sturm und Drang*» («*Intolleranza 1960*») появляются пьесы («*Sarà dolce tacere*», «*Na venido: Canciones para Silvia*»), демонстрирующие зарождающийся интерес композитора к эстетике «чистого созерцания», не детерминированного идеологическими канонами. В данном случае речь идет не столько о переключении внимания композитора на лирические образы (заметим: для Л. Ноно изначально характерен интерес к лирике – важнейшей составляющей как неангажированных («*Liebeslied*», «*Cori di Didone*», «*La terra e la compagna*»), так и ангажированных сочинений («*Epitaph für Federico Garsia Lorca*», «*La victoire de Gernica*», «*Il canto sospeso*», «*Al gran sole carico d'Amore*»)), сколько о существенных изменениях на уровне музыкального языка. Ноно уходит от типичного для вокальных сочинений 1950-х гг. состава (хор + ударные инструменты, хор + оркестр с расширенной ударной группой), и приходит к камерной звучности вокального ансамбля. Смена состава исполнителей, в свою очередь, явилась следствием серьезных изменений фактурного и архитектурного устройства его сочинений.

В 1950-е гг. Луиджи Ноно выступил продолжателем традиций новой венской школы. В своем докладе «*Die Entwicklung der Reihentechnik*» («Развитие серийной техники»), прочитанном в 1957 г. в Дармштадте, Ноно, проведя сравнительный анализ сочинений П. Булеза, К. Штокхаузена, Б. Мадерны и своих собственных, объявил всех четырех композиторов наследниками творческого метода мастеров нововенской школы. Однако спустя

всего несколько лет, на рубеже десятилетий, дармштадская школа перестала существовать из-за расхождений не только на идеологическом уровне (не будем здесь касаться известного вопроса о неприятии «*Il canto sospeso*» К. Штокхаузеном), но и на уровне техники композиции: в 1957 г. П. Булез пишет статью «*Alea*», по сути, провозгласившую конец «серийной эпохи»; в 1958 г. после поездки в США заметные изменения происходят и в музыкальном письме К. Штокхаузена, в недрах которого вызревает идея *Moment-Form*; да и сам Ноно, весьма свободно преломлявший каноны серийного метода в своих первых сочинениях, на рубеже 1950–1960-х гг. постепенно формирует технику звуковых полей (*Klangfelder*)¹.

Отход Ноно от пользования ортодоксальным серийным методом был во многом связан с последовательной эволюцией его музыкального языка от шёнберговской додекафонии, (характеризующейся особым значением мелодической горизонтали) к продолжению экспериментов Веберна по освоению трехмерного фактурного пространства. Интерес к пространственным эффектам можно обнаружить даже в таком достаточно традиционном сочинении Ноно как «*Эпитафии Федерико Гарсиа Лорке*»: в третьей эпитафии (тт. 101–127) композитор одновременно на основе единого серийного ряда формирует монодию духовых и пуантилистическую фактуру ударных, что позволяет добиться эффекта отражения звуков, экспонированных в горизонтали духовых, в другой части сцены в ином тембровом оформлении. В данном примере любопытно сочетание горизонтальной додекафонии с пуантилизмом веберновского типа, наглядно представляющим технику *Klangfarbenmelodie* (*пример 1*).

Дальнейшее преодоление линейности в «Liebeslied» («Песнь любви» – 1954 г.) реализовало себя в феномене «политембровой монодии», являющей собой мелодию большого диапазона, развитие которой реализуется посредством последовательного присоединения партий в восходящем, либо нисходящем порядке. Дальнейшее расщепление монотембровых интонаций на отдельные звуки, исполняемые различными партиями, привело в кантате «Il canto sospeso» к образованию монодии нового типа – «стереомонодии», характеризующейся не только участием в ее построении различных тембров, но и высокой мобильностью каждого тона, посредством тембровой модуляции (у Ноно Klangfarben-Übergang²), постоянно меняющей окраску звучания (пример 2).

Пуантилизм, свободный от подчинения вертикали, становится во второй половине 1950-х гг. приоритетным типом изложения для композитора. В этом проявляет себя не только типичное для подавляющего большинства сочинений композитора стремление к «музыкально-смысловому стереофонизму»³, но и унаследованное от Веберна восприятие тишины в качестве важнейшей составляющей процесса композиции.

Реализация идеи обособленного фрагмента на уровнях архитектурной и фактурной организаций во многом связана с аналогичным процессом, происходившим в творчестве многих европейских композиторов, чье творчество вдохновлялось идеями А. Бергсона. Несмотря

на то, что сведений об интересе Луиджи Ноно к трудам А. Бергсона у нас нет, можно говорить с большой долей уверенности о том, что идеи великого французского мыслителя могли быть восприняты Ноно опосредованно через знакомство с трудами О. Мессиана и его учеников: К. Штокхаузена и П. Булеза. Немаловажно и то, что концепция А. Бергсона оказала сильное влияние на творческие идеи А. Мачадо (автора поэтического текста «Ha venido: cantiones para Silvia» – 1960 г.), который являлся учеником великого французского философа, посещавшим его лекции в Париже.

В книге «Творческая эволюция» А. Бергсон уподобляет человеческое мышление искусству кинематографа, оперирующему неподвижными кадрами для создания подвижной картины. Философ пишет: «Реальное – это постоянная изменчивость формы: форма есть только мгновенный снимок с перехода. И здесь также, следовательно, наше восприятие приспособляется к тому, чтобы уплотнить в прерывные образы текучую непрерывность реального»⁴. Т. В. Цареградская, комментируя данную мысль Бергсона, пишет: «... в мышлении всегда возникает точка (мгновение, фотография, кадр) “остановленного времени” и “дыра” (черная граница кадра), тот темный момент, который по существующему закону природы не подвластен сознанию и в котором таится «чистая длительность»⁵.

Моменты молчания в сочинениях Ноно также можно уподобить «остановленному

Auto 1.2
 Clar. 1.
 Ag. 1.
 Cor. 1.

Arpa 1

Xil. 1

Cel.

Arpa 2

Xil. 2

Vibr.

P. jazz

Arpe, Celesta, Vibrafono lasciar sempre vibrare

Пример 1

времени», наличие которого связано не только с оформлением «отдельных образов», но с установлением диалога с идеальным временем – «чистой длительностью» Бергсона, суть которой – вечность. В этом отношении фрагментарное формообразование Л. Ноно приближается к концепции «момент-формы» К. Штокхаузена: «Все происходящее не развивается от определенного начала к неизбежному концу. Момент не должен быть просто выводом из предшествующего и источником последующего, частью измеренной длительности. Концентрация на “теперь” – на каждом “теперь” – создает словно бы вертикальные срезы, проникающие в горизонтальное временное представление вплоть до вневременности, которую я называю вечностью, вечностью, наступающей не с концом времени, а достижимой в любой момент»⁶.

Заметим также, что в рассматриваемых в настоящей статье сочинениях Ноно 1960 г. основополагающий фактурный принцип демонстрирует попытку отразить *дление* в понимании, близком концепции чистой длительности А. Бергсона. Сам принцип постоянного взаимодействия родственных интонаций одновре-

менно по вертикали горизонтали, допускающий их постоянные наложения вне привычной мотивной разработки, устраняет возможность нахождения причинно-следственных связей и тем самым приближается к отражению «чистой длительности» – «формы, которую принимает последовательность наших состояний сознания, когда наше “я” активно работает, когда оно не устанавливает различия между настоящими существованиями и состояниями, им предшествовавшими (курсив мой – А. Р.)»⁷.

Приведем здесь в качестве комментария выдержки из работы М. Мамардашвили «Эстетика мышления», позволяющие во многом прояснить парадоксальность приближения к неделимой чистой длительности через артикулированную концепцией «Moment-Form» и идеей фрагмента Ноно дискретность. Говоря о том, что «... понимание совершается только в “миг”, в “сейчас”, в решающем и будущее определяющем смысле...»⁸, философ констатирует: «в самом акте понимания содержится некоторая внутренняя бесконечность»⁹. Невозможность постоянного пребывания в чистой длительности связана с несовершенством природы человеческого сознания, способного,

The image shows a musical score for three vocal parts: Soprano (Sopr.), Alto (Alto), and Bass (Basso). Each part has two staves. The lyrics are in German: "H schwarz di ge ne klei ro det". The score includes various dynamic markings such as *mp*, *p*, *f*, and *ppp*, as well as articulation marks like accents and slurs. The notation is complex, with many notes and rests, reflecting the 'Moment-Form' concept mentioned in the text.

Пример 2

как было сказано в вышеприведенном фрагменте труда А. Бергсона, мыслить динамику исключительно через неподвижность. Отсюда и известный вывод М. Мамардашвили, который во многом объясняет огромную сложность исполнения вокальной музыки Л. Ноно 1960–1980-х гг., поглощающей физические и душевные ресурсы исполнителей: «... мысль доступна человеку на пределе напряжения всех его сил»¹⁰, то есть «в мысли нужно пребывать – усилием»¹¹.

Стремление к перманентной изменчивости звука, в различной степени интересовавшее Ноно на протяжении всего творческого пути, является во многом следствием того уникального слухового восприятия, которое сформировалось в своеобразной акустической атмосфере Венеции. Ноно писал: «В моем доме в Венеции, на острове Джудекка всегда можно слышать колокола: их звуки слышны отовсюду, днем и ночью, в туманный и солнечный день, с различными резонансами, с разнообразными значениями»¹².

Особое внимание композитора к поэзии Антонио Мачадо и, особенно, Чезаре Павезе так же можно объяснить нацеленностью творчества этих мастеров на созерцание динамической картины окружающей природы, вплоть до растворения своего «я» в этом жизненном потоке. Обратим внимание на слова Чезаре Павезе: Я самозабвенно стою перед ландшафтом, перед ясным небом, водотоком или лесом, и совершенно неожиданно охватывает меня неистовое требование больше не быть самим собой, а быть этим полем, этим небом, этим лесом, искать то слово, что все это вместе выра-

зит, быть стеблем травы, этим ароматом, этой пустотой Я не существую, поле существует, небо существует, мои ощущения существуют, как открытые голодные рты, что поглощают вещи»¹³.

Восприятие не собственной музыки, звучащей в пространстве, а самого гибкого, изменчивого пространства, в котором важна жизнь каждого отдельного звука, артикулирующего не-корпускулярную природу истинного времени, составляет суть музыкальных экспериментов Ноно в его хоровых и вокально-ансамблевых сочинениях, написанных после 1960 г.

Если в «Эпитафиях» Ноно уподоблял хор специфическому ударному инструменту, представляющему в большей степени ритм, но не высотно-определенную интонацию (основным вокальным приемом в «Эпитафиях» становится *Sprechgesang*), то в последующих сочинениях все большее значение начинает играть *дление* музыкального звука, что приводит в 1956 г. к отказу от использования техники *Sprechgesang* в кантате «*Il canto sospeso*», а в 1960 г. – к выведению из состава исполнителей шумовых ударных инструментов. Начиная с 1960 г. каждое последующее сочинение Ноно рождается как очередной эксперимент по изучению исполнительских возможностей человеческого голоса – «богатейшего из всех существующих инструментов»¹⁴. Даже при отмеченном выше сходстве в фактурной и формальной организации, каждая из вокально-ансамблевых пьес 1960 г. представляет свой оригинальный «тембровый проект». Если для «*Sarà dolce tacere*» важно типичное для композиторов-венецианцев взаимодействие двух смешанных хоров (в

1 QUE NADIE MIRA. DE LOS PERALES

2 QUE NADIE MIRA. DE LOS PERALES

3 QUE NADIE MIRA. DE LOS PERALES

4 E MIRA. DE LOS PERALES

5 E MIRA. DE LOS PERALES

6 E MIRA. DE LOS PERALES

Пример 3

данном случае квартетов: S1-A1-T1-B1 + S2-A2-T2-B2), то пьеса «На venido», написанная для секстета сопрано и сопрано-соло напоминает во многом монохромные композиции художников XX в., связанные с представлением всего многообразия оттенков только одной используемой краски.

Общей задачей, решаемой и в «На venido», и в «Sarà dolce tacere» является работа с акустическим пространством, одним из результатов которой становится формулировка нового типа фактурного изложения, названного И. Стояновой музыкальной «голографией»: «То, что кажется особенно важным для Ноно – не относительно статичное линейное развитие мелодичных линий во времени (что типично для традиционной полифонии), но внутренняя подвижность, мобильность изначально полифонического музыкального пространства. Пуантилистическое различие регистров, тембров, динамических величин и так далее позволяют сформировать некий вид музыкальной “голографии”»¹⁵.

По сути, перед нами чрезвычайно мобильная унисонная фактура, в рамках которой возможно изменение плотности линии за счет входа и выхода голосов, а также возникновение островков многоголосия посредством задержки отдельных тонов мелодии, звучащих одновременно с последующим развертыванием (пример 3).

Эксперимент «На venido» был в дальнейшем реализован во второй «l'azione scenica» Луиджи Ноно «Al gran sole carico d'amore», где стремясь к деперсонализации отдельных действующих лиц (Луизы Мишель, Татьяны Бунке, Деолы) композитор прибег к их экспозиции средствами вокального квартета сопрано.

«На venido» и «Sarà dolce tacere» явились первыми вокально-ансамблевыми сочинениями Ноно, в партитуре которых композитор избежал обозначения пауз, полностью отказавшись от ноты-носца в момент перерыва в звучании. То есть сама запись ясно артикулирует идею фрагмента уже здесь – в сочинениях, написанных почти за двадцать лет до Квартета «Fragmente – Stille – An Diotima» («Фрагменты – Тишина – К Диотиме»; 1979/ 80). Изучение данных партитур подвигает и к размышлениям об особенностях вокального пуантилизма Ноно. Несмотря на существующие аналогии между пуантилизмом в музыке и живописи, связанные с относительной автономией цвета-точки и звука-точки как строительных эле-

ментов композиций в контексте целого, между двумя этими явлениями существуют различия онтологического свойства. Поскольку цвет-точка в живописи имеет пространственную природу, а звук-точка в музыке – не только пространственную, но и временную, дифференциация между данными элементами в живописи может происходить с точки зрения размера и геометрической формы точки (круглой, прямоугольной, иной формы), а в музыке с точки зрения характера их звучания, учитывающего в немалой степени параметр длительности. Дифференциация звуков-точек по времени звучания оказывается особенно важной для построения типичных для сочинений Л. Ноно 1960–1980-х гг. динамических унисонов, в которых несовпадение по времени звучания входящих в унисоны тонов создает наряду с различием нюансировки условия для многократного тембрового изменения звучности во времени. Это определяет специфику вокального пуантилизма Ноно, связанного не столько со взаимодействием кратких точек, сколько с построением композиции на основе протяженных тонов, изолированных друг от друга фрагментами тишины.

Что касается пространственности, то именно в «Sarà dolce tacere» композитор предваряет партитуру схемой размещения исполнителей на сцене, позволяющей добиться необходимых эффектов звучания (схема 1).

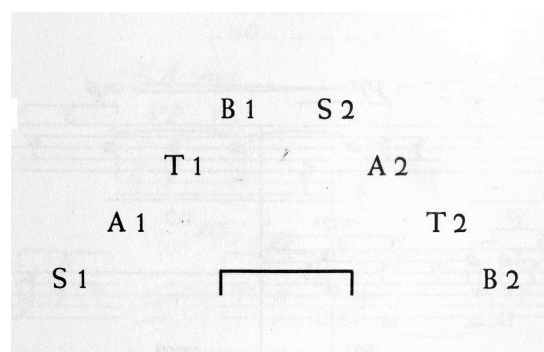

Схема 1

Обратим внимание на эту схему: два вокальных квартета расположены зеркально относительно друг друга. Подобное расположение оказывается необходимым для пространственного отражения звучащих тонов вне сменяемой тембровой краски. Наибольшее внимание в этом отношении уделено крайним голосам фактуры. При перемещении звука от S1 к S2 или от B1 к B2 Ноно старается избегать разнородной фонации. Если в «Il canto sospeso» и

в «Ein Gespenst geht um in der Welt» приоритетным способом достижения фонационного единства является внедрение гласных одного вербального ряда в структуру слов другого ряда (своеобразная вербальная интерполяция), то в «Sarà dolce tacere» и «Ha venido» композитор уходит от «тембровых» диссонансов через использование интонирования закрытым ртом (*bocca chiusa*), создающего дополнительный объем звучания воспроизводимого в родственной партии гласного звука. Возникает эффект стереозвучания: один и тот же звук звучит более рельефно в одной части сцены, менее рельефно – в другой (пример 4).

В отличие от пар крайних голосов фактуры, расположенных на некотором отдалении, тенора и альты размещены рядом, что оказывается необходимым для ансамблевой координации при исполнении унисонов. Соединение в одном тоне тембров мужского и женского голосов создает, вследствие принципиального несовпадения тесситурных показателей, специфическую краску, однозначно не идентифицируемую как звучность женского или мужского голоса. В этом отношении Ноно является продолжателем экспериментов главы новой венской школы, позволивших существенно преобразить консервативную хоровую звуч-

The image shows a musical score for the piece "Ha venido" by Luciano Berio. It consists of two systems of staves. The first system covers measures 26 to 28, and the second system covers measures 80 to 81. The score includes vocal parts (Soprano, Alto, Tenor, Bass) and piano accompaniment. Dynamic markings such as *p*, *mf*, and *pp* are used throughout. The lyrics "C'É UNA TERRA" are written at the bottom of the score. The score is marked with "b.c." (bocca chiusa) and "rall." (rallentando).

Пример 4

72 ca. 60 ca. 72 ca. 18 *rall.* 19 60 ca. 20 *pp* *accel.* 5

HA VE.NI - - - - - Do.

1 A I O

2 A I O

3 I O

4 O A

5 O A

6 A

HA VENIDO.

Пример 5

10 31 32 33 34

p *b.c.* *pp* *p* NO - - - - N

54 ca. *p* *b.c.* *pp* *p* TE

66 ca. *p* *b.c.* *pp* *p* LON

mf *b.c.* *pp* *p* É

E NON É T

Пример 6

6
11 12 13 14 15

mp VI
5
DI
p TA
pp A
p CE
pp TA
GNA

rall. *50ca. rall.*

pp E
pp A
p TTE
NO
p b.c.
p b.c.

VIGNA CHE DI NOTTE TACE.

Пример 7

24
80 ca. 111 112 113 114

mf DE...SPE...RTAR.
f

1 E
2 E
3 A
4 A
5 A
6 A

DESPERTAR..

GIULIETTA 16 MAGGIO 1960

Пример 8

ность, базирующуюся на соблюдении относительного соответствия в степени тесситурного напряжения между вокальными голосами. Для Ноно унисон альты и тенора – важнейший инструмент в процессе тембровой модуляции, поскольку именно этот «бесполоый» тембр является центральным при создании постепенного перехода от звучности одного однородного состава к звучности другого.

В 1960 г., за много лет до работы в студии Фрайбурга, где Ноно будет открыт феномен «нейтрального звука», композитор интуитивно стремится использовать тихие нюансы (tr – pp), являющиеся наиболее приоритетными для тембровой модуляции, сущность которой в нивелировании контраста окраски звучания при смене групп исполнителей.

Определенное размещение позволяет добиваться эффекта перемещения звука без использования средств Live-electronics. Так, в «На venido» Ноно использует типичный для его поздних сочинений прием подключения голоса к уже образованному другими голосами звучанию. Одни из наиболее показательных примеров можно встретить в тактах 16–19, и 102–104, где последовательное вхождение голосов, воспроизводящих один и тот же тон, создаёт эффект пространственного перемещения звука (пример 5).

В тактах 32–34 «Sarà dolce tacere» мы видим аналогичный пример, но осложненный политембровой организацией фактуры, создающей условия и для тембровой модуляции (пример 6).

Наиболее распространенным в «Sarà dolce tacere» вариантом тембровой модуляции является изменение звучащей краски через выключение одной или нескольких партий из ансамбля (пример 7). При постепенном изменении тембрового оформления звучащего тона композитор нередко использует фонацию закрытым ртом в качестве промежуточного этапа между пением узких («и», «е», «у») и широкими («а», «о») гласных, что позволяет избежать резкого контраста окраски тона.

В контексте развития хорового и вокально-ансамблевого письма Луиджи Ноно фактурная организация «Sarà dolce tacere» оказывается наиболее прогрессивной. В пьесе «На venido» мы еще можем обнаружить рудимент мелодической горизонтали, что обусловлено функциональной дифференциацией сопрано-соло и секстета сопрано: фрагменты горизонтального развертывания, когда мы встречаемся с

феноменом, близким мелодии, наполненной типичными для итальянской вокальной музыки сложными фиоритурами, располагаются в партии сопрано-соло, в то время как вокальный секстет представляет основные интонации солистки в совокупности (пример 8).

Подобное фактурное оформление во многом напоминает уже приводимый в качестве примера инструментальный фрагмент «Эпитафии Федерико Гарсиа Лорки № 3». В «Sarà dolce tacere», напротив, композитор полностью отказывается от представления мелодической горизонтали, сосредоточивая свои усилия на организации сложной хоровой стереофонии, в рамках которой в качестве основных фактурных типов можно выделить два: а) стереомонодию¹⁶, формируемую темброво-мобильными унисонами, б) неогетерофонию, предполагающую одновременную пуантилистическую репрезентацию нескольких вариантов одной стереомонодии.

Таким образом, сочинения 1960 г., демонстрируя связь с ранним творчеством композитора 1950-х гг., обозначают направление движения эволюции вокально-ансамблевого и хорового письма Ноно 1960–1980 гг. Отказ от причинно-следственной связи в музыкальной архитектонике, стереофоническая или музыкально-голографическая (говоря словами И. Стояновой) организация хоровой фактуры, а также сам вид вокальной партитуры с визуализированными через пропуск нотоносца фрагментами молчания – все это является весьма типичным для творчества композитора не только в 1980-е, но уже в 1960–1970-е гг.¹⁷, позволяя реализовать важнейшую для творчества Ноно идею постоянного движения, выраженную им в знаменитых словах: «Всегда по-новому, все время иначе, несимметрично... Искать новое, по-новому слышать...»¹⁸

Примечания

¹ В диссертации «Луиджи Ноно: исследование композиционных принципов» М. Чистякова пишет: «Во второй половине 50-х гг., отражая общую тенденцию композиторов-сериалистов, Ноно пытается преодолеть изолированность звуков, развивая технику структурирования “звуковых полей” (Klangfelder). В центре композиции такого рода – не единичный звук, а группа звуков, расположенных на расстоянии полутона, и образующиеся в результате “вертикализации” серии (Ляхенман) вертикальные

“звуковые полосы” (*Klangbaender*), характеризующиеся повышенной плотностью звучания». См.: Чистякова, М. Луиджи Ноно : исследование композиционных принципов : дис. ... канд. искусствоведения. М., 2000. С. 29)

² Подробнее об этом: «А могло быть иначе...» Интервью с Луиджи Ноно / пер. М. Чистяковой // Слово композитора (по материалам второй половины XX в.) : сб. тр. Вып. 145 / РАМ им. Гнесиных. М., 2001. С. 83.

³ Кириллина, Л. Луиджи Ноно. // XX век. Зарубежная музыка : очерки и документы. Вып. 2. М., 1995. С. 26.

⁴ Бергсон, А. Творческая эволюция / пер. с фр. В. Флеровой. М. ; Жуковский, 2006. С. 289.

⁵ Цареградская, Т. Время и ритм в музыке второй половины XX в.: О. Мессиа́н, П. Буле́з, К. Штокхаузен, Я. Ксена́кис : дис. ... д-ра искусствоведения М., 2002. С. 46.

⁶ Из работы К. Штокхаузена 1962 г. «Изобретение и открытие: доклад о генезисе формы». Цит. по: История зарубежной музыки. XX век : учеб. пособие / сост. и общ. ред. Н. Гавриловой. М., 2007. С. 256–260. Концепция Штокхаузена по своей сути оказалась близка идеям Ж. Делёза, изложенным им в книге «Логика смысла», также появившейся в 1960-е гг. Протицируем небольшой ее фрагмент: «Только настоящее существует <...> оно впитывает в себя прошлое и будущее, сжимает их в себе и, двигаясь от сжатия к сжатию, со все большей глубиной достигает пределов всего Универсума, становясь живым космическим настоящим. Достаточно двигаться в обратном порядке растягивания, чтобы Универсум начался снова, и все его моменты настоящего возродились» (Делёз, Ж. Логика смысла / пер. Я. Свирского. М., 1998. С. 84).

⁷ Бергсон, А. Непосредственные данные сознания: время и свобода воли / пер. с фр. Б. Бычковского. 3-е изд. М., 2010. С. 73–74.

⁸ Мамардашвили, М. Эстетика мышления. М., 2000. С. 230.

⁹ Там же. С. 96.

¹⁰ Там же. С. 30.

¹¹ Там же. С. 114.

¹² Stoianova, I. Luigi Nonos Vokalwerke der fünfziger und sechziger Jahre // Die Musik

Luigi Nonos / Hrsg. O. Kolleritsch / Studien zur Wertungsforschung. Band 24. Wien–Graz, 1991. S. 199.

¹³ Stenzl, J. Luigi Nono und Cesare Pavese // Über Musik und Sprache / Hrsg. von Rudolf Stephan / Veröffentlichungen des Instituts für neue Musik und Musikerziehung Darmstadt. Band 14. – Mainz : B.Schott's Söhne, 1974. S. 94.

¹⁴ Gespräch Nono mit Martine Cadieu // Nono, L. Texte. Studien zu seiner Musik / Hrsg. von Jürg Stenzl. Zürich–Freiburg, 1975. S. 236.

¹⁵ Stoianova, I. Luigi Nonos Vokalwerke... S. 184.

¹⁶ Стереомонодию необходимо отличать от политембровой монодии. Несмотря на то, что оба фактурных типа связаны с техникой Klangfarbenmelodie, последняя, нашедшая применение ещё в партитурах нововенцев А. Веберна и А. Шёнберга, содержит в себе явные признаки линейного мышления.

¹⁷ В одной из предшествующих статей автора уже говорилось о целесообразности корректировки представлений о характере творческой эволюции композитора: «... представляется необходимым говорить не столько о внезапном стилевом повороте в творчестве Ноно конца 1970-х, сколько о естественных эволюционных изменениях, логика которых во многом определялась борьбой основных идейно-образных планов: общего (философская лирика) и частного (политический ангажемент). Отказ от политически-заострённой тематики, ставший следствием эстетического тупика Ноно в середине 1970-х, и привёл к феномену позднего Ноно, устранив препятствия на пути эволюции тех идей, что зародились на рубеже 1950–1960-х (о чём свидетельствует «*Ha venido*»), и способствуя их объективации на пути к «Ноно *puovo*» (новому Ноно) – явлению, которое точнее было бы назвать «Ноно *riogo*» (чистый Ноно)» (Рыжинский, А. С. «*Ha venido*»: на пути к «новому» Ноно // Дом Бурганова. Пространство культуры. 2012. № 2. С. 226).

¹⁸ Цит. по: Халлер, Х. П. «Всегда по-новому, всё время иначе...» В экспериментальной студии Фрайбурга // Музыкал. акад. 1996. № 1. С. 50.

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ «ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБЩЕНИЕ»

(соавторы: Беляков М. В., Максименко О. И., Денисов К. М., Миньяр-Белоручева А. П., Шапошников В. Н., Лукашевич Е. В., Елыманова В. Е., Олешков М. Ю., Хомутова Т. Н., Харченко Е. В.), Челябинск, 2013

Актуальность темы рецензируемой монографии несомненна: с одной стороны, постиндустриальное общество начинает осознавать важность структурирования и повышения эффективности информационных потоков, а с другой, реформирование высшего образования ориентирует на подготовку специалистов, умеющих эффективно общаться в своей профессиональной сфере. К тому же, как справедливо отмечает Т. Н. Хомутова в своем разделе монографии, «в последнее время языкознание переживает настоящий бум интереса к своему объекту, появляются новые теории и гипотезы, новые парадигмы исследования, новые дисциплины, новая “дисциплинарная матрица” лингвистики».

Цель коллективной монографии – систематизировано представить новые подходы к общению в профессиональной сфере, а также описать относительно новые для исследования в этом русле сферы деятельности (дипломатическая коммуникация, педагогическое общение, тележурналистика и т. п.). *В рукописи представлены разные научные направления, однако все главы связывает один объект, заявленный в названии монографии, – профессиональное общение.*

Первая глава (авторы М. В. Беляков, О. И. Максименко) посвящена достаточно закрытой сфере профессиональной коммуникации – дипломатической, целью которой всегда был поиск компромиссных решений без необходимости выставлять многие достижения дипломатов на всеобщее обозрение. Этой особенностью, по словам авторов, объясняется и незначительное количество работ, посвященных, в частности, лингвистическим аспектам дипломатических текстов, включая публикации дипломатов высшего ранга в СМИ, и дипломатической коммуникации в целом.

К терминологии обращены исследования К. М. Денисова «Совершенствование профессионального общения как приоритетная задача лексикографии и терминологии» и А. П. Миньяр-Белоручевой «Исторические

термины как объект исследования языка специальности». Можно отметить, что в настоящее время внимание к терминам возрастает в связи с развитием и специализацией многих научно-практических направлений, а также обилию заимствований из других языков. К этой проблематике тесно примыкает глава В. Н. Шапошникова «Язык в специальной сфере: числовой код и исчисление в системе языкового выражения», в которой автор описывает феномен языкового выражения в специализированной сфере, характеризующейся специфическими задачами, объектом и языковым материалом наряду с системными правилами.

Е. В. Лукашевич и В. Е. Елыманова проанализировали **профессиональное общение тележурналиста в аспекте прикладной психолингвистики**, рассматривая **речевое общение в массовой коммуникации**, и подробно описали специфику медиадискурса.

Изучению педагогического дискурса как объекта лингвопрагматического исследования посвятил свой раздел монографии М. Ю. Олешков. Под устным педагогическим дискурсом он понимает клишированную разновидность «личностной» коммуникации, которая представляет собой нормированный тип вербального взаимодействия.

Т. Н. Хомутова предлагает интегральную теорию профессионального общения и доказывает, что именно интегральный подход к изучению взаимосвязи и взаимообусловленности четырех секторов языка и коммуникативной деятельности как главного стержня, активирующего элементы этих секторов, может дать более полное представление о том, что же такое язык и его единицы, одной из которых является текст.

Е. В. Харченко выявляет современные проблемы, связанные с профессиональным общением, и предлагает подходы к их решению. Особое внимание уделяется роли филологии в решении этих проблем на современном этапе. Следует особо отметить, что все главы взаимоперекликаются и дополняют друг друга, позво-

ляя объемно взглянуть на профессиональное общение с теоретической и практической точек зрения.

Новизна монографии в ее многоплановости: в ней впервые предложена интегральная теория профессионального общения, дан глубокий анализ дипломатической и педагогической коммуникации, рассмотрено профессиональное общение тележурналиста, представлены исторические термины как объект исследования языка специальности, уделено внимание корпоративной культуре и псевдопрофессиональному общению, описаны числовой код и исчисление в системе языкового выражения. Объединяющей идеей является совершенствование профессионального общения и подготовки к нему в вузах.

Несомненен вклад авторов монографии в теорию коммуникации, практику лексикографии, терминологии, лингвистическую прагматику. Современные федеральные государственные стандарты высшего профессионального образования фактически оставляет за рамками подготовки использование научных результатов, полученных, например, в теории коммуникации и психолингвистике, поэтому монография может оказать существенную помощь при разработке дисциплин, связанных с речевой деятельностью специалистов.

Профессор кафедры теории языка
Челябинского государственного университета,
д-р филол. наук, проф. Т. А. Воронцова